

Ю. С. Грачев

В Иродовой бездне

Воспоминания о пережитом

Книга третья

Оглавление

Часть 5. ЖУТКИЕ ГОДЫ (1934-1938)	2
Глава 1. Воротник	2
Глава 2. Часовня	4
Глава 3. Случайность ли?	6
Глава 4. Так он верил	11
Глава 5. Перед бурей	14
Глава 6. Буря	17
Глава 7. Следствие	20
Глава 8. Очные ставки	26
Глава 9. В поисках правды	30
Глава 10. В ожидании приговора	36
Глава 11. На пути к наказанию	40
Глава 12. Наказание	45
Глава 13. Облегчение	50
Глава 14. Ласки жизни	56
Глава 15. На дне	63
Глава 16. В трудах	70
Глава 17. Добрый Пастырь	81
Глава 18. Всегда с Иисусом	95
Глава 19. Своими путями усмотрит Сам Бог	100
Глава 20. Лютые беды	105
Глава 21. Сохранен	109
Глава 22. Освобождение	114
Глава 23. В Иродовой бездне	119
Часть 6. ВЕТЕР БУРНЫЙ (1939-1944)	125
Глава 1. Темнеет	125
Глава 2. Непогода	129
Глава 3. Сильные волны	133
Глава 4. Ветер бурный	137
Глава 5. Девятый вал	139
Глава 6. "И волны смолкнут..."	144
Глава 7. Свидание	145
Глава 8. Ничего в волнах не видно... (1941 – 1942)	153
Глава 9. Перед рассветом (1942 – 1944)	158
Глава 10. Голод	170
Глава 11. Победа	172
Глава 12. Верный подход	174
Глава 13. Освобождение	175

Часть 5. ЖУТКИЕ ГОДЫ (1934-1938)

"...Злодеи злодействуют, и злодействуют злодеи злодейски"

Пс. 24,16

"На тебя, Господи, уповаю"

Пс. 70,1

Глава 1. Воротник

"...Будьте всегда готовы..."

1 Петра, 3, 15

Словно теплый летний ветерок, пахнувший травами и садами, пронесли краткие дни пребывания Левы у отца в Мелекесском районе. Память о прошлом, обо всем, что он пережил: неволя, разлука с близкими, — исчезла, и на душе было светло, радостно.

Заботливая мать не сводила с него глаз и все угощала:

— Кушай, Лева, ты ведь такой слабый приехал, теперь поправляйся.

Отец радостно улыбался, глядя на сына, и говорил:

— Ты должен у меня поправиться, как на курорте. Ведь здесь у нас, в сельской местности, с питанием гораздо легче, чем в городе, и хлеб едим не по карточкам, а вволю.

Лева ел с аппетитом. Окна в избе широко раскрыты, слышится мычание коров, блеяние овец, доносятся запахи полыни, свежего сена.

Отец вел прием в амбулатории совхоза, свободного времени у него было мало, но как только кончился прием, он рассказал сыну и своей жене Анне Ивановне о трудном для диагностики случае заболевания одной женщины, и как он все-таки поставил правильный диагноз и ее вовремя оперировали. Лева восхищался отцом — старым, опытным медработником, которому не напрасно было присвоено в свое время звание Героя Труда.

Да, опыт необходим, — говорил Лева. — Я вот на первых порах своей медицинской работы допускал явно неправильные назначения. Вот, например, вызвали меня к одной "вольной" женщине, у нее маточное кровотечение, я ей назначил экстракт. Прихожу и говорю об этом хирургу Троицкому. Он покачал головой и велел мне немедленно привести к нему больную для обследования. При этом прочел целое поучение, что нельзя делать назначений, лечить, пока не выяснишь причины заболевания, не поставишь точный диагноз.

Верно, верно, — говорит отец и рассказывает случаи, когда ему приходилось спасать жизнь людей от неправильной тактики врачей, только что окончивших вуз и не имевших еще никакого практического опыта.

— Да, мне нужно учиться, учиться, — говорит Лева, — и я, возможно, стану ученым и сделаю много для того, чтобы оздоровить жизнь и принести добро людям.

Отец, сидя за столом, погладил свой большой лоб:

— После революции врачей не хватало, и мне несколько раз предлагали поступить в вуз и окончить его. К этому создавались все условия, но, знаешь, я, размышляя, молился и — отказался учиться.

— Почему же, папа? — с удивлением спросил Лева.

— Были три причины, — пояснил отец. — Первая: работой хотя я был и очень занят, я уделял все свободное время делу Евангелия. Я не только нес в нашей общине служение диакона, посещал духовно и телесно больных, проповедовал в собрании и участвовал в работе Средне-Волжского и потом Волго-Камского союза нашего, но также в свободное от дежурства время ездил в ближайшие села, проповедовал Христа и крестил

обращенных. И сколько было благословений! Какая жизнь была. Ко мне обращались везде в селах всякие больные, и Господь давал мудрость помогать им. — Глаза отца при этом сияли особой радостью. — А если бы я стал учиться, то, конечно, не мог бы так трудиться для ближнего. — Это была первая причина — продолжал он. — Второе: я заметил, что врачи как-то дальше находятся от людей, нежели фельдшера. Врач сделал обход или прием, сделал назначения, а мы, фельдшера, выполняем эти назначения, всегда с больными, можем попросту беседовать с ними и рассказывать о Спасителе. Вот Андрей Иванович Лексин лежал у нас в железнодорожной больнице, я тогда работал там. Вижу — человек несчастный грешник. Побеседовал я с этим рабочим, он отдался Христу, и теперь с женою радуются: вот уже сколько лет ведут чистую, трезвую, хорошую жизнь. А уверовав, он не стал хуже работать; наоборот, его всегда и везде выдвигали на заводе как примерного. И еще третья причина, которая помешала мне учиться: я должен был кормить семью, а для того, чтобы учиться, нужны средства. Благодарю Бога за то, что имею и могу как фельдшер служить людям. И здесь вот меня ценят, уважают, хотя, как верующий, в теперешнее время ни я, ни все мы не в почете.

— А я все-таки очень хотел бы стать врачом, — сказал Лева. — С Божьей помощью постараюсь доказать миру, что можно быть христианином и ученым.

В ответ на тираду отец с сомнением покачал головой:

— Едва ли дадут! Христос сказал: "Меня гнали и вас будут гнать". Нельзя совместить спокойную жизнь и ревностное служение Евангелию.

— Я это понимаю, — сказал Лева. — И не собираюсь вести спокойную жизнь. Теперь, после того, что мне довелось пережить, я знаю, что пока люди ненавидят Христа, они будут ненавидеть и нас. Но почему-то все же никак не могу расстаться с мыслью, что нужно учиться.

— Помоги тебе Бог во всех твоих стремлениях, — сказал отец. — Пусть Он Сам усмотрит все.

Разговор их был прерван: пришла медсестра и позвала отца к заболевшему трактористу.

Не более двух недель прожил Лева у отца, но так окреп, посвежел и в то же время так жаждал работать, что, несмотря на все уговоры родных остаться еще погостить, вернулся в Самару. Спустя несколько дней вернулась домой и мать. Она продолжала работать как работница-швея на фабрике и должна была заботиться о детях.

Она с сокрушением смотрела на старенькое пальто Левы, от воротника ничего не осталось, кроме подкладки: каракуль в дезокамерах перегорел и рассыпался. Купить Лева новое пальто не было средств, и мать решила перелицевать старое, а от своего ветхого пальто отпороть каракулевый воротник и пришить к Левиному.

— Мама, — сказал Лева, — все, что ты делаешь с пальто, хорошо, но не совсем. Ты покрой воротник простым сукном.

— Да это будет совсем неприлично, так не носят, — ответила она.

— А ты сделай так, — посоветовал Лева, — поверх суконною воротника пришей каракуль, а когда придут меня арестовывать, то отпорешь его — и пальто будет с суконным воротником.

— Что ты, Лева, неужели будут еще арестовывать? — воскликнула мать. — Хватит, уже насиделся!

Лева грустно улыбнулся:

— Я не хотел бы снова сесть в тюрьму, но приходится жить по принципу: "Будь готов, ко всему готов, всегда готов". И если Христос в нашей стране отвержен — Он, Который делал людям столько добра и положил Свою жизнь для спасения человечества, то и мы, Его ученики, как бы ни старались делать добро и служить ближнему, все же будем отвержены и гонимы.

Лева говорил эти слова матери, а сам в глубине души с ними как-то не соглашался: все его существо требовало правды, справедливости, не хотело мириться с этим ужасным

беззаконием, что самые лучшие, честные, верные люди — искренно верующие — должны быть опозорены, оклеветаны, сравнены с мусором, который путается под ногами, и быть выброшенными из жизни. Он знал своего отца, знал многих, многих верующих, прекрасных в семьях, в своем труде, и все они были опорочены.

И он думал: "А что, если пробраться к высшему правительству, доказать, объяснить... Если бы Сталин узнал, что делается, то все бы изменилось. Ведь при Ленине этого не было".

Мать с особой нежностью посмотрела на сына и сказала:

— Работай, Лева, постарайся учиться, в духовной работе будь осторожен, не лезь на рожон. Ведь теперь дело Божие так сковано, а эти собрания в часовне так малы...

Лева ничего не сказал матери и стал собираться — в первый раз пойти в часовню.

Был тихий вечер, приближалась осень, в воздухе чувствовалась прохлада...

Глава 2. Часовня

"Но что до того, как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренне, я и тому радуюсь и буду радоваться..."

Фил. 1,18

С тех пор как в 1929 году закрыли молитвенный дом, многое пережили верующие. Были закрыты и православные церкви — якобы "по требованию населения", еврейская синагога, мусульманские мечети. Верующие всех исповеданий продолжали молиться по домам — каждый по-своему, но отсутствие организованных богослужений, несомненно, сказывалось. Того огонька, стремления к Богу, который разгорался, когда верующие собирались вместе, молились и пели, уже не было. Так же и подрастающее поколение, не получая никакого поучения в вопросах религии, росло в основном без религиозного воспитания. Казалось бы, пройдет еще несколько лет, вымрут старики и старушки, с верой будет покончено. Все те, которые особенно яро старались защищать Бога и проявлять себя как религиозники, чтобы они не оказывали "вредного влияния" на окружающих.

Но несмотря на это, в весьма сложных условиях многие верующие пытались собраться и иметь разрешенное богослужение.

Верующие, которые остались от старой самарской общины евангельских христиан-баптистов, а также от группы, которую возглавлял отступник Антон Максимович Зуйков, стремились иметь общение друг с другом и всячески поддерживали духовный огонь.

В Самаре появились так называемые пятидесятники. Представители этой секты открыто заявляли, что среди всеобщего разгрома и отступления настоящая истина и присутствие духа Божия только у них. Некоторые, даже старые верующие самарской общины, как, например, Василий Алексеевич Кузнецов и другие, и особенно те, кто увлекался проповедями Зуйкова, присоединились к пятидесятникам и почти не имели общения с остальными. Это было время духовного охлаждения, разброда и шатания.

На старинном Троицком базаре, где сохранилась еще церковная часовня, стали происходить собрания евангельских христиан-баптистов. Часовня была предоставлена властью для этих собраний. Вначале собрания в ней возглавляли самые невзрачные братья, но потом к ним стали присоединяться и бывшие видные труженики общины.

Многие недоуменно перешептывались:

— Как, почему были открыты эти собрания?

Когда Лева решил пойти в эту часовню, то некоторые предупреждали его:

— Будь осторожней. Это не что иное, как ловушка.

— Какая ловушка? — удивился Лева.

— А вот увидишь какая! — говорили ему и уходили, не объяснив ничего.

Но Лева все-таки решил пойти на это собрание, хотя он знал, что многие братья и сестры их не посещают.

Что представляла собой часовня? Это был обычный православный храм. Те же стены, тот же купол часовни. Только разные изображения святых замазаны, закрашены. Слабое электрическое освещение. Верх храма утопает в каком-то таинственном полумраке. Скамьи посетителей, как в молитвенном доме. Родное пение, оно ласкает сердце, невольно в душе встают воспоминания о старом молитвенном доме на Крестьянской улице. Там родное, близкое, а здесь что-то не то. Сердце невольно сжимается, ищет разгадки: что здесь? Да, здесь собирались старички и старушки. Вот преклонили колени, молятся. Те же молитвы, те же вопли к Богу, родные, близкие лица, но как мало собравшихся!

После открытия собрания, которое сделал брат Горин, тот самый, что в свое время вышел из общины и присоединился к Зуйкову. Все, вставши, спели гимн "Ближе, Господь, к тебе...". Лева пел со всеми. Он смотрел на серый каменный пол часовни и, вдохновляясь пением, поднимал голову выше, смотрел в окна, черные от наступившей ночи, и стремился всей душой уйти к горнему.

Говорил слово еще один брат. Молодежи не было видно. Вошла сестра с девочкой, которая пугливо озиралась на непривычную обстановку. Мать подтолкнула ее на первую скамейку, где сидела знакомая ей тетя. Девочка успокоилась, села рядом с ней и стала слушать.

А сколько детей верующих родителей и вообще детей этого города совершенно не слышали в эти годы ничего о Спасителе!

За стол вышел брат. Лицо Левы просияло. Это был дорогой Николай Александрович Левинданто. То, что он здесь, порадовало Леву. А когда Николай Александрович открыл Притчи Соломона, в те годы он увлекался ими и проповедовал из них, Лева с удовольствием слушал. Не только содержание проповеди, но и сама интонация голоса, сама речь проповедника напомнили ему те дивные собрания, когда выступали растущие силы и произносили огненные проповеди Петя Колесников, Ваня Бондаренко, Коля Левинданто и другие.

На этот раз в проповеди Левинданто не было огня, зато можно было подметить немалую склонность к размышлению, вернее — к резонерству.

"Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели богатый со лживыми устами, и притом глупый", — читал он из Притч (19 гл., 1 стих).

В эти годы, когда все, казалось, сводилось к борьбе против богатых, это не могло не отразиться и на том духовном движении, выразителями которого были баптисты. Так, незадолго до закрытия собраний в Москве у М. Тимошенко и у Павлова в молитвенном доме висел такой текст: "Как Библия относится к капиталу?"

И ответ: "Корень всех зол есть сребролюбие".

С названными двумя проповедниками близко дружил и Николай Александрович. Все они готовились сменить стариков — А. В. Одинцова, П.А Голяева и других — и хотели вести братство в современном духе. В этом особенно преуспел И. Бондаренко. Разложившись морально, он способствовал закрытию союза баптистов.

И вот теперь в своей проповеди Николай Александрович не преминул отметить разницу в положении богатых и бедных и подчеркнул, что богатые, как обычно, приобретая и увеличивая свои богатства, имеют лживые уста. Перед Богом же дорог человек, ходящий в непорочности, хотя бы материально он был и беден. Лева слушал и убеждался: да, голос Николая Александровича и его манера говорить были налицо, но содержание проповеди и сам дух проповедника были какие-то иные, словно он надел на себя маску.

После собрания приветствовались. Радостно смотрели на Леву старушки, они помнили его еще мальчиком, они молились за него когда он был в заключении. Братья также радостно целовали его но в отношении к нему многих Лева чувствовал какую-то сдержанность. Находились и такие, которые избегали смотреть ему в глаза.

К нему подошел Ваня Попов. Ростом выше Левы, худощавый, бодрый, он обнял его.

– Так ты вернулся с Соловков? — воскликнул Лева.

– Да, все мы вернулись, — радостно улыбаясь, сказал Ваня. — Господь сохранил и провел через все испытания.

– А я, когда посещал ссыльных и заключенных в Сибири, намеревался добраться до Соловков и повидать всех вас. Но не пришлось. Господь усмотрел и для меня узы.

– Слава Богу, что Он сохранил тебя. Ты так возмужал, вырос, — заметил Ваня. — Ну, пойдем. Ты видишь, братья к нам особенно не подходят, боятся: ведь мы из заключения.

Друзья вышли и медленно пошли по темной улице. Остановились у трамвайной остановки.

– Да, Лева, — сказал Ваня, — все изменилось, нет того огня, да и молодежь словно не та. Даже вот возьмите наши близкие: Петя Кузнецов, Клавдия Кабанова, Шура Кирюшкин, Шура Бондаренко. Все словно полузамерзшие... Но будем просить огня с неба.

– Да, да, будем, — с жаром подхватил Лева. — И не напрасно нас Господь вернул. Будем трудиться для Него.

Подождал трамвай, друзья расстались, Лева поехал домой.

Вечером он долго не мог уснуть. Думал он, однако, о том, что ему завтра предстоит устраиваться на работу, и возьмут ли его, где и как... Перед ним стояла часовня, а в ней Николай Александрович. Так ли все они проповедуют, так ли любят Господа, как прежде? Действительно, не ловушка ли это?

Лева отлично понимал, что все разговоры верующих, их настроение, их поведение контролируются специальными органами, и каждый, кто ревнует о деле Божиим, находится на особом учете. Что касается его, Левы, то — проповедовать ли ему в этой часовне, как он раньше проповедовал на Крестьянской? Работать ли с молодежью, как раньше, и если да, то с чего начинать?

Прежде всего нужно собраться всем. Я расскажу им, что нужно жертвовать собой, сестрам — кончать медицинские курсы и ехать помогать всем заключенным, поддерживать страдающих в узах братьев и сестер.

Лева никак не думал, что наступает ночь, что уже темнеет. Он верил в великий расцвет дела Божия в России. Ведь все братья, которые были в узах, которых он опрашивал по анкете, отвечали, что еще будет пробуждение в России. Эта вера от Господа. Впереди не духовная смерть, но какое-то воскресение.

Так верилось, а внешних оснований к этому не было никаких. Ведь все направлено было — устная агитация, печать, административные меры — на искоренение так называемых религиозных "предрассудков".

Верующие уповали только на Бога.

Глава 3. Случайность ли?

"Устроивший все есть Бог"

Евр. 3, 5

Поле медицинской работы в Самаре было обширное. Но Леву, после того как он на Беломорском канале поработал с хирургом Троицким, больше всего тянула к себе хирургия. Он совсем забыл, что, когда впервые приступил к изучению медицины, он со страхом смотрел на хирургические инструменты и думал быть кем угодно, но только не хирургом. Теперь он был убежден, что именно хирургия помогает самым опасным больным и часто вырывает обреченных из объятий смерти.

Вблизи дома, в котором жил Лева, находилась большая старинная земская больница. Ее деревянные домики (так называемые бараки) утопали в зелени высоких тополей, осокорей. Когда-то она была построена на окраине Самары, за ней были молоканские

сады, далее — поле золотистой пшеницы, а к Волге — монастырь, около которого образовался поселок; обыватели дали ему название — "Афон".

Теперь город разросся, на месте бывших молоканских садов возникли улицы с плодовыми насаждениями, а больница оказалась уже в глубине города. Вот туда-то и пошел Лева устраиваться на работу.

С ним побеседовала женщина — главный врач больницы, посмотрела документы и сказала, что может принять его как операционного фельдшера в одно из гнойных отделений. В это время в больнице было два гнойных отделения. Одним заведовал старый самарский врач, пользовавшийся большой популярностью, Тимофеев, другим — Андрей Андреевич Сосновский, который имел большой опыт гнойной хирургии. К нему и направили Леву, предупредив, что он еще будет и "подрабатывать", когда их отделение будет дежурить по неотложной хирургии. Тогда все медработники прирабатывали. Служебные оклады были так низки, что на них совершенно невозможно было прожить.

Андрей Андреевич встретил нового фельдшера приветливо, покрутил усы и поручил перевязочной фельдшернице передать ему весь операционный инструмент, который она временно имела на хранении

Лева с увлечением отдался новой работе. Правда, работать в отделении гнойной хирургии было не так-то приятно. Немало в то время было флегмон, гнойных перитонитов, встречалась также кома (водяной рак у детей). Все это наполняло воздух неприятным запахом гноя. Перевязки требовали терпения как со стороны больного, так и со стороны обслуживающего персонала, но Леве к этому было не привыкать. Ведь в заключении он столько повидал тяжелых гнойных заболеваний, нередко заканчивающихся смертью. При перевязках широко пользовались гипертоническим раствором поваренной соли, растворами марганцовокислого калия, — все это Леве было знакомо.

В операционной он стал не только подавать инструменты, но и ассистировать оперирующему хирургу.

Возвратившись домой, он делился впечатлениями о своей работе с сестрами Лелей и Лилей, которые были студентками второго курса химического института. За столом часто присутствовал и Всеволод, студент того же института. Они слушали Леву, но он убеждался, что они мало интересуются вопросами медицины. Напротив, они с интересом говорили между собой о предметах совершенно чуждых Леве.

— Я считаю, — говорил Всеволод, — что квантовая теория самая правильная.

— Что такое кванты? — спрашивал Лева.

Студенты толковали ему о квантах, но он понять их не мог и с грустью думал, что он отверженный, не может учиться, познавать науку. А вот они счастливые — учатся. Но выхода не было. Надо смириться. "Вот поработаю, — думал он, — а там и учиться буду..."

Вечерами Лева нередко встречался с Ваней Поповым. Они вели самые душевные беседы.

— Ты знаешь, — говорил Ваня, — ведь вернулся из заключения наш пресвитер Корнилий Францевич Кливер. На работу нигде устроиться не может. Ни бухгалтером, ни счетоводом. Он вынужден устроиться чернорабочим на строительство "Дома сельского хозяйства". Таскает кирпичи, чтобы заработать кусок хлеба для себя и семьи.

— А как у него здоровье? — спросил Лева.

— Здоровье неважное, после заключения плохо у него с сердцем бывает.

— Проповедует он теперь в часовне? — спросил Лева.

— Нет, не проповедует. Его даже в члены общины не приняли. Да и нас с тобой — власть дала указание — как отбывших якобы за "антисоветское", не принимать в члены общины.

— Ну, нас-то ладно, — сказал Лева, — но ведь Кливер — известный работник на ниве Божьей. Он был председателем Волго-Камского союза.

— Ему братья сказали, — грустно пояснил Лева Ваня, — что они могут принять его в члены общины и он получит право проповедовать, если предварительно перед всеми раскается в своей мнимой "антисоветской деятельности".

— Ну, а он что? — поинтересовался Лева.

— Он, конечно, на братьев не обиделся. Он отлично понимал, что это диктует им тот, кто руководит сейчас церковью. Но сказал, что каяться ему не в чем, так как он ничего худого против власти не сделал.

— Ну, а братья что?

— Братья, конечно, его не приняли. И так остается он словно чужой.

— Ох, какие времена! — воскликнул Лева. — Где же правда? Где справедливость? Но я верю, что будет великое и необыкновенное.

— А как же это может быть? — спросил Ваня.

— А вот так, — твердо ответил Лева. Его глаза заискрились от какого-то внутреннего вдохновения. — Это будет как в Деяниях апостолов: разгром Иерусалимской церкви, Савл терзает детей Божиих. Все, кажется, идет на уничтожение. Никто не может остановить Савла и всех, кто борется с Христом. Но вот Христос встречается с Савлом, и он остановлен. Его гонения прекращены, а далее Савл становится Павлом и несет весть Евангелия. Так вот, я верю: не от нас произойдет победа Евангелия и его распространение, а восстанут Савлы и прекратятся гонения, и из врагов Христа они станут Его учениками, Павлами, и будут работать для Господа больше, чем мы. Из атеистов превратятся в проповедников Евангелия.

Ваня молчал, задумавшись. Лева не знал, хватает ли у него веры в то, о чем он говорил. В самом деле, так трудно было верить в будущее, ведь кругом было так темно, так темно. И казалось, что верующих становится все меньше и меньше...

Однажды к Лева подошла Дора — сестра-хозяйка гнойного отделения, в котором он работал.

— Знаешь что, Лева, — сказала она, — сегодня все санитарки и медсестры делали генеральную уборку помещения, и им полагается дать немного спирту.

— Это для чего спирту? — спросил Лева.

— Да так, с усталости после работы все угощаются понемножку. Такой уж порядок заведен с давних пор.

Лева задумался. Весь спирт, перевязочный материал, так же как и инструментарий, хранился у него. Как же тут быть? Наливать самому спирт и давать, чтобы выпили? Это недопустимо.

— Выдавать вам спирт я не могу, — сказал Лева. — Но я знаю, ты, Дора, надежный, ответственный человек. Я сейчас уйду, ключи от операционной и шкафов оставляю тебе.

Дора ничего не сказала, взяла ключи. Лева знал, что она угостит тружеников по уборке, но совесть его была чиста: сам-то он не угощал.

Как-то утром сестра-хозяйка Дора оставила развешивание занавесей на окна и подбежала к Лева:

— Лева, Лева! Оказывается, моя племянница тебя знает. Вы в детстве учились вместе. Она вчера ночью дежурила в нашем отделении и узнала тебя.

— Кто же она такая? — недоумевающе спросил Лева.

— Да студентка мединститута. Она ночь дежурит у нас в отделении, подрабатывает, ведь на стипендию не проживешь.

— Да как же ее фамилия, имя?

— Маруся Япрынцева.

Лева вспыхнул, сердце застучало. Картины детства, чудного детства зажглись перед ним. Школа-пятилетка, там, в Железнодорожном поселке. Литературный кружок и эта Маруся Япрынцева, маленькая черноволосая девочка, председатель этого кружка. Она пишет, она рисует. Сестры Левы дружили с ее сестрой Музой, и Лева помнил, как Маруся подарила его сестре нарисованную ею картину — молящаяся девочка. Лева знал, что

родители их верующие, но не так, как они, баптисты. Они называются адвентистами 7-го дня, субботниками, они празднуют субботу, но так же любят Христа, молятся Богу и поют ему гимны.

С этой маленькой Марусей Лева, будучи еще сам маленьким мальчиком, никогда не разговаривал ни о чем, а тем более о вере. Они учились в разных классах, встречались только на литературном кружке и там почти ни о чем не разговаривали друг с другом. Но глаза их встречались, и глаза их говорили друг другу что-то такое, чего нельзя передать словами, но что запечатлевается в детском сердце и потом хранится на долгие годы как прекрасное, дорогое и чистое.

Лева тут же вспомнил, что последний раз он видел Марусю в молитвенном доме на собрании на Крестьянской улице, а потом она исчезла. Говорили, что их семья уехала совсем из Самары. Вот и все. А теперь, значит, эта Маруся Япрынцева — студентка мединститута и, видимо, предстоит встреча с ней. Случайность ли это?

Дора смотрела на смущенное лицо Левы и вдруг расхохоталась:

— Ты и не думай, замуж ее за тебя не отдам. Ты черный, она черная — это не годится.

Лева занялся своей работой, но воспоминания детства, школы, литературный кружок — все это вновь и вновь приходило ему на мысли.

В дни дежурств по неотложной хирургии Лева познакомился с другими хирургами: с Морозовым, Веденяшным, Барановым. Узнав поближе молодого фельдшера, они всегда приглашали его ассистировать во время операций.

По ночам, когда в отделение поступали различные порезанные, с ушибами и другие травматические больные, хирурги, убедившись в опытности Левы, предоставляли ему самому зашивать раны и обрабатывать больных. Лишь в тех случаях, когда Лева испытывал затруднения в диагнозах или в оказании помощи, он будил дежурного хирурга. (Дежурства были с правом сна для врача, фельдшера и санитарки, и для них при 20-м отделении были койки). Когда Лева дежурил сутки, его сестра Лиля обычно приносила ему горячую пищу, которую готовила мать.

Лева был доволен работой, его знания расширялись, он видел самых разнообразных больных: и с заболеваниями брюшной полости, и с острыми инфекциями, требующими хирургического вмешательства (например, газовая гангрена).

В отделение приходили студенты, занимались под руководством профессоров, им демонстрировали больных. Лева смотрел, слушал, а на душе была тихая грусть: "Неужели, неужели я не буду студентом, не буду учиться вот так, как они?" Лева много читал, приобретал книги. Монография В.Ф. Войно-Ясинецкого "Очерки гнойной хирургии", которая только что вышла, стала его настольной книгой. Лева слышал, что ее автор, профессор, замечательный хирург, был глубоко верующим человеком, православным епископом, который много делал для народа.

— Неужели мне так и придется остаться фельдшером и не работать в науке, — сокрушался в душе Лева. — Господи, но Тебе все возможно, Ты силен открыть двери.

Мысль о том, что надо оставить Бога, отойти от Христа и только "в душе" верить, чтобы получить возможность учиться, никогда не приходила в голову Лева. Он постоянно наблюдал, как Христос необходим для человечества. Вот здесь, на его глазах погибал замечательный хирург-профессор К. Он выпивал все больше и больше — и окончательно спился. И таких, как он, ученых и неученых, погибающих в различных грехах, были миллионы. И не ему ли; как знающему Христа, надлежало указать гибнущим людям на спасительные пронзенные руки Иисуса? Теперь он это делать не мог, он никому не говорил о Христе, но он надеялся, что придут дни и он скажет.

Он увидел ее, она выросла, но была такая же маленькая, та же самая Маруся Япрынцева. Разговорились, вспомнили школьные годы, подруг, товарищей, с которыми учились.

Маруся Япрынцева дежурила в отделении как медицинская сестра. Она училась на 1-м курсе мединститута. До этого несколько лет проработала фельдшерницей в районе и городе. Здесь, дежуря ночью, она выполняла врачебные назначения, а когда были операции, помогала в операционной.

Лева не стал скрывать от нее, кто он и как сложился его жизненный путь. Он рассказал о своей вере, надежде, о переживаниях в сибирских лагерях, на Беломорском канале, за Полярным кругом, о возвращении домой и о горячем желании учиться.

Здоровье Маруси было некрепкое, у нее часто были приступы малярии, и, работая в отделении, она иногда сваливалась с высокой температурой. И Лева помогал ей в обслуживании больных.

Лева не всегда был ловок. Как-то, подавая шприц хирургу, он уронил его, и Маруся Япрынцева, дававшая наркоз, с укоризной заметила: "Эх, руки-крюки!" Но видно было, что она желала Лева во всем успеха, и только успеха.

Это был осенний ясный теплый день так называемого бабьего лета. Они только что кончили дежурство и вместе вышли из отделения. Деревья, окружающие больничные здания, стояли в осеннем уборе. Природа словно звала еще раз полюбоваться на свою красоту.

— Давай проедем по Волге, — предложил Лева, — свободных минут бывает мало, но сегодня, пожалуй, сможем.

Маруся согласилась, хотя в ее портфеле кроме халата были и кости от учебного скелета. Они пошли к Волге.

Родная Волга! Как она прекрасна и весной, когда ее берега благоухают нежной зеленью, и летом, когда запах липы доносится на середину широкой реки, и золотой осенью, когда так красочны, так чудны леса, сады, смотрящиеся в ее воды.

Они поплыли на "трамвайчике" вверх по реке. Миновали постройки города, деревянные, серые, начались дачи, сады. Солнце светило так приветливо, было тепло, тихо.

Пристань "Студеный овраг". Сошли и стали взбираться в гору. Лысая тора — она известна многим жителям города. Голые вершины, обрывы над Волгой, дали, и тут же от вершины горы начинается лес. Сухо, так ясно безоблачное небо, так хороша эта трава, еще зеленая, под ногами, а листья клена, желтые, багряно-красные, бордовые, — все, все так хорошо!

Они сели на камень, молчали, смотрели. По Волге плыли плоты. Серебряная, чудная река уходила и, казалось, сливалась с небом.

И здесь, на этой высоте, среди полной тишины и безлюдия, душа словно тоже плыла куда-то вперед, сливаясь с небом. И Лева говорил. Говорил о своих лучших стремлениях, о самом задушевном, дорогом. Христос был у руля его жизни, Он направлял все его стремления.

— Вот и теперь, — говорил Лева, — я вижу пути, по которым может идти верующая молодежь, чтобы радовать других. Правда, их так немного осталось. Вот недавно я открыто призывал верующих сестер посвятить себя изучению медицины, а затем ехать в места заключения, чтобы нести несчастным милосердие, сострадание, радость. Разве это не великое служение? Лично я, как бы ни сложилась в дальнейшем моя жизнь, горю одним желанием — посвятить себя на самое лучшее для людей. Я никогда не думал связывать себя семейной жизнью, нужно направить все силы, все интересы на главное, тогда жизнь будет плодоносной.

Маруся слушала и молчала. Потом они собрали букеты цветов, листьев. Солнце спускалось к закату. Вдали сверху показался пароход.

— Нужно спешить, чтобы не опоздать, — сказала Маруся.

Они стали спускаться.

Пароход приближался.

Спустились.

До пристани не близко. Бежали. Впереди бежал Лева, Маруся не отставала от него. И добежали, успели сесть на пароход.

Приближались к городу. Лева думал:

"Вот мы встретились когда-то в детстве и теперь... Как хотелось бы, чтобы все-все, вся молодежь знали Бога. Маруся в детстве знала Его, теперь она во всех отношениях современный человек, но светлое, чистое детство, то, что посеяно в детстве, оно просвечивается в ней. Дай Бог, чтобы выросло и дало обильный урожай во славу Божию".

Над городом нависли осенние, низкие тучи. И когда приехали, совсем уже смеркалось. Наступала ночь, темная, беспросветная...

Глава 4. Так он верил

"Впрочем! до чего мы достигли, так и должны мыслить".

Филипп. 3, 16

Дни уходили за днями. Золотая осень кончалась. Все чаще небо покрывалось тучами, моросил дождь. Лева бывал в часовенке, радовался, когда слышал пение и молитвы детей Божиих. Было видно, что некоторые братья трудятся для Господа от души. Брат Путилин Михаил Моисеевич от сердца проповедовал Христа, брат Волков также возвещал о Спасителе, но что-то давило, что-то мешало свободно служить Господу. Во всем чувствовалось присутствие какой-то посторонней и враждебной силы, которая следит, наблюдает и проводит дьявольскую работу.

Как-то по окончании собрания в часовне Лева подошел к Николаю Александровичу Левинданто.

– Ну, как поживаешь, Лева? — поинтересовался тот.

– Слава Богу, — ответил Лева, — работаю, хотел бы учиться.

– Учиться — это хорошо, только многие наши взгляды нам нужно пересмотреть, направить по правильному пути.

– Как это так? Какие взгляды? — удивился Лева.

– А вот так. Было время, когда я и многие защищали антивоенные взгляды. Сколько я из-за этого пострадал, в ссылках был... И вот, открылись глаза, и все это оказалось ни к чему, попусту. И как это я раньше не понимал! Доходили ведь до глупости. В Москве работал я в братстве, в союзе. И вдруг жулики украли у меня шубу. И какую шубу! Такую никогда и не заработаешь. А я подумал: как тут обращаться к власти? Ведь воров поймают, посадят в тюрьму, а мы против насилия, или как в Писании — "не препятствуй снять с тебя и рубашку". Так поискали, никуда не заявили, и пропала шуба.

– Конечно, — сказал Лева, — мы должны обращаться к власти. Ибо написано, что она — Божья слуга.

– Так вот, — сказал Николай Александрович, радостно улыбаясь свойственной ему особой улыбкой, — когда власть нас призывает, и мы должны брать меч в наказание делающим злое.

Лева ничего не сказал.

— Я вот теперь изучаю труды Каутского "Античный мир, иудейство и христианство", — сказал Николай Александрович. — Каутский верно показывает, что идеи коммунизма были и в первохристианской церкви. И действительно, первые христиане были против богатства, у них было все общее, к чему и стремятся коммунисты. Все это для нас очень близкое...

Однажды, придя с работы, Лева увидел, что лицо матери как-то по-особенному озабочено. Она протянула ему листочек бумаги. Это была повестка из военкомата, приглашавшая его явиться в определенное число для прохождения медкомиссии "на предмет" отправки его на службу в армию. Как раз тогда год Левы призывался на военную

службу. Лева взял повестку. Вечером, когда вся семья молилась, отходя ко сну, Лева просил Господа, чтобы он умудрил его, как поступить.

– Ты, конечно, Лева, не против службы в армии, — сказала мать.

– Конечно, нет, — ответил Лева. — Я считаю военную службу как обязанность, как оброк, и готов нести ее согласно слову Божию, как это мне открыто.

Несколько дней Лева молился, размышляя, как поступить лучше, и наконец направил в комиссию военкомата письмо, в котором писал, что он является последователем учения Иисуса Христа, готов отбывать воинскую повинность по своей специальности, как медицинский фельдшер, оказывая помощь всем больным и раненым, подобно милосердному самарянину, но что он, в согласии со словами Христа, не может прибегать к клятве, то есть принять присягу, и что он также не может изучать и применять оружие, так как "никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей" (1 Иоан. 3, 15).

Когда Лева явился на призывной пункт, где была масса новобранцев, и отметился в своем списке о прибытии, к нему подошел военный и принял в нем особое участие. Вместе с другими раздетыми догола новобранцами Лева проходил врачебную комиссию. И вот наконец стоит он, голый, перед большой призывной комиссией, расположившейся за длинным столом. Здесь много военных и гражданских лиц. Все с интересом смотрят на него, хотя внешне он ничем не отличается от подобных ему голых парней..

– Так вы скажите, товарищ, это вы писали письмо в призывную комиссию? — спросил председатель.

– Да, я, — спокойно ответил Лева.

– Вы от него теперь не отказываетесь?

– Нет, не отказываюсь.

Председатель громко читал письмо Левы, в котором он исповедует себя как ученик Христа, последователь Его учения.

– Так вы к какой секте принадлежите, молодой человек? — спрашивает председатель.

– Евангельских христиан-баптистов, — ответил Лева.

– Эта секта признает военную службу, — заметил военный, сидящий рядом с председателем комиссии.

– Да, мы признаем военную службу, — подтвердил Лева, — и я прошу направить меня служить в армию. Я фельдшер и надеюсь быть полезным и в мирное, и в военное время.

Кто-то из сидевших за столом не выдержал и обратился к Лева с вопросом:

— А скажите, молодой человек, как это вы до сих пор верите в Бога и до сих пор держитесь этой евангельской дребедени?

Но спрашивающего остановил председатель:

— Такие вопросы не следует задавать здесь. У нас полная свобода вероисповеданий, и каждый может верить или не верить, как ему угодно. Важно только соблюдать гражданские законы. Верующие должны нести военную службу наравне со всеми гражданами. Если же он по своим религиозным убеждениям это делать не может, то дело его рассматривает суд. Если на суде устанавливается, что он действительно по религиозному убеждению не может нести военную службу, он освобождается от нее согласно закону. Если же суд устанавливает, что под прикрытием религиозных убеждений он уклоняется от военной службы, то привлекается к ответственности, и суд выносит ему меру тюремного наказания.

Леву куда-то увели, сфотографировали. В это время члены призывной комиссии, видимо, посоветовались между собой о нем. Потом его опять привели в приемную комиссию. Там ему сообщили, что дело его передано в суд, что он арестован и его препровождают в прокуратуру.

Под военным конвоем Леву отправили на площадь, где стоит памятник Ленину, и где были главные судебные инстанции города.

На душе у Левы было спокойно. Он молился и передал свое дело в самую высшую инстанцию — Господу Иисусу Христу, Который был Ходатаем перед Отцом Небесным за каждое свое дитя.

Лева мыслил и действовал искренно, поступал так, как достиг, как понимал. Совесть его была спокойна. Что ждет его: опять тюрьма, новый срок или еще какие страдания? Разлука с близкими, опять слезы и горе матери? Хотелось правды, добра. Один Бог только может помочь, и он внутренне молился Ему. Он знал, что сейчас ждет его тюремная камера — он арестован. Опять грязные нары, прокуренный до тошнотворности воздух и общество всевозможных преступников. Но кривить душой, чтобы спать на мягкой постели, чтобы жить нормальной обычной жизнью, он не мог.

Его привели к прокурору. Там посовещались о нем. Он ожидал решения в коридоре, охраняемый часовым. Вызвали, взяли подписку о невыезде и предложили через два дня явиться в суд.

И вот Лева опять вышел, идет свободным по улице и не верит: как это так, он свободный! Идет по улице без конвоя, увидит мать и всех близких.

А с тех пор, как он ушел в военкомат, его многострадальная мать молилась, молилась о нем.

— Вот и я! — сказал Лева, входя в дом.

— Ну что, Лева? — воскликнула мать и бросилась обнимать его.

— Все хорошо, слава Богу, — сказал Лева. — Как видите, я дважды свободен. Свободен свободой Христа от греха и пока что свободен от тюрьмы. Через два дня суд.

Он подробно рассказал матери все. Она не бросила ему ни единого слова упрека, не помянула о том, как переживало ее сердце. Они опустились на колени и вновь, и вновь молились, чтобы любящий Отец Сам рассудил все, смягчил сердца людей и они увидели бы искренность и верность Христу Левы.

Словно секунды пронеслись эти дни перед судом. И вот суд. Сипят заседают облеченные властью люди, рассматривают дело Л"на 'По закону того времени на суде должна была быть представлена экспертиза, она должна была установить религиозность Левы него религиозные убеждения. В прошлом, когда происходили подобные суды, в качестве экспертов были представители различных религиозных организаций. Сейчас на суд в качестве специалистов-экспертов пригласили выдающихся лекторов из Союза воинствующих безбожников.

После изложения сути дела Левы судьей и некоторых вопросов к нему о его вере, как он уверовал, кто его родители, почему он не может принять присягу, почему не может взять в руки оружие, выступили упомянутые выше лекторы из союза безбожников. Они совершенно не отрицали, что Лева имеет религиозные взгляды, а на примере Левы старались доказать, как вредна религия, как она принижает, уродует человека. Каждый из двух выступавших пытался излить перед судом весь запас своих атеистических знаний и показать, какой он преданный и верный атеист, и какой нехороший и даже подлый во всех отношениях Лева, что увлекся Христом и не идет в ногу с современностью. Выступления атеистов были так объемисты, так обширны, что утомили всех членов суда, и суд был вынужден не выносить никакого решения, а отложить судопроизводство по делу Левы на следующий день.

Леву опять освободили по подписке. И опять молились Лева и его родные, прося, чтобы заступился Бог угнетенных, Бог скорбящих...

И был второй день суда. Здесь атеисты выступали уже мало. Суд продолжал задавать вопросы Лева и убеждал его, чтобы он принял присягу и согласился взять оружие, и тогда все судопроизводство будет прекращено. Было видно, что ни судья, ни заседатели не чувствовали к Лева никакой злобы и совсем не хотели сажать его в тюрьму. С их точки зрения он был просто несчастным, заблудшим парнем, который запутался в своем Евангелии.

Наконец суд удалился на совещание и вынес решение, что согласно своим религиозным убеждениям Лева должен служить наравне со всеми прочими гражданами. Судья сказал, что если Лева с решением суда не согласен, то он может обжаловать решение суда, и тогда высшие инстанции вынесут ему окончательный приговор.

Конечно, давно уж мог Лева быть за решеткой. Немало судов подобного рода еще в середине 20-х годов оканчивались заключением для многих искренних верующих, но тут был какой-то особый план Всевышнего в отношении Левы и Он вел его более легким путем.

Что было делать? Кому и как писать кассацию? Лева решил написать главному прокурору республики. Он подробно изложил, как он пришел к вере во Христа, как дорого ему учение Евангелия; доказывал, что, являясь искренним учеником Христа, он никак не может нарушить Его повеления: клясться или отвечать злом на зло. Свое заявление прокурору Лева закончил такими словами: "Если Христос в нашей стране подлежит распятию, то прошу меня распять вместе с Ним". И подписал.

Прошло некоторое время, и Леву снова вызвали в прокуратуру. У прокурора сидело несколько пожилых людей; видимо, это были его помощники или юристы. Прокурор прочитал заявление Левы, которое вернулось из Москвы. Эти серьезные люди качали головами, слушая объяснения Левы о том, как он верит.

– Так вы, значит, не толстовец и не отрицаете власть, ее необходимость? — спросил его один из них.

– Да, я вполне признаю необходимость власти, — говорил Лева. — Слово Божие об этом ясно говорит, и ясно, что она является Божьей слугою, ибо без власти был бы полный произвол и злые люди безнаказанно нарушили бы мирную жизнь.

– А так почему же вы, все-таки непонятно, не можете сами применять оружие?

– Мы, я не можем брать на себя обязанности власти. Ученики Христа призваны помогать обществу, охраняя его добром, любовью, а не мечом. "Кесарево — Кесарю, а Божье — Богу" — сказал Христос, и то, что принадлежит вам: суд, меч, — не принадлежит Христу.

– Так вы, значит, признаете государство, суд, правительство, армию? — спросил один из сидевших около прокурора.

– Да, все признаем и подчиняемся, и молимся за правительство, и все гражданские обязанности, которые не противоречат учению Христа, полностью выполняем. И я готов искренно служить в армии, но только не могу учиться убивать, не могу присягать, так как слова наши должны быть: "Да, да; нет, нет".

Леву отпустили, сказав, что его дело будет рассмотрено судебной-кассационной коллегией Средневожского края. В согласии с вынесенным определением судебной-кассационной коллегии СВКА от 10 декабря 1934 года Лева был освобожден от отбытия военной службы в рядах РККА на основании действовавшего в то время закона о военной службе (ст. 271, 272).

Опять для Левы потекли трудовые дни. Он ждал результата, но неожиданно надвинулась буря совсем с другой стороны. Буря, охватившая всю страну и принесшая горе, и слезы, и смерть многим и многим...

Глава 5. Перед бурей

"Не удаляйся от меня; ибо скорбь близка, а помощника нет".

Псал. 21, 12

Вечер. Лева сидит за письменным столом и перебирает свои бумаги. Сколько было стремления изучать, углубляться как в науку, так и в Библию. Но это были все только начинания, ничего не удавалось довести до конца. Вот и теперь: драгоценная Библия была перед ним. Были книги, журналы — только занимайся! И он намечал планы, темы...

Вспомнил, как жалел, находясь в заключении, что не знал немецкого языка. Так вот теперь он должен заняться им. И Лева достал из большого ящика письменного стола, где еще хранились от отца отдельные евангелия, несколько красиво изданных на немецком языке. Он выбрал Евангелие от Матфея и положил в карман, думая, что каждую свободную минуту он будет читать по-немецки и, хорошо зная текст по-русски, легко переводить.

Просматривая бумаги, он нашел свой старый дневник. Записи 1929 года. Много прошло с тех пор, кончался 1934 год. Много изменилось, ушло. И Лева внешне изменился, и почерк его стал другой, но сердце не изменилось и все так же жаждало любви Божией, мира и тишины для всех людей. В этом дневнике он сделал запись: "24.X.34 г. Прошли годы, миновали бури. Много пережито, много пройдено. Он звал, и я шел, а теперь все молчит. Хочу учиться, развиваться. Странно, а до людей, которые гибнут, мне, видимо, нет никакого дела. Зачем учиться? К чему стремиться? Не знаю. Стать знающим — это значит стать сильным. Впереди борьба за жизнь по Христу, за правду. Как много нужно знать, но что всего важнее?"

Тут же Лева наметил себе на каждый день:

Три раза в день предстоять перед Господом, как Даниил.

Изучать одну главу из слова Божия.

Читать из жизни лучших знаменитых людей.

Изучать историю народов.

Изучать хирургию и совершенствоваться в ней.

Лева достал из книжного шкафа том сочинений Владимира Соловьева и стал читать. Тот писал о философе Канте. Все эти философские измышления показались Лева странными. "Стоит ли тратить время для того, чтобы высокоумствоваться?" — подумал он. И решил: "Нет, не стоит!" То, что говорит Библия, гораздо ценнее всякой человеческой философии, а ее язык дороже и лучше всякой философской терминологии. Ведь Христос так излагал глубину Своего учения, в таких дивных притчах, что они понятны и близки всякому сердцу, ищущему истины, ученому или неученому, а эта философия не для простых людей, она только заполняет ум и не способна ответить на вопросы человека. "Христос не был философом, и я не буду!" — решил Лева.

Возвращаясь утром с дежурства, Лева увидел девушку, шедшую навстречу ему. Невысокого роста, полная, она кого-то напомнила ему. Он всмотрелся в нее, это была Лариса — одна из молодых сестер, которая дружила с Мартой Кливер и его сестрой Лелей, пела в хоре, а когда он уехал в Среднюю Азию, писала ему.

— Лариса, это ты? — воскликнул Лева.

— Лева, это ты? Как изменился, вырос! — сказала девушка, останавливаясь.

— Вот мы и встретились, — сказал Лева. — А что тебя не видно среди нашей молодежи?

— Я очень занята, — отвечала девушка, улыбаясь — учусь.

— Где, как? — спросил Лева.

— Студентка медицинского института. Теперь на третьем курсе.

— О, как это хорошо! — сказал с восхищением Лева. — Ты можешь, значит, стать врачом и посвятить себя на служение людям.

Лариса ничего не ответила, только сказала:

— Нужно поговорить о многом,

— Так идем, я провожу тебя, и поговорим, — предложил Лева. Лариса взглянула на свои часы и заметила:

— Времени у меня, конечно, мало, но нужно поговорить, идем.

Они шли по Садовой улице, не торопясь, а кругом куда-то спешили люди.

— Вот видишь, Лева, жизнь идет своим чередом. У меня, ты знаешь, папа был верующим, мама — аферистка. Я была как бы между двух огней, но душа тянулась к Богу. Собрания, наше общение молодежи радовали меня. Я и теперь верю в Бога, но ты не

понимаешь, как сложна жизнь. Встретила я Шуру Бондаренко, он мне рассказал, что ты приехал и зовешь молодых сестер поступать учиться на курсы, изучать медицину и ехать в лагерь, тюрьмы. Он сказал, что никто не согласился с твоим предложением. А я тебе скажу, что ты только беду накликаешь на свою голову.

– Я никогда не перестану звать людей к добру, — сказал Лева.

– Это хорошо, но подумай, Лева, какое время! Все, что говорил Христос, должно быть вычеркнуто из жизни.

– Но ты веришь?

– Да, я верю, — ответила Лариса. — Но как жить по-Божьи? Вот подумай: я буду врачом, сейчас аборт разрешены; так как ты думаешь, смогу я их делать, когда будут приходиться женщины и просить? По закону я должна их делать.

– Я думаю, — сказал Лева, — что делать аборт здоровой женщине — это грех. Это вредит здоровью самой женщины и есть человекоубийство, и ты, как христианка, не должна, конечно, участвовать в этом.

– Не знаю, буду я это делать или нет, но только ты мне не говори о жертвенности, милосердии для других. Я учусь для того, чтобы зарабатывать себе кусок хлеба, постараться занять хорошую врачебную должность, и у меня нет никакой мысли, чтобы поехать таскаться там по лагерям. И вообще сейчас нужно верить только в душе и поменьше об этом говорить.

Лева видел, что Лариса стала совсем другой, что тот огонек, который горел в ней, погас, и лишь, может быть, только искорки его тлели где-то в глубине души. Ему было грустно, больно на душе... И не только одна Лариса, он встречался с другими, беседовал с сестрами Фитьковыми, с Соней Докукиной и другими, но все были словно напуганы и никто не жаждал подвига, огня.

Холодно, холодно; наступала зима с длинными темными ночами. Был день рождения Левы, но он не принес ему радости. Пришли некоторые из молодежи, поздравили его. Среди них был и Петя Фомин. Он принес Лева текст: "Научи нас так считать дни наши, чтобы приобрести сердце мудрое". Текст был красиво написан на полоске бумаги, и Лева положил его в Библию. Ложась спать, он думал: "Какие нерадостные именины! В заключении и то больше было ликования".

Временами на душе было как-то особенно тоскливо, тревожно, было словно предчувствие чего-то особо тяжелого, приближающегося и неотвратимого.

На работе случилось происшествие, которое взволновало многих и закончилось общественным судом. Хирург Морозов во время операции оставил в брюшной полости салфетку. Больная чахла создавались консилиумы, приходил ее муж — тот самый его Лева, что пытался убедить его в материализме когда он оканчивал девятилетку. Этого атеиста Лева было глубоко жаль он видел его несчастье, но подойти к нему, поговорить с ним Лева так и не решился. Больную оперировали вторично нашли злополучную забытую салфетку. Больная умерла. Был общественный суд под председательством заведующего больницей врача Митерева. Впоследствии Митеров стал наркомом здравоохранения, а потом председателем общества Красного Креста.

Суд происходил в самом большом зале больницы. Было много врачей, среднего медперсонала, был и Лева. Одни рассматривали этот случай как халатность, преступление, другие — как несчастный случай в хирургии и приводили статистику, по которой было видно, что у самых знаменитых хирургов бывали подобные несчастные случаи.

Красноречиво выступал доктор Тимофеев. Он привел случай, когда один профессор, начинающий, тоже забыл салфетку в брюшной полости, не мог преподавать от тяжелых переживаний, а когда через год вернулся, его первой лекцией была: "Сложность и ответственность работы хирурга". Он рассказывал студентам, как был забыт тампон в брюшной полости. К нему поступила записка: "Где этот тампон?" Профессор подошел к

шкафу, достал склянку с тампоном и поставил ее на кафедру. И вдруг медленно повалился на пол. Он был мертв.

Так тяжело переживают хирурги дефекты своей работы. Хирурга Морозова оправдали, но отстранили от неотложной хирургии.

На этом примере Лева особенно увидел, как сложна работа хирургов. Он слышал также, что в среднем их жизнь короче, нежели врачей других специальностей. И все-таки его влекла хирургия. Он видел воочию, что там можно помочь человеку, спасти его, и продолжал мечтать о том, чтобы стать врачом-хирургом.

Однажды Петр Иванович Кузнецов, который с семьей в то время жил в доме матери Левы, занимая отдельную комнату, решил собрать у себя молодежь. Пришли многие старые друзья, был приглашен и Лева.

Угощение было самое простое, материальная жизнь в те годы была нелегкой, но сама встреча близких в прошлом друзей была радостной; здесь была не только молодежь минувших лет, но и подрастающая. Все наперебой делились друг с другом воспоминаниями, рассказывали, пели. Большинство присутствующих представляло собою бывших хористов первого и второго хора, музыкантов.

Лева не принимал никакого участия в разговорах. Он сидел, слушал и молчал.

— Что ты молчишь, Лева? Расскажи что-нибудь... Почему ты такой грустный? Что у тебя на душе?

— Я думаю о том, как трудно добиться правды.

— Нелегко, особенно для верующих, — заметил кто-то. — Вот отобрали наш старый молитвенный дом, не можем собираться как раньше.

— Слышно — везде и всюду закрыты общины. Наше братство теперь уже не существует, а часовня, что у нас, это просто ловушка.

— Да, я собирал анкеты, — сказал Лева, — собирал материалы об отношении к верующим, Я думаю: если бы все это доложить Сталину, если бы, например, я мог пробраться к Сталину и рассказать ему, в каком положении находятся верующие в нашей стране, то положение изменилось бы и была бы полная свобода вероисповедания.

Пили чай, пели любимые в прошлом гимны, и среди них особенно известный:

"На ристалище Христа к цели вечной мы бежали..."

Лева смотрел на всех, а на сердце было грустно. Да, в прошлом много пели, очень много пели, немало играли на музыкальных инструментах, немало вникали в себя и в учение, но не занимались углубленным изучением Слова Божия и практической христианской деятельностью. И вот теперь, когда пришли трудные времена, не оказалось силы, чтобы стать жертвенниками, подвижниками ради Христа и Евангелия.

Думать о том, чтобы теперь собираться в тесном общении и углубляться в Слово, никому не приходилось даже и мыслить.

Было холодно и снаружи и внутри...

Глава 6. Буря

"...Нечестивые — как море взволнованное, которое не может успокоиться, и которого воды выбрасывают ил и грязь".

Исайя 57, 20

1 декабря 1934 года в Ленинграде был убит Сергей Миронович Киров.

Лева слышал об этом человеке как о выдающемся государственном деятеле. Лева был в заключении на Беломорско-Балтийском канале, когда С. М. Киров посещал это строительство. Никто из заключенных не говорил о нем ничего плохого. Все относились к нему с уважением. И вдруг — убийство...

Лева читал "Последний день приговоренного к смертной казни" Виктора Гюго, где великий художник слова передает муки осужденного. Лева никак не мог представить себе,

что люди, разумные люди убивают друг друга, да еще так, как был убит С. М. Киров, — что называется, из-за угла. Лева не вникал в причины убийства. Люди ушли от Бога, от тех чудных слов Христа Спасителя, Который призывает всех к любви, всепрощению, миру. Как и многим другим христианам, которые читали Евангелие, Лева было совершенно ясно, что если бы люди всей земли жили так, как учил Христос, то давно на земле был бы рай, было бы истинное Царствие Божие, которое есть праведность, мир и радость во Святом Духе. Ведь богатства земли вполне достаточно, чтобы все люди были сыты, одеты, могли трудиться и радовать Бога и друг друга. Но нет, какие-то темные силы, о которых упоминал академик Павлов в предисловии к своей работе о полушариях головного мозга, действуют в человечестве, и люди без конца причиняют друг другу страдания...

Прошло всего несколько дней после убийства С. М. Кирова, и в страну пришла волна горя, слез, страданий и смерти. Эти волны страданий росли с каждым годом.

Лева, придя с работы, читал Библию, мать все еще хлопотала по дому. Сестра Лиля вымыла пол. Совершили общую семейную молитву. В доме тишина, тепло, уютно. Погас свет. Все спят...

Однажды ночью в дверь настойчиво постучали. Екнуло сердце у Левы: так не стучат гости, так не стучат простые люди, ищущие адрес.

Лева не успел встать, как мать уже вышла на стук. Зажгли свет, вошла мать и с нею несколько человек. Каменные лица без выражения какого-либо чувства или мысли. Они одеты в гражданские костюмы, среди них молодая женщина. Еще не успели они предъявить хозяйке дома свои книжечки и ордера на обыск, как Лева по их виду, по табачному запаху, которым так разило от них, стало ясно, кто они и для чего явились сюда.

Лева отлично знал, что все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы. Он всей душой понимал, что надлежит не только верить, но и страдать за Него. Но несмотря на это, чувство глубокого возмущения переполняло его грудь. Зачем пришли эти люди? Чтобы взять, свергнуть в тюрьму и обречь на годы страданий. То ли то, что он был воспитан в советской школе и был советским гражданином, накладывало на него непреодолимое стремление к справедливости или же то, что он, будучи прежде всего христианином, не терпел лжи, обмана, но только несправедливость вызывала бурю в его душе. Ведь он ничего плохого не делал, он хотел не только честно работать, но и учиться и быть полезным народу в деле здравоохранения. Ведь у него не было даже никакой мысли против власть имущих, ибо по Евангелию он готов быть покорным всякому человеческому начальству. И теперь все летит в пропасть...

Пришедшие предъявили два ордера: на обыск и арест. Один на Петра Ивановича Кузнецова, другой на Леву Смирнского. Они разделились на две партии: одна стала "трудиться" в комнатах, где жила семья Левы, другая — в комнате Петра Ивановича. Руководил всем этим опытный работник. Остальные, судя по всему, были еще недавно мобилизованы на эту работу и чувствовали себя неуверенно.

— И чего вы у нас ищете? — спрашивала мать Левы. — Никакого оружия, ничего у нас нет плохого.

— Мы знаем, что ищем, — отвечал руководящий работник. Откладывали отдельно на стол духовную литературу, письма, записки. Стали составлять протокол обыска. Хотели забрать всю литературу, старые журналы "Баптист".

Лева не принимал никакого участия в обыске. Он лег на кровать, закрыл глаза и мыслями перенесся туда, ввысь, где был Тот, Кто обитает в неприступном свете и является любящим Отцом для всех верующих в Него. Он только попросил пришедших, чтобы они не курили в Доме, и они по очереди выходили и курили во дворе.

Против них Лева не имел никакого неприязненного чувства. Он хорошо знал, что они честно выполняют обязанности, которые на них возложены. И если комнаты после обыска имели вид, как будто здесь произошло землетрясение, то что же делать? На то и обыск. Но

его сердце болело за то, что эти люди, и стоящие над ними, и еще выше стоящие — все они подчинены какой-то силе, которая обрекает на страдания ни в чем не повинных людей. А в этом он был убежден, так как, посещая ссыльных и заключенных верующих, он убедился, что они не враги, а действительно в массе своей честные, верные граждане. Утешать себя мыслью, что этот обыск, арест — не более как недоразумение, он не мог. Он знал, что в то время, когда дается распоряжение об аресте, надежды на освобождение почти не может быть. Лишь единицы освобождались, а, массы заключенных в результате так называемого "следствия" получали сроки. Недаром среди народа еще тогда сложилась песенка: "Эх, яблочко, куда катишься? В ГПУ попадешь, не воротишься".

Анна Ивановна возмущалась, что хотят отобрать старые журналы "Баптист".

— Ведь при царском правительстве нас, сектантов, притесняли, но все-таки это разрешали издавать. А теперь что же, про Бога даже и почитать нельзя?

Кое-что оставили, но многое из так называемой "сектантской литературы" взяли, и все это пропало безвозвратно. Когда все было закончено, Лева сказал матери:

— Ну, мама, отпарывай воротник.

Мать снимала воротник, а из глаз ее капали слезы.

— За что, за что эти страдания моей мамы и многих, многих матерей?

Он догадывался, что в эти ночи происходят массовые аресты. Он понимал, по причине убийства С. М. Кирова всех людей, в чем-либо подозрительных — изолируют.

Окончился обыск и в комнате Петра Ивановича. Все преклонили колени и горячо молились Господу, чтобы Он помог переносить страдания, поддержал во всех испытаниях семьи и, если возможно и угодно Ему, освободил. Горячо, пламенно молилась мать Левы. Второй раз она провожала сына в неизвестный путь и вверяла его целиком в руки Отца Небесного, Которого знала, любила и Которому служила от ранней юности своей.

Пришедшие стоя слушали молитву, не препятствуя. Арестованных повели по темным, сонным улицам Самары.

"Почему пешком? — подумал Лева. — Вероятно, транспорта не хватает, в эту ночь арестовывают многих", — решил он.

То место знаменитых следствий было расположено не близко. Прошли центр города. И вот он — большой серый дом. Там еще Лева не был. Только когда приходил в комендатуру, хлопоча о свидании с отцом и Валей Алексеевой.

Вошли во двор, потом в какие-то помещения, в которых были группы ожидающих арестованных мужчин и женщин.

— Тетя Тереза! — воскликнул Лева. Среди арестованных он увидел жену пресвитера. Она была бледная растерянная. За всю свою жизнь она впервые попала под арест.

— И Корнилия Францевича взяли, — сказала она. — Как же теперь — остались одни дети? Я так беспокоюсь.

Да, это было тяжело. Дети были еще не приспособлены к жизни, а отец и мать у них оказались под арестом.

— Тетя Тереза, не унывайте, — сказал Лева. — Не было еще такого случая, чтобы праведник был оставлен и дети его просили хлеба, нищенствовали. Верьте, ведь вы были учительницей воскресной школы, и когда я был совсем маленький, вы учили нас уповать на Бога.

Сестра Кливер, тяжело вздохнув, опустила голову.

— За что это, Лева? За что?..

— Тетя Тереза, — сказал Лева шепотом, — вас Бог любит. Вы знаете, как получилось: у нас был тщательный обыск, все обыскали, и меня обыскали, но на моей рубашке много карманов, и в один из них не заглянули. А там немецкое Евангелие, и я принес его с собой сюда. Я его всегда держал при себе, изучал немецкий язык. Возьмите, оно вам пригодится. — И Лева незаметно передал ей Евангелие.

— А как же вы, Лева, сами?

— А у меня останется Евангелие от Матфея. Я оба Евангелия, и немецкое и русское, имел при себе. Мне пищи хватит.

Арестованных вызывали по одному. Вызвали и Леву. Куда увели Петра Ивановича, он не знал. С ним ни о чем поговорить не удалось, так как, когда их вели, разговаривать не разрешили.

Коридор, по бокам камеры, в углу душ и жар-камера.

"Это хорошо, — подумал Лева, — санобработка будет".

Действительно, всех арестованных по очереди, но так, чтобы они не соприкасались друг с другом и не разговаривали, стригли; они проходили душ, одежда, вещи — дезинфекцию.

Арест Левы был все-таки неожиданным, хотя Лева и придерживался принципа "Будь готов, всегда готов, ко всему готов!", но в доме для него не оказалось пары чистого белья, и мать пообещала принести ему в передаче. С собой он захватил лишь чистые носки, платки и хлеб*. Проходя эту санобработку, Лева чувствовал себя как бы в своей тарелке: ведь сколько он видел этих стрижек под машинку, прожарок одежды.

И вот с надзирателем Лева спускается в подвал; там, в подвальных камерах, содержатся находящиеся под следствием. Яркое электрическое освещение, дневного света здесь не бывает. Открылась окованная дверь. В камере люди. Двухэтажные койки привинчены к стенам.

— Лева, Лева! И ты сюда! — раздался чей-то старческий голос. Перед ним стоял брат Фомин Егор Игнатьевич, улыбался и поглаживал свою бороду.

— На воле-то мы не встречались, а здесь Бог привел, вот и встретились.

В последующие годы верующие жили так "на воле", что каждую ночь ожидали, что могут прийти и арестовать их, и многие имели наготове сумочки с чистым бельем и необходимым. Так, в частности, приготовился пресвитер Фатеев в Москве. А как вы сюда, дедушка Фомин, попали? — удивился Лева. — Ведь вы, кажется, и в часовню не ходили? И не проповедовали Христа, как раньше?

— Вот Бог и сделал, — сказал дедушка Фомин. — За то, что я мало проповедовал Спасителя, и попал сюда.

— Это вы, пожалуй, верно говорите, — сказал Лева, — это относится ко всем нам. Все мы словно стыть духовно стали, а теперь, попав в горнило, будем разогреваться, будем ближе к Богу, и Он сохранит в нас веру до конца.

В камере были самые разнообразные люди, но большинство из них ранее уже побывали в заключении. Многие еще тешили себя надеждой, что разберутся и выпустят их, так как никакой вины и преступления за собой не видели.

Потянулись однообразные дни: в определенные часы подъем, выводка "на opravку", завтрак, обед, ужин; потом после проверки ложились спать. А у всех сердце ждало: что будет? Некоторых вызывали на допросы, они приходили печальные, негодовали о нелепости обвинений, делились с остальными, разводили руками...

Глава 7. Следствие

"Всякий день извращают слова мои; все помышления их обо мне — на зло".

Псал. 55, 6

Вызвали на допрос и Леву. За столом следователь, еще молодой, энергичный человек. Как всегда, начинается заполнение первых листков следственного дела: фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, образование и т. д. Лева на все отвечал спокойно, это не в первый раз. Затем следователь предложил ему рассказать о его контрреволюционной деятельности. На это Лева ответил, что рассказывать ему нечего, так как абсолютно никакой контрреволюционной деятельностью он не занимался.

— Как! — вскочил на ноги следователь Углев. — Вы как только освободились из заключения, сразу же занялись ею. Вот скажите, как только вы освободились, приехали и отправились в Мелекесский район. Какая цель у вас была?

— Цель одна, — отвечал Лева, — повидать отца и мать, ведь я их не видал столько лет!

— Это понятно, этим вы маскируетесь, — сказал следователь, — а фактически вы поехали в сельскую местность, чтобы собирать подрывные материалы о состоянии совхозов и колхозов и говорить, что Советская власть не справляется с сельским хозяйством.

— Такие мысли мне и в голову не приходили, — сказал Лева, — я совсем не специалист сельского хозяйства, сам житель города, в деревне никогда не жил.

— Но ведь вы занимались на курсах садоводства, пчеловодства и огородничества и ставили своей целью проникнуть в сельское хозяйство и вредить.

— У меня никогда таких намерений не было, — сказал Лева, — я, как верующий человек, не могу никому ни в чем вредить; наоборот, призван Христом нести всем Добро, мир, радость и государству я могу только помогать, трудясь.

— Вот потому-то, что вы верующий и ваша идеология не соответствует нашей, вы и боретесь с нами, с Советским государством, с Советской властью и агитируете против нее, и вредите. Если вы не будете веровать, то, конечно, вы будете с нами, мы можем положиться на вас, как на честного труженика. Я вас предупреждаю в начале следствия, что лучше сами признавайтесь во всех ваших преступлениях, это облегчит вашу судьбу, а иначе будет очень плохо. Я вам прямо говорю: всякий, кто искренне раскаивается, разоружается, получает от нас снисхождение.

— Я вам твердо говорю, — сказал Лева, смотря следователю в глаза, — что у меня нет также никаких антисоветских мыслей, никакой антисоветской агитации, такой деятельностью я никогда не занимался.

Следователь сел за стол перебирать какие-то бумаги.

— У нас собрано очень много материалов против вас, мы докажем вам, и на очных ставках докажем, что вы враг народа, сами верующие подтвердят это. В последний раз предупреждаю вас: во время следствия говорите всю правду, не прикрывайтесь религиозными фразами, а открыто раскройте свое антисоветское нутро. Итак, какие вы собирали материалы в Мелекесском районе? Вот тут нам пишут, что вы говорили, что в колхозах плохо.

— Я никогда этого не говорил, — сказал Лева.

Лева отлично понимал из своего опыта и опыта многих других заключенных, которые делились впечатлениями от своих допросов, что в ряде случаев следователь просто берет подследственного "на пушку", то есть обвиняет в том, что не имеет никакого основания, с целью вызвать у него хотя бы косвенное признание или изучить характер подследственного.

Так и на этот раз: разговор о Мелекесе не был включен в протокол допроса и после к нему следователь не возвращался.

В подвальной камере заключенные всячески старались чем-нибудь закрыть лицо, чтобы яркий свет ламп, падающий от двери, не попадал в глаза.

Люди приходили с допросов взвинченные, взволнованные; некоторые, опустив голову, сидели, вздыхали, ничем не делаясь с окружающими; другие, напротив, оживленно, подробно рассказывали о допросе и обвинении.

В той камере, где сидел Лева, находился не то китаец, не то японец. Он плохо говорил по-русски, только без конца повторял: "Шпион, шпион, я шпион..." Видимо, его обвиняли в шпионаже и он страшно переживал. По его одежде, шикарным брюкам галифе тонкого синего сукна можно было полагать, что он жил обеспеченной жизнью. Тут же, попав на скудный тюремный паек и не получая передачи, он, видимо, голодал. Все подследственные, за малым исключением, получали передачи. Дедушка Фомин тоже

получил передачу, но, рассматривая полученные продукты, его большие выпуклые глаза не, осветились радостью:

— Чаю не прислали, чаю не прислали! — вздыхал он.

Егор Игнатьевич был страстный любитель чая, и для него лишиться этого напитка было большой утратой. Находясь в камере, Лева понял, что эта привычка пить чай для многих действительно выполняла роль своеобразной наркомании. Дедушка Фомин буквально жаждал крепкого фамильного чая и готов был обменяться с соседями на что угодно, лишь бы получить густо заваренный чай, который он пил с особым наслаждением, прикусывая сахар, отдуваясь, потея.

— А у нас папа в семье чай не допускал, — сказал Лева, — считал, что и без чая хорошо пить и полезно.

— А я считаю, — говорил дедушка Фомин, разглаживая бороду, — что всякое Божье творение хорошо, и нет ничего предосудительного, когда употребляется и освящается словом Божиим и молитвою.

Бывали дни, когда чая ни у кого не было, и Лева видел, как Егор Игнатьевич тосковал, беспокоился и с нетерпением ждал, когда в чьей-нибудь передаче появится чай.

— Да, это дурная привычка, — решил сам в себе Лева. — "Ничего не должно обладать мною", как сказано в Писании.

Лева не считал чаепитие грехом, но впоследствии, видя, как люди привыкают к этому и чай становится необходимым стимулятором их бодрости, он стал относиться к чаю как к лекарству, которое показано к употреблению не систематически, как и всякое лекарство, а при явлениях утомления и нарушения функций желудочно-кишечного тракта.

Впоследствии Лева наблюдал, особенно в условиях заключения, как люди постепенно привыкают к чаю, увеличивают дозу заварки и в конце концов варят "чихир"— особо густой чай, для того чтобы достигнуть эйфории — приятного возбуждения и забыть, хотя бы на время, тусклую арестантскую жизнь. Лева отлично понимал, что всякая наркомания — грех. Человек не должен искусственно вредить своей нервной системе наркотиками и заполнять ими пустоту жизни, но, имея общение с Богом, черпать от Него мир, и радость, и силу, бодро переживать все жизненные невзгоды. Наркомания — это результат жизни без Бога.

Единственное "удовольствие" многих заключенных был табак. Некурящих, пожалуй, не было. Курили страшно много и этим старались заглушить страдания своей души. Лева со скорбью смотрел на курильщиков, ему было страшно трудно дышать воздухом табачного чада, но он терпел, и вся эта атмосфера непрерывно как бы говорила ему, как несчастен, как жалок человек без Христа, как бессилён он без Спасителя, став рабом своих злых, вредных привычек и не имея перед собой никакой светлой, вечной перспективы.

Леву снова вызвали на допрос. Опять за столом сидел тот же следователь. В окно, расписанное узорами зимнего мороза, пробивались лучи солнца. И Лева невольно думал: как хорошо сейчас на свободе! Хрустит под ногами снег, искрится под солнцем, а воздух такой свежий, чистый... Следователь закурил папиросу, это

были дорогие, особо ароматичные папиросы, запах которых сразу чувствовался при входе в кабинет.

— Сегодня мы с вами поговорим о восстаниях, — сказал следователь. — Скажите, какие восстания вы ожидаете?

Лева с недоумением покачал головой:

— Никаких восстаний не знаю и не ожидаю.

— А вы подумайте, — сказал следователь и, продолжая курить, занялся просмотром каких-то бумаг.

Лева старался припомнить что-нибудь о восстаниях, но ничего не приходило на память. Тогда он стал в душе молиться Богу, чтобы Он дал ему понять следователя, а

следователь Углев понял бы его. Следователь внимательно посмотрел на Лева и, видимо поняв, что он искренно недоумевает по поставленному вопросу, сказал ему:

— А вот вы говорили, что восстанут Савлы.

Леве сразу все стало ясно. Этот разговор был у него с Ваней Поповым.

— Охотно расскажу вам об этом, — оживленно сказал Лева. — Мы встретились с Ваней Поповым и после долгой разлуки делились нашими радостями и надеждами. Я сказал ему, что хотя сейчас отступление и многие верующие теряют веру и отходят от Бога, духовная жизнь находится в охлаждении, но впереди еще большой расцвет дела Божия. Я верю, что, как и в первохристианское время, христиан гнали и церковь Божию пытались разрушить, но вот восстал Савл и из гонителя стал Павлом — апостолом и сделал для дела Христа больше, чем другие апостолы; так и в настоящее время из безбожников, которые борются против Христа и являются Савлами современности, должны восстать люди, которые из неверующих превратятся в глубоко верующих и будут совершать дело Евангелия...

— Хватит, хватит, — сказал следователь, — ваши идеи глубоко реакционны, но суть не в этом. Вы расскажите о настоящем восстании, которое вы ожидаете.

— Ничего другого я не ожидаю, и меня не интересуют другие восстания. "Восстанут Павлы", я еще раз говорю: это обращение гонителей — врагов Христа — в христиан.

— Этого никогда не будет! — воскликнул следователь. — Люди, познавшие материализм, никогда не вернуться к Богу и не станут мракобесами.

— Это будет, я верю, — сказал Лева. — Богу все возможно.

Следователь на него рассердился, повысил голос и стал доказывать ему, что он антисоветский человек и что его идеология подрывает Советскую власть.

Лева начал горячо доказывать, что он верный гражданин Советского государства, честный труженик, который хочет вместе со всем народом строить лучшую духовную и материальную жизнь, и что верующие не тормозят, не враги, а самые честные, верные труженики.

— Так вы не согласны с нашим заключением, что вы враг, что ваша христианская идеология враждебна существующему строю?

Прошли годы, и прогноз Левы сбился. Целый ряд атеистов стали служителями Христа.

— Абсолютно не согласен, — сказал Лева, — и надеюсь, что всей жизнью смогу доказать, что мы, не враги, а наоборот, часть народа, и притом лучшая.

— Ведь мы стремимся к учению, к просвещению, и я лично хочу учиться в институте, стать врачом, и не для того, чтобы большую зарплату получать, а для того, чтобы действительно оздоравливать жизнь и быть борцом на фронтах здравоохранения.

Следователь упорно смотрел в глаза Леве и повторял:

— Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь. Мы докажем вам. Сами верующие докажут вам, что вы враг, а не советский человек.

Следователь позвонил, пришел охранник. Лева еще раз взглянул в окно, в котором сияло солнце, и внутренне помолился: "Господи, да взойдет Твое солнце Правды над нашей огромной страной, да исцелят лучи Его все те язвы, всю ту ложь жизни, которой страдают так многие и многие".

И вот он опять в камере, опять этот яркий электрический свет и взволнованные, глубоко страдающие люди.

Лева не переживал тяжело допросов, он глубоко знал свою правоту, свою невиновность, и по сохранившейся еще юношеской доверчивости души думал, что правда восторжествует.

Сидя в камере, Лева был особенно счастлив, что с ним было Евангелие от Матфея. И он вновь и вновь читал дорогие страницы: "Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков; итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей..." (Мф. 10, 15-17).

Дедушка Фомин читать Левине Евангелие не мог, так как шрифт был мелок для него; поэтому Лева часто читал ему отдельные стихи, и они размышляли над ними. Однажды с допроса Егор Игнатьевич вернулся весьма печальным. Он глубоко вздыхал и, низко опустив голову, шептал: "Эх, Петя, Петя..." Лева долго не решался спросить старика, что случилось на допросе, но потом он сам рассказал.

— Я и не знал, что Петю-то тоже арестовали, — медленно произнес он и вытер рукавом набежавшую слезу. — И он сидит в соседней камере. И вот все, о чем мы с ним разговаривали по душам вдвоем, он рассказал следователю.

Старик задумался.

— А может, он и не рассказывал, а следователь просто намекать стал; может быть, я сам рассказал следователю эти разговоры, а только я одно говорю, а он другое. И вот следователь сделал очную ставку отца с сыном, а у нас в протоколах эти показания записаны. И вот следователь зачитал и давай стыдить нас: "Вот вы верующие, а заврались. И отец показывает на сына, а сын на отца". Действительно, какой срам получился.

— Как же это так у вас получилось-то? — сказал с сожалением Лева.

— Да вот и получилось. Все напирали на меня, почему сын женился на немке, да почему вы и Кливеру благоволите. Ну, в общем, не стоит рассказывать об этом, одно горе.

В то время зарплата врачей была чрезвычайно низка. Врачи кормились только тем, что совмещали работы. Были случаи, что по окончании медвуза выпускники переходили на другую работу, например вагоновожатыми трамвая, чтобы только больше заработать. Грустно больно было смотреть Леве на старика брата Фомина. Видимо, и отец и сын допустили в показаниях какую-то неправду, ложь, и это повело не "ко спасению", а только к бесчестию Божьему.

Снова и снова следователь старался доказать Леве, что и он враг, антисоветский человек, дабы он признал свою вину. Лева продолжал отстаивать свою правоту.

— Я знаю, — убежденно говорил Лева, — если бы высшая власть знала, в каком положении находятся теперь верующие в нашей стране, что повсюду закрыли молитвенные дома и церкви, что масса служителей веры за веру находится в заключении, то разобрались бы и дело изменилось.

— Мы все знаем, — сказал следователь, — вы даже хотели проникнуть к Сталину и доложить ему об этом, но скажите, зачем вы тогда среди молодежи улыбнулись, когда произнесли имя Сталина, что значит ваша улыбка, что вы смеетесь над отцом всех трудящихся, Великим вождем нашего государства?

Лева ясно помнил, что этот разговор был, когда были гости у Петра Ивановича Кузнецова. Он говорил это со всей серьезностью и совсем не улыбался.

— Я когда говорил это, не улыбался, дело не до улыбок, когда нужно добиться правды.

— Нет, вы улыбались, вот показания ваших сестер, вы сказали и улыбнулись.

Лева не мог не видеть, что все его разговоры, беседы наедине с кем бы то ни было были хорошо известны органам следствия. Лева не мог невольно не восхищаться замечательно организованной разведкой НКВД. Казалось, они знали не только его слова, но и намерения. Ему было ясно, что вся молодежь, с которой он соприкасался, полностью рассказывала все о том, о чем они беседовали, говорили.

— Вы говорите, что вы современный человек. Да вас до медицины допустить нельзя. Говорили вы студентке мединститута, чтобы она не делала аборт?

Перед Левой предстал образ Ларисы. Значит, и она пошла и рассказала об их встрече, или ее вызвали и умело поставленными вопросами вывели весь их разговор.

— Да, я считаю, что аборты вредны, и верующий человек не должен делать их.

— Они разрешены Советской властью, — сказал следователь, — а вы против них. Значит, вы против Советской власти.

— Я не касаюсь законов власти; возможно, разрешение аборт вынуждено, чтобы женщины не калечили себя подпольными абортами, но с точки зрения христианской веры

мы не можем приветствовать аборты и сами делать их, кроме особых медицинских показаний.

— Нет, нет, вы против законов Советской власти, значит, и против нее. А вот теперь расскажите о самом главном: власть карает преступников, за веру никто не осужден, у нас полная свобода вероисповедания, церкви закрывались по требованию трудящихся, никаких гонений нет, а вы считаете, что есть. Это что такое, как не клевета на Советскую власть?

О том, как переменчива была погода в те годы в отношении аборт, свидетельствует следующее: не прошло и несколько лет после этого допроса, как аборты были снова запрещены, и совершение их строго каралось. Прошло еще несколько лет, и был издан закон, разрешающий аборты.

— Никакой клеветы нет, — сказал Лева. — Ведь сам Сталин отметил, что произошло "головокружение от успехов" и во многих случаях церкви закрывались незаконно. А если глубже разобраться, оказывается, целый ряд людей совершенно неправильно осуждены, как враги народа, за антисоветскую деятельность, которой не было. Вот возьмите, у нас здесь в 1929 году арестовали наших верующих, а ведь у них ничего антисоветского не было, никакой агитации против власти не было. Я хорошо знаю своего отца, и никогда не слышал от него никакого плохого слова против власти или партии, а его осудили, честного труженика. За что?

— Следствие выяснило все и нашло всех этих верующих, и вашего отца в том числе, достойными наказания, и осуждены они законно за антисоветскую агитацию, а не за веру.

— Это ложь, — сказал Лева. — Мы, искренние христиане, никогда никакой агитации против власти по природе своей не можем вести, мы понимаем, что власть есть Божье установление, Божий слуга, и подчиняемся ей во всем, что не противоречит учению Христа, Его повелениям. Мы покорно молимся за власть и желаем жизни тихой и безмятежной, полного благополучия народу, процветания.

— Оставьте все эти разговоры, — сказал следователь. — Ведь мы знаем, что вы думаете только о небесной жизни, а до земной жизни вам дела нет. Следовательно, призывая к небесному, вы отрываете людей от действительной жизни, от построения социализма, коммунизма.

— Наоборот, — возразил Лева, — зная, что если мы здесь, на земле, сеем добро, мы и в вечности пожинаем добро, мы делаем жизнь осмысленной, и все совершающееся здесь, на земле, доброе представляет особую ценность в свете небесного.

— А зачем вы молодежь отвлекаете от кино, от театров?

— На эту тему у нас нет разговоров, — сказал Лева, — каждый поступает по удостоверению ума своего, и у нас не запрещено ходить ни в кино, ни в театр; каждый, кто идет туда, делает то, что считает более нужным и интересным для себя и для других.

— Я вам покажу, покажу, как вы калечите молодежь; они сами покажут, что вы отвлекали их от советской жизни, от советской культуры.

— Этого не может быть, никто так показать не может.

— Я вам дам очную ставку, и вы убедитесь, что я прав.

Лева не верил, что могут быть такие очные ставки, на которых его близкие, дорогие в Господе будут показывать ложь не него. Леву вызвали еще раз.

— Сегодня, — сказал следователь, — я ставлю перед вами вопрос: расскажите, как вы, приехав из заключения, агитировали ваших сестер по вере оканчивать медкурсы и ехать к заключенным с целью моральной поддержки их.

— Да, это было, — сказал Лева. — Я глубоко верю, что Христос, который нес сострадание и утешение всем скорбящим, учит и нас нести любовь, помощь всем страдающим людям. И если бы сестры это сделали, они пошли бы по стопам Христа, который говорил: "Был в темнице — посетили Меня".

— Так вот, — со злорадством сказал следователь, — никто не поступил так, как вы советовали. Они хотя и верующие, но советские люди. Они все рассказали нам, и вы будете наказаны за то, что хотели поддержать преступность, контрреволюцию.

— Поймите, поймите! — воскликнул Лева. — Я, мы, последователи Христа, никакую преступность не поддерживаем, но должны оказывать любовь, сострадание всякому преступнику, злодею, для того, чтобы он стал человеком. Христос пришел взыскать и спасти погибшее и оказать любовь всем; мы зовем их не совершать преступления, а наоборот, быть чистыми, праведными людьми, честными гражданами. В мире столько страдания, и в тюрьмах, и в лагерях особенно нужен Христос, чтобы спасти людей — грешников...

— Один вы только так рассуждаете, — сказал следователь. — Почему вы не хотите жить так, как все остальные верующие люди? Вот ваш друг Шура Бондаренко и другие, они не хотят страдать, как вы, а обещают постепенно исправиться. Мы их не трогаем, а вы что-то упорствуете, вы только причиняете своим нераскаянным поведением зло, усугубляете свою вину. Вот возьмите, ваша тетя Тереза, она все показывает, ничего не скрывает. Вот она показала на вас, что вы беседовали с ее двумя сыновьями о том, чтобы эти немцы не шли в армию и не служили Советскому Союзу,

— Как? — воскликнул Лева — Неужели? Да ее два сына совсем маленькие. Я не знаю даже, верующие они или неверующие, я с ними никогда ни о чем не разговаривал, а о военной службе никак не мог с ними говорить.

— А вот тетя Тереза показала, что вы говорили... Впрочем, — засмеялся следователь, — она столько на других наговорила, что когда я стал разбираться в истинности ее показаний, то просто не различишь, где правда, а где ложь. Вот на вашу мать она наговорила, что будто бы к ней, к вашей матери, она приводила незнакомца. Ваша мать от этого отказывалась. Я сделал им очную ставку, и ваша тетя Тереза созналась, что наговорила ложно. Ведь это просто трудно нам иногда от вас, верующих, дознаться истины... Ну, идите и ждите очной ставки.

Лева уходил от следователя с тяжелым чувством. Давила мысль — ему, почему тетя Тереза, такая верующая, и допускает неправду...

Глава 8. Очные ставки

"И будет рыдать земля".

Зах. 12, 12

"У Тебя исчислены мои скитания; положи слезы мои в сосуд у Тебя, — не в книге ли они Твоей?"

Пс. 55, 9

Дни следствия томительные, тревожные, ночи следственные беспокойные, щемящие сердце, для многих бессонные.

Леву почему-то перестали вызывать на допрос. Он понимал, что притихло это перед бурей, перед грозой.

Всех в камере вызывали, и чем дальше, тем больше по их лицам Лева видел, что у каждого росла тревога и никакого просвета. Многие становились все более раздражительными, угрюмыми. Следствие шаг за шагом раскрывало мнимые преступления каждого. И как преступники, — а какие они были преступники, один Бог знает, — делали все, чтобы оправдаться и оказаться невиновными.

Японец-китаец страшно переживал. Он приходил в камеру после допроса часто словно взбешенным и, как затравленный зверь, метался от стола к двери.

— Шпион, какой я шпион!.. — Сжимал кулаки, вздрагивал. Однажды, когда был уже отбой и все улеглись на своих полках, этот китаец-японец, лежавший на нижней полке, вдруг резко скорчился в судорогах, как эпилептик. Все бросились к нему держать его; он

же, резко подскочив, так ударился головой о верхнюю дощатую полку, что от этого удара она рассыпалась на дощечки.

Он долго еще бился в судорогах и наконец затих.

Тяжело, страшно тяжело было смотреть на страдания этого человека.

Каждую свободную минуту, — а они в тюрьме были свободны все, за исключением времени завтрака, обеда и ужина, — Лева углублялся в чтение маленькой книжечки, что была с ним — Евангелия от Матфея. Эта маленькая книжечка в глазах Левы была бездонна по своей глубине и высока до небес по своей премудрости. Снова и снова Лева читал и перечитывал:

"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков; итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища... Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата... И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасен будет..." Матф. 10 глава.

Дедушка Фомин тоже брал у Левы эту маленькую книжечку и черпал из нее для себя утешение и покой, но даже в очках он читал ее с трудом, шрифт был мелок для его глаз.

Часто он приходил с допроса раскрасневшимся, тяжело вздыхал и говорил, что его все теребят, зачем его сын Петя женился на немецкой дочери — дочери пресвитера.

— Ох, уж и достаётся, наверное, Кливеру, — говорил дедушка Фомин, — и Терезе тоже. А сегодня следователь сказал мне, что и Левинданто Николай Александрович арестован, а с ним и еще некоторые другие; все идут в горнило испытания.

— Это хорошо, что все, — сказал Лева. — Каждый из нас нуждается, чтобы быть переплавленным, и вера наша будет дороже золота, огнем испытанного.

— Ох, уж эта мне тюрьма! — сказал дедушка Фомин. — Ведь я привык к свободе. В селе куда легче дышать, чем в городе. Вам-то, городским людям, что привыкли жить в комнатах, легче и в тюрьме.

— Неизвестно, кому легче. Кто больше верит, тому и легче, — сказал Лева. — А чтобы нам хоть на время забыть эту камеру, давай-ка, дедушка, споем потихонечку гимн, которому нас учила тетя Тереза в воскресной школе: "Вот пашни, сейте зерна..."

— О, я его знаю, — сказал Егор Игнатьевич. Они тихо, вполголоса замели:

"...Вот пашни: сейте зерна в сторонке от дорог.
И влагой животворной польет их вечный Бог:
пошлет Он снег зимою, жару живых лучей
грядущую весною и дар дождливых дней.

Припев: Нам даны все блага
с равнин родной страны;
хвала Христу, хвала Христу
за всю любовь.

Ведь Он Один создатель живущего всего;
планет Он основатель, поля, цветков — Ему.
Ему ветра послушны, питает пташек Он.
Не будем равнодушны, почтим Его закон.

Христу споем напевы за воздух и за свет,
за жатву, за посевы, за опыт прошлых лет.
Прими же приношение, Господь!
За клад даров; прими в свое владенье сердца твоих рабов".

Когда они пели этот гимн, то, казалось, сама, камера с гнетущими настроениями подследственных исчезла, как туман в лучах солнца. Душа видела родную природу Поволжья, и было так просто все: ведь Ему ветры послушны, питает пташек Он, и без воли Его ничего не может случиться.

Они разговаривали между собою, вспоминали дни радости, когда прославляли Господа в молитвенном доме, и тюремный гнет не давил душу.

А окружали их люди, не знающие Бога; они не имели никакой отрады, ни минуты облегчения, утешения в своих страданиях. Только табак, которым они жадно затягивались, дурманил сознание, делал их еще более больными и, создавая видимость успокоения нервов, разрушал здоровье, подорванное недоеданием и тяжелыми переживаниями.

Наконец Леву вызвали. С тревожно бьющимся сердцем он шел по коридору в сопровождении конвойного. Внутренне молился. Он подсознательно чувствовал, что его ожидает что-то тяжелое.

Открылась дверь, и он вошел. Большая комната, ярко освещенная лучами солнца. За столом — следователь Углев. Он с торжествующим видом многозначительно взглянул на Леву. У его стола слева сидит человек, понурился голову. Он не оглянулся, когда вошел Лева. Лева сразу узнал, его это был дорогой брат Ваня Попов, один из лучших среди самарской молодежи периода ее расцвета в начале 20-х годов. Он когда-то трудился среди студенчества, учился, потом был радостью и благословением в общине; вместе с другими в 1929 году он пошел в тюрьму и отбыл тяжелый срок испытания в Соловках. По его виду и одежде Лева ясно понял, что Ваня Попов также арестован.

— Садитесь, — резко сказал следователь Леве. Лева сел.

— Скажите, знаете вы этого человека? — спросил следователь Леву.

Лева молчал.

— Попов, скажите, вы знаете этого вошедшего?

— Да, знаю, — монотонно отвечал Попов, не смотря на брата.

— Так вот, мы вам прочтем, Смирнский, показания вашего брата во Христе Попова, где он рассказывает, кто вы такой.

Следователь взял лист допроса и стал внятно, медленно читать: "Лева Смирнский является явно антисоветским человеком, врагом советской культуры. Из беседы с ним я узнал, что он намерен отвлекать верующую молодежь от пути, по которому ее ведет Коммунистическая партия. Он отвлекает молодежь от посещения кино и театров и всячески наставляет ее в антисоветском духе. Я пришел к заключению, что он является врагом Советской власти".

Попов, скажите, вы подтверждаете свои показания?

— Да, подтверждаю, — медленно произнес брат, не поднимая головы и не оглянувшись.

— Вы согласны с показаниями на очной ставке вашего брата во Христе? — обратился к Леве следователь.

Лева молчал.

— Вы что, разговаривать не будете?

Лева молчал.

Следователь взял телефонную трубку и позвонил, приглашая кого-то.

Вошли два начальника.

— Вот у меня очная ставка, — пояснил следователь, — и вот этот подследственный Смирнский не отвечает ни на какие вопросы.

Один из начальников подошел к Леве, внимательно посмотрел на него и потом как бы участливо спросил:

— Вы почему молчите?

Лева ничего не ответил.

— Я еще раз спрашиваю, почему вы молчите?

Лева молчал.

Перед ним в этот момент была только одна мысль — мысль о Христе, Который, когда вели Его следствие и приходили разные лжесвидетели, молчал и на все отвечал только молчанием. Так поступал и Лева, не потому, что он заранее обдумал, как вести себя, но так сложилось у него в результате внутренней молитвы.

К нему подошел другой начальник.

— Что вы молчите? Неужели думаете, что у следствия нет средств, чтобы заставить вас говорить? Вы заговорите, и еще как заговорите!

Лева молчал.

— Может быть, вы заболели? Мы сейчас вызовем врача. Это бывает, что человек лишается речи. Напишите вот на бумажке, что вы не можете говорить. Мы сейчас отправим вас к врачу.

Лева ничего не написал и не произнес ни звука. Как ни бились на очной ставке, чтобы он заговорил, он молчал.

— Тогда просим вас подписать протокол очной ставки, что вы слышали, что на вас показывает Попов, и напишите, согласны вы с этим или нет.

Лева протокол очной ставки не подписал. Тогда следователи написали, что Смирнский на очной ставке демонстративно молчал.

Их вывели обоих из кабинета следователя и повели по коридору.

— Ваня, что заставило тебя говорить неправду? — спросил Лева.

— Я ослаб, — ответил брат.

— Не разговаривать, не разговаривать! — закричал конвойный. В камеру Лева вошел словно закаменевшим. Сердце, грудь давило большое горе. Он видел много. В первый срок, когда был под следствием почти год, он пережил немало, но то, что он увидел теперь — что брат, которого он так уважал, который был таким прекрасным тружеником Христа, и вот ослаб, и как ослаб!

И даже тетя Тереза, жена пресвитера, которая учила, когда Лева был еще на детских собраниях, тоже показывала на следствии всякую небылицу. Словно весь мир перевернулся вверх ногами, все лучшие люди, верующие, на которых он смотрел как на пример, образец, — предавали...

Было время обеда, и в камере ели.

— Садись, Лева, с нами кушать, — пригласил его один пожилой инженер, — нам сегодня повезло: из вольной кухни принесли винегрет, там его не съели, и начальник тюрьмы разрешил, чтобы его передали нам, у нас сегодня праздник.

Действительно, на столе стояло ведро с красным от свеклы винегретом. Лева положил в чашку, он помолился и стал есть. Ведь есть-то надо было, он знал, что есть надо, надо поддерживать силы. Но только проглотил одну ложку, как почувствовал резкую боль в желудке. Он понял, что организм отказывается от пищи. Не только сердце и ум, но все его существо переживало страшное горе. Он положил ложку, отошел в сторону и сел на полку. И вдруг все провалилось. Провалилось страшным стоном, он закричал, застонал к Богу. Он потерял всякую веру в людей и верил только в единственного Бога, Бога любви, правды. Рыдания разрывали его грудь. Слезы лились ручьем. Это было страшное горе.

Никто из заключенных ничего не сказал, никто не пытался утешить его. Все видели, как страшно страдает он. Это не был простой плач, это было рыдание, рыдание человека, раненного в самое сердце, в самое святое, он терял веру в людей...

Потом он успокоился, а мысли все бежали, бежали одна за другой. Почему? Почему ослаб Ваня? Почему вообще люди на следствии показывают ложь друг на друга, предают друг друга?

На следующий день его опять вызвали к следователю. Та же комната, тот же торжествующий вид следователя Углева. Но на том месте, где вчера сидел Ваня Попов, сегодня сидит молодая Люба Фитькова.

О, сколько имели они радости там, в молитвенном доме, посещая больных, как вместе, молились, пели, радовались... А теперь все изменилось. И сидит она так же, как Ваня, опустив голову, не смотря на него. Только по ее одежде, по прическе Лева видит, что она не арестована.

— Может быть, для вас, Смирнский, недостаточно показаний Попова? Так вот, мы делаем вам очную ставку с вашей сестрой во Христе Фитьковой. Вы знакомы с ней?

Лева молчал. Опять те же попытки заставить его заговорить. Безрезультатно, он молчит,

— Так вот, ваша сестра показывает на вас, я сейчас прочту, что вы занимались антисоветской агитацией, отвлекали молодежь от советской культуры, что вы антисоветский человек.

Следователь зачитывает показания.

— Фитькова, вы подтверждаете ваши показания? — обратился он к девушке.

— Да, подтверждаю, — глухо ответила она.

Прошу подписать их.

Девушка берет дрожащей рукой ручку и подписывает.

— Смирнский, если вы не хотите разговаривать, то подпишите протокол очной ставки и напишите, согласны вы с показаниями на вас или нет?

Лева ничего не подписывает и не произносит ни звука. Опять приходят начальники, пытаются убедить Леву заговорить, но безуспешно. В протоколе очной ставки — надпись, что он демонстративно молчал.

Его опять спустили в камеру, но он уже больше не плакал, не рыдал. Слезы были уже выплаканы. Он только думал и молился, молился и думал: почему все это так получается? Почему родные, близкие по Христу, отлично зная, что он никакой политикой не занимается, никакой антисоветской агитации не вел; наоборот, он, как верующий, искренно подчиняется власти и молится за нее, — и вдруг показывают ложь! Неужели все это делается только из-за страха, бояться и говорят неправду. Нет, здесь что-то иное, что-то не то. Конечно, вся беда в том, что не бодрствовали, когда бодрствуем и молимся, то можно противостоять силой Божьей любому искушению. Да, но почему же этот следователь Углев так ведет дело, что люди, которые должны показывать правду, говорят ложь. Как это может быть, что человек, который отлично знает, что это — белое, показывает, что это — черное.

Будучи медицинским работником, Лева невольно смотрел на все глазами физиологии и психологии. И внезапно его осенила мысль: Углев несомненно действует внушением, он уже заметил, что следователь смотрит в глаза и все повторяет, все внушает желаемые ему мысли. Лева знал, что когда человек подвергается внушению и его загипнотизируют, ему дают картофель, утверждая, что это вкусное яблоко, и он ест этот картофель, сырой, с удовольствием и восхищается: какое это вкусное яблоко! Происходит смена понятий и восприятий. Вот так, — думал Лева, — и тут, во время следствия, внушается мнение, противоположное истине. И человек говорит и подписывает ложь.

"Это нужно раскрыть высшим органам следствия, — думал Лева, — потому что ведь никто не заинтересован в ложных заключениях и страдании невинных людей".

Лева решил непременно добиться свидания с начальником НКВД по Самарской губернии и рассказать ему о применении внушения и гипноза во время следствия. Он стал молиться об этом и написал заявление, что ему необходимо по особо важным показаниям встретиться с начальником НКВД.

И эта встреча состоялась.

Глава 9. В поисках правды

"... Они не боятся Бога. Простерли руки свои на тех, которые с ними в мире, нарушили союз свой".

Псал. 54, 20-21

Во время следствия, несмотря на то что изнурительные ночные допросы применялись в то время мало, большинство подследственных спали плохо, мало, от многих сон бежал. Тяжелые, размышления: виновен или невиновен — терзали ум и сердце человека. И люди худели, несмотря на получаемые с передачами продукты, и за неделю-две часто человек становился неузнаваемым. Один подследственный, инженер, который находился в одной камере слевой, был очень толст. Он ездил на курорты, всячески пытался сбавить свой вес, но это не удавалось. Он даже не мог нагнуться, чтобы зашнуровать свой ботинок. Теперь же, побыв на этом "курорте", он мог свободно нагибаться и зашнуровывать ботинок (правда, делать это ему не было надобности, так как всякие металлические вещи, шнурки, веревочки, пряжки, пуговицы у подследственных "профилактически" отбирались).

Несмотря на тяжелые переживания, физически Лева чувствовал себя неплохо. Днем отдыхать никогда не ложился, а к вечеру чувствовал себя настолько утомленным, что после поверки, когда разрешалось спать, он, помолившись, спал спокойно и безмятежно.

— Ты как будто тяжело переживаешь и в то же время спокоен, — говорил ему инженер, — спишь, как невинный ребенок.

— Так или иначе, — замечал Лева, — мы, верующие, хотя и переживаем, но все заботы возлагаем на Бога. Он печется о нас и снимает чрезмерную грусть и беспокойство.

А про себя Лева подумал: "Ведь написано в псалме: "Возлюбленному своему Он дает сон".

Время от времени камеры обходило начальство, выслушивало всякие претензии заключенных и собирало заявления. Лева подал заявление на имя начальника НКВД с просьбой вызвать его лично для дачи особо важных показаний по следственному делу.

Прошло несколько дней, и Лева вызвали. Конвой подвел его к двери, обитой черным материалом. Лева догадывался, что такая обивка дверей предохраняет от проникновения изнутри всяких шумов. Его ввели в большую комнату. Огромные светлые окна около стен много стульев. Впереди большой стол, за ним — несколько человек в военной форме. Тогда носили знаки различия: кубики, ромбы, и по ним знающий человек мог определить звания военных. Лева в этом совершенно не разбирался. Он видел только, что в центре сидит человек, у которого на гимнастерке были ромбы. Значит, это был начальник.

— Подойдите сюда ближе, — сказал он Лева и, не предлагая сесть, предложил рассказывать, что он хотел.

Внутренне молясь, Лева стал говорить:

— Вы знаете, меня арестовали и, кратко говоря, обвиняют, что я антисоветский человек и все мои понятия о вере являются вражескими, антисоветскими. Дело ведет следователь Углев. Как я ни доказывал ему, что я не враг, что стремлюсь работать честно, как все советские люди, и желаю учиться и быть полезным нашему народу, он все расценивает как контрреволюционное проявление. И вдруг на очной ставке наши верующие, которые отлично знают, что я никаких антисоветских настроений не имею, никакой антисоветской агитацией не занимался, показывают, что я антисоветский человек. Наши верующие, по слову Божию, должны говорить правду, и вот говорят неправду. Почему это происходит? Наблюдая за работой следователя Углева, я пришел к выводу, что следователь внушает свидетелям и подследственным те понятия, которые им несвойственны, и что делается это путем гипноза, внушения.

Начальник сначала спокойно слушал, что говорил Лева, но когда Лева стал доказывать, что выводы следователя совершенно лживые и вызваны внушением и гипнозом, рассердился на Лева и закричал, что он неисправимый контрреволюционер. Как ни пояснял Лева, что с контрреволюцией он ничего общего не имеет, что совсем не думал агитировать против власти или сочувствовать кому-либо, кто настроен против Советской

власти; как ни говорил, что политикой никогда не занимался и не интересуется, а живет только верой в Бога, Христа и Евангелие, — начальство, сидящее за этим большим столом, ни в чем ему не верило, а попытки добиться правды расценивало как выступление контрреволюционера.

Один из сидевших рядом с начальником сказал:

— Мы видим, вы ни в чем не раскаиваетесь. Вот вы писали в записке, адресованной вашей матери, в записке о получении передачи, что желаете снова работать, участвовать в операциях.

— Да, писал, — сказал Лева. — Действительно, мне трудно без работы, я привык всегда работать и, работая по хирургии, я, конечно, скучаю по операциям.

— Бросьте нам очки втирать! — воскликнул один из сидевших. — Мы отлично понимаем, что вы, как контрреволюционер, скучаете по операциям против Советской власти, по операциям по распространению своей веры с целью подрыва нашей материалистической действительности.

— Нет, нет, — уверял Лева, — я вам истину говорю, что я тут подразумеваю только хирургическую работу, я мечтаю стать хирургом.

Никто ни в чем не верил ему. Грустно, тяжело было Лева смотреть на этих людей: занимают такие посты, кажется, должны прежде всего бороться за правду, а вес видят в извращенном виде.

— Прошу вас, — сказал Лева, — переменить мне следователя. Углеву я показаний давать не буду, он приходит к неправильным выводам.

Долго размышлял Лева об этой встрече с начальством. Что это? Почему это? Ведь после революции, когда В. И. Лениным был подписан декрет об отделении церкви от государства, когда была предоставлена полная свобода вероисповедания и в Основном законе страны — Конституции была предоставлена всем гражданам свобода как религиозной, так, равно, и антирелигиозной пропаганды, никто не обвинял верующих, что их понимание веры является антисоветским. Все евангельские христиане и все так называемые сектанты свободно вздохнули после гонений и притеснений царизма. Проповедь Евангелия совершенно свободно раздавалась по селам и городам нашей страны. В. И. Ленин и его соратники не допускали никакого притеснения верующих, боролись со всякими оскорблениями религиозных чувств. Молитвенные дома и церкви не закрывались. Велась большая антирелигиозная работа, но с верующими боролись не как с врагами, а с их взглядами — идейно, и только идейно. Лева отлично помнил собрания евангелистов в самых больших залах Самары. Он знал, как радовались верующие и пели Богу среди природы и даже идя по улицам с текстами Евангелия. Были юношеские кружки, детские собрания, воскресные школы. Каждый мог верить или не верить и воспитывать своих детей, свою молодежь в зависимости от своих убеждений.

Но умер Ленин, и отношение к верующим с каждым годом становилось все хуже и хуже. Со страниц газет и журналов на них лились грязные потоки всевозможной клеветы, их всячески пытались унижить и обвинить во всевозможных преступлениях, а потом и вовсе было объявлено, что это враги, что всякая вера, по существу, суть антисоветская, и начались аресты, преследования...

Верующие евангельские христиане-баптисты в основном обитали в сельской местности, это была крестьянская масса. И повсюду были закрыты в селам и деревням молитвенные дома. И только единичные церкви и молитвенные дома сохранились в отдельных городах.

Многие проповедники, пресвитеры, а также служители других религиозных течений очутились в тюрьмах.

Все это Лева отлично знал, и теперь, размышляя, думал: почему это все? Неужели ведем этим руководит высшее правительство, Сталин? Не может быть! Лева никак не хотел верить этому. Он думал — и думал не только он один, а и многие другие, — что если бы Иосиф Виссарионович знал, что все так происходит, то устранил бы все эти перегибы,

Лева мечтал, что если бы можно было пробраться к высшему начальству и оно разобралось бы, то все было бы восстановлено, как при Ленине, свободно и справедливо.

Эта жажда найти и доказать правду не оставляла его.

На следующий день его опять вызвал следователь Углев. Лева сказал, что никаких показаний ему давать не будет и будет разговаривать только с другими следователями. Леву спустили опять в камеру.

— Ну, как у тебя дела? — заинтересовался инженер, когда Лева сел на свое место.

— А вот отказался от следователя, добиваюсь правды.

Заключенные рассмеялись.

— Чудак ты, Лева! — сказал один из них. — Ты бы лучше поступал так, как дедушка Фомин. Он все подписывает, и его крепко не накажут.

После обеда, когда все стали дремать, инженер подсел к Лева и тихо, почти на ухо, стал говорить ему:

— Мне жаль вас, молодой человек, вы ведете себя совсем нетактично! Поймите, вы погубите себя совсем.

— Я только добиваюсь правды, мне правда всего дороже, — прошептал Лева.

— Никакой правды вы не добьетесь, — шептал инженер. — Неужели вы не понимаете обстановку нашего времени? Вы знаете, что лагеря сейчас очень нужны экономически. Какая масса народа за пайку хлеба, за баланду, чтобы не умереть с голоду, будет строить новые города, каналы, заводы. Ведь это чрезвычайно экономически выгодно. И для того, чтобы все планы по развитию нашей страны осуществились, нужен этот рабский труд. Наступит время, когда техника будет высока, тогда этот труд перестанет быть выгодным: вот тогда-то, поверьте мне, тюрьмы, лагеря сойдут почти к нулю. Но теперь это великий фактор в нашем строительстве, и добиваться правды, когда всем юридическим и судебным органам дано задание всячески карать и осуждать, — это совершенно бессмысленно.

— Я понимаю это с другой стороны, — сказал Лева. — Люди живут не по-Божьи. И Бог через правительство наказывает народ, наказывает верующих за их беспечность. В Писании так и сказано: "Время начаться суду с дома Божия. И если праведник едва спасется, то нечестивый грешник где явится?"

— Этого вы мне не говорите, — сказал инженер. — Я человек неверующий и этого не понимаю. Я только хочу сказать, что, как бы вы ни старались, вас осудят. Сейчас такая установка: осуждать, а не оправдывать. А вот благодаря тому, что вы ищете правды, на вас в лагерь пойдет такая характеристика, что и там вам жить не дадут. И вас там погубят.

— Мы верим, — возразил Лева, — что без воли Божьей и волос с головы не упадет. А я ничего плохого не делаю, только правду ищу.

Инженер ничего не сказал, покачал головой. Потом как бы безнадежно махнул рукой на Леву и отошел прочь.

Был поздний вечер. Об этом в камере можно было догадаться не потому, что дневные лучи угасли, а потому, что прошла поверка. Леву вызвали на допрос. Его ввели в новый кабинет. В нем был полумрак. Над столом, где сидел следователь, горели лампы под стеклянным зеленым абажуром. Следователь был пожилой. Он сидел, накиннув на плечи черное кожаное пальто. Вид у него был утомленный, а может быть, ему нездоровилось. Он внимательно посмотрел на Леву и сказал:

— Я буду вести ваше следствие.

— Хорошо, — сказал Лева, — я очень рад.

Неизвестно почему, но он почувствовал какое-то расположение к этому пожилому человеку. Видимо, это был старый чекист, который действительно во время Октябрьской революции и первых лет Советской власти боролся с контрреволюцией и имел большой опыт в своей работе.

Он стал подробно расспрашивать Леву о его детстве, о его родителях. О том, как он уверовал, почему он верит. Расспрашивая, медленно, не торопясь записывал показания Левы на бумаге.

Так он вызывал Леву несколько раз, выясняя причины его первой судимости, обстоятельства дела. Детально расспрашивал, как Лева отбывал срок, когда вернулся, с кем встречался. Лева рассказывал все непринужденно и так, как все было. Его только удивляло то, что если все следователи после каждого допроса предлагали ему подписать протокол, то этот ничего не предлагал подписывать, а только все записывал сам.

Наконец он составил протокол, в котором предложил Леве подписать некоторые дополнительные данные о встречах с верующими. Лева подписал. После этого к следователю его не вызывали. Убедился ли этот старый чекист сам, что он, проводивший следствие действительных преступлений, в данном случае имеет дело с лицом, не являющимся преступником, или он отказался от этого дела, или же он заболел, — Лева не знал. Больше о нем он ничего не слышал.

Прошло немногим больше недели. Леву вызвал Углев и сказал, что следствие всех их, заключенных арестантов, закончено, и предложил Леве расписаться в том, что его дело направляется, как и дела других, на решение Особого совещания НКВД в Москву.

Лева расписался.

И вот обычное, для многих необычное, но для Левы знакомое: "Собирайтесь с вещами". Обыск, погрузка в автомашину "черный воронок". И их повезли. Они прибыли в Стромилово. Там были каменные конюшни, в которых в свое время содержал лошадей помещик-конезаводчик.

Их преобразовали в камеры для заключенных, обнесли проволокой, установили вышки для часовых, устроили вахту. В этой тюрьме находились заключенные со всей Самары. Жены, матери, родственники с передачами должны были ехать поездом или автобусом и затрачивать на это целый день. У входа в большую каменную конюшню — место для обыска.

Холодно, лежит снег. Заключенным предлагают вытряхивать все вещи. Из-за холода догола не раздевают. Тщательно ощупывают. Казалось, зачем здесь делать обыск, ведь их доставили из тюрьмы в тюрьму. Но военные надзиратели честно выполняли свой долг, так положено.

И тут у Левы случилась большая неприятность. Надзиратель нашел у него маленькое Евангелие от Матфея.

— Что это? — грозно спросил он. — Святая книга?

— Да, это Евангелие. Книга, которая для меня очень дорога, как для верующего.

— Это не положено иметь в тюрьме, — сурово сказал надзиратель и отобрал у Левы Евангелие.

— Я очень прошу вас отдать мне эту маленькую книгу. В ней столько хорошего, она мне очень дорога, — просил Лева.

— В ней хорошее? — закричал надзиратель. — Это мракобесие, это зло, обман.

И вдруг он с остервенением стал рвать Евангелие на клочки, бросил на пол и стал топтать коваными солдатскими сапогами.

Лева молчал. Он был страшно поражен такой ужасной, более чем звериной ненавистью к Евангелию. "За что, почему они так ненавидят Слово Божье? — думал он. — Читал ли он когда-нибудь эту книгу?"

Одно было для него ясно: что людей воспитывают в страшной ненависти к Богу, ко Христу, воспитывают в ненависти ко всем тем, кто верит и живет по Евангелию.

"Что делается, что делается! — думал Лева. — Какое жуткое время! Ведь были страшные времена, людей заковывали в кандалы, брили полголовы и гнали на каторгу. Но все же им разрешали иметь Евангелие. Были тогда такие люди, которые добивались, чтобы распространять среди заключенных Евангелие. А теперь что делается? Эту отраду,

это утешение для лишенной всего человеческой души, попавшей в страдания тюрьмы, не допускают, рвут, уничтожают..."

– Табачок, табачок не рассыпьте, надзиратели, — говорил заключенный, у которого делали обыск.

– Я обязан проверить все, не прячешь ли ты в махорку ножик, — говорил надзиратель, отдавая заключенному кисет с махоркой.

"Махорку, табак разрешают, — думал Лева, — и все будет в камере пропитано этим смрадом курения, а Евангелие — "не положено". Это, с их точки зрения, самое страшное зло".

Когда Лева нагнулся собрать свои вещи, он поднял несколько обрывков-листочков Евангелия и спрятал в карман. Долгие годы хранил он у себя эти порванные листочки, как дорогую поруганную святыню.

Злобы или какой-либо неприязни к людям, которые ненавидят Евангелие и поныне жаждут распинать Христа, Лева не имел. Он знал, что они доподлинно не ведают, что творят. Что и за них была великая молитва страдальца-Христа: "Прости им, Отче!"

В большую камеру ввели Леву не одного. С ним попал туда же его друг — брат Ваня Попов. Братья обрадовались встрече, обнялись, поцеловались. В камере не было слишком тесно, и им нашлось место на нарах. Друзья разбеседовались.

– Как же это ты, Ваня, ослаб? — спрашивал Лева.

– Без конца мучили допросами, — отвечал Ваня. — Один следователь допрашивает, его сменяет другой. Все заставляют показать, что ты — антисоветский человек. Однажды вот так держали на допросе часов пять. Я слаб, не выдержал и согласился показать на тебя на очной ставке.

Друзья молились, просили Господа, чтобы Он помог быть верными Ему до конца.

Лева не чувствовал никакого огорчения против Вани. Он понял, что его "довели", и к тому же, как думал он, здесь дело не обошлось без внушения и гипноза. Конечно, Лева был твердо уверен в том, что если бы Ваня бодрствовал и крепко молился во время этих испытаний, он не впал бы в это искушение.

Какая была радость, огромная радость, когда Леву вызвали на свидание! Пришла его мать. Пришла, как приходят многие и многие матери, чтобы оказать любовь своим страждущим детям. Когда он шел на свидание, ему невольно вспомнились слова известной арестантской песни:

"В воскресенье мать-старушка
к воротам тюрьмы пришла,
своему родному сыну
передачу принесла..."

Эти краткие минуты свидания с матерью через решетки были для Левы солнечной радостью. Мать была исхудавшая, но бодрая, и она все бодрила сына. Говорить было трудно. Рядом стояли другие заключенные, они кричали своим родственникам, но все-таки это было хорошо, и очень хорошо. Но только из этого свидания получилось нечто нехорошее для всей администрации тюрьмы, и НКВД в Самаре встревожилось. И все это только потому, что Лева искал правды.

Спустя несколько дней после свидания, Леву вызвали в следственный кабинет тюрьмы. Там сидели начальник тюрьмы, начальник охраны и какие-то уполномоченные НКВД, приехавшие из Самары. Всех их интересовал один вопрос, и не только интересовал, а очень беспокоил, и с ним они обратились к Левае.

— Скажите, через кого, как вы смогли подкупить и отправить из тюрьмы телеграмму в Москву, комиссару НКВД, — задал вопрос прибывший уполномоченный. Лева молчал.

– Вы отправляли телеграмму? — спросил начальник тюрьмы.

– Да, отправлял, — ответил Лева.

– Как вы это сделали? — спросил уполномоченный.

– Я не скажу вам, как я это сделал, а скажу, для чего я это сделал. Я дал в Москву телеграмму, чтобы высшее начальство выслало комиссию и разобрало мое дело, так как меня заключили совершенно без вины, и следствие пришло к ложным выводам.

— Нас это не интересует, почему вы послали телеграмму, виновны вы или невинны. Нас интересует только, как вы смогли послать телеграмму. Ведь выходит, что весь наш тюремный режим, изоляция никуда не годятся. Есть надзиратели, которые передали вашу телеграмму, а там могут передать и еще что-нибудь, и преступники могут сделать побег.

Лева подумал и сказал:

– Не тревожьтесь, режим и охрана у вас в порядке, никто из них не передавал телеграмму.

– Тогда как же вы могли ее передать?! — воскликнул начальник тюрьмы.

– Очень просто, — улыбнулся Лева. — Когда моя мама была на свидании, я продиктовал ей текст телеграммы и просил послать ее в Москву.

Начальники тюрьмы и охраны облегченно вздохнули. Ведь если бы это было через надзирателей, то вместе с ними были бы наказаны и они.

Никакой комиссии по расследованию, само собой разумеется, Лева так и не дождался.

Дошла ли эта тревожная телеграмма по назначению или же была перехвачена, осталось неизвестным.

Леве же становилось все более и более ясным, что в этом мире правды ему не найти.

Глава 10. В ожидании приговора

"...Очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас; ибо довольно мы насыщены презрением. Довольно насыщена душа наша поношением от надменных и уничижением от гордых".

Пс. 122, 2-4

В тюрьме в то время народу было много. Хотя была зима (1935 г.), но в тюрьме мороз не чувствовался. В камерах происходило самообогревание. Среди заключенных преобладали не обычные уголовники, а больше люди, привлеченные по 58-й статье за антисоветские "преступления". Ввиду того, что состав преступления у многих был слишком необоснован, для осуждения не применяли пункты статьи 58-й, а обвинение строили по литерам: "КРА" и "КРГ". "КРА" означало — контрреволюционная агитация, "КРГ" — контрреволюционная группировка.

Дела всех обвиняемых по этим буквам со всего Советского Союза направляли в Москву, на решение Особого совещания НКВД, и люди, находясь в тюрьмах, месяцами ожидали приговора.

Эти буквенные статьи были предъявлены евангельским христианам-баптистам: пресвитеру К.Ф. Кливеру, его жене Т.Э.Кливер, проповеднику, несшему в часовне обязанности пресвитера, Н.А. Левинданто, П. И. Кузнецову, Е.И. Фомину, его сыну П.Е. Фомину, В. Попову и Льву Смирнскому.

Все они находились в разных камерах, но когда надзиратель объявлял: "Выходи на прогулку!", многие камеры открывались одновременно, и на прогулке братья встречались. Так вместе на прогулку попали Н.А. Левинданто, Ваня Попов, Лева Смирнский, Петя Фомин. Это были радостные встречи. Во время хождения по кругу в небольшом тюремном дворежке разговаривать не разрешалось, но арестованные все время нарушали это, беседуя, идя попарно, и надзиратели уже не обращали внимания на разговоры.

Николай Александрович, немало переживший в своей жизни разных злоключений, отличался бодрым характером и даже пытался шутить:

— Лева, Лева, — говорил он, — что у тебя за воротник на пальто? Я смотрю и не разберу, женский или мужской...

— Это специально для тюрьмы, — отвечал Лева. — Мама каракуль спорола, а эта суконная обшивка была уже готова.

— Ну, с таким воротником тебя никакая сестра не полюбит.

— Я этим не интересуюсь, — отвечал Лева.

— Да ты за кем-нибудь ухаживал?

Лева ответил отрицательно и улыбнулся.

Их разговор был прерван. Один из так называемых урков (воров) выбежал из своего ряда и бросился к Пете Фомину, шедшему впереди. Он с размаху ударил его кулаком по голове и сшиб фуражку, схватил ее и помчался дальше. Петя Фомин, а за ним и Ваня Попов для чего-то бросились догонять уркагана.

— Почему, за что он его? — удивлялись все.

Скоро все объяснилось. Фуражка Пети Фомина была сшита из зеленого сукна защитного цвета и напоминала милицейскую. Урки вообразили по фуражке, что Фомин не кто иной, как посаженный милиционер, а они страшно ненавидят милиционеров и решили мстить ему, считая, что он повинен в арестах ихнего брата, воров. Как ни доказывали верующие, что Петя Фомин никакого отношения к милиции не имеет, они всячески грозили ему кулаками и даже обещали убить.

К вечеру, когда все стихало, заключенные любили слушать разные рассказы, анекдоты. В тюрьме гложет тоска по родным, томит ожидание неизвестного приговора, и заключенные особенно ценят тех, кто может отвлечь их от горькой действительности. Рассказчики находились, и нужно сказать, нередко художественно рассказывающие, но говорили они обычно сальные анекдоты или передавали всякую грязь из своей жизни.

В камере, где находился Лева, был глубокий старик, он в царское время работал сначала приказчиком, потом разбогател, стал купцом и разъезжал по разным городам со своими товарами. И вот этот старик каждый вечер делился с товарищами по камере похождениями из времен своей купеческой юности. Везде, куда бы он ни приезжал, он выдавал себя за неженатого, сватался к местной красавице, обольщал ее, проводил с нею ночь. Это был грех обмана и разврата. И этот худой, полулысый седой старик с костлявым лицом со смаком подробно рассказывал, как он раздевал красавицу и овладевал ею. Люди слушали, затаив дыхание, а он рисовал картину за картиной, превосходя, пожалуй, по красноречию французского писателя Мопассана.

Леве было глубоко жаль этих несчастных людей, которые не имеют здоровой духовной пищи и в грязи, в чаше отравы ищут спасения. Он молился о них Господу и не знал, что предпринять.

Вдруг неожиданное, радостное. Николай Александрович и другие сумели договориться с надзирателями, чтобы их объединили в одну камеру. К ним с той же просьбой перевести их в другую камеру присоединились и другие, сохранившие культуру людей, из интеллигенции.

Ваня Попов забрал свои вещи и направился в коридор, чтобы перейти в другую камеру, но Лева отказался. После глубокого размышления он пришел к выводу, что должен остаться среди несчастных, прогнивших грешников и как-то нести им свет, осенять их. Встать и прямо, громко проповедовать им Христа он не решался. Он знал, что его сразу же изолируют. Поэтому днем он тихо беседовал с некоторыми, рассказывал им, что он христианин и как он верит во Христа, как в Спасителя, а вечером, поговорив с некоторыми, он стал открыто выступать в камере с лекциями на медицинские темы.

Его лекции привлекали всеобщее внимание. Надзиратели, останавливаясь у двери, тоже с интересом слушали их. И теперь каждый вечер был заполнен не грязными анекдотами, не гнилыми историями, а его рассказами, лекциями. Он говорил об устройстве человеческого тела, о том, как мудро устроено сердце человека, о дыхании. Коже человека тоже была посвящена отдельная лекция. Он говорил об устройстве кожи, о

ее физиологии, профилактике кожных заболеваний, рассказал случай, когда странствующие артисты украли мальчика и выкрасили его золотой краской, чтобы показывать на сцене, и ребенок погиб, потому что кожа его не могла дышать.

На прогулках братья удивлялись тому, что он так и не пошел в их камеру, но, слыша о его лекциях, одобряли его и желали успеха.

Вечерами, после своих лекций, Лева лежал на нарах, размышлял и молился. Он думал: "О, если бы дали возможность учиться и трудиться наравне со всеми гражданами! Разве не принес бы я пользы народу?" Ведь распространяя знания медицины, занимаясь научной работой, открывая новые методы лечения и профилактики заболеваний... и в то же время оставаясь христианином, молясь и исповедуя Евангелие, он привлек бы людей к чистой, нравственной жизни.

Таковы были Левины мечты. Но увы, как ни бейся, подобно рыбе об лед, все бесполезно. Никакое начальство, ни прокуратура, ни высшее правительство не видит правды, и вот он, Лева, заклеямен званием врага народа, опозорен второй судимостью, оторван от родных, а что ждет его впереди? Снова проволока, штыки и отношение как к преступнику: ты не товарищ вольным гражданам...

Снова и снова он молился Богу тем широко известным псалмом, в котором униженные и оскорбленные взывают к Живущему на небесах. Да, к кому обращаться, у кого хлопотать, у кого искать правды? Только у Бога. Да, очи наши — Богу нашему, доколе Он помилует нас. "Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением..." — так молился он.

Он верил, что Богу нетрудно их освободить и помиловать. Он вспомнил также известную страждущим 18-ю главу Евангелия от Луки, в которой сказано, что должно всегда молиться и не унывать; в которой есть такие обнадеживающие слова: "Бог не защитит ли избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придет, найдет ли веру на земле?"

Леве было ясно, что в этих словах Евангелия речь идет не о вере в Бога, а о вере Богу, которая героически переносит все испытания и оказывается торжествующей и верной во всех трудных испытаниях. Лева понимал, что они, верующие, сейчас отнюдь не герои веры. Один из братьев так прямо и выразился: "Нас Господь взял в заключение за то, что мы ничего не делали для Него". Духовный огонь не был высок. О распространении Евангелия и спасении грешников никто не ревновал. Молодежь была далеко не та, как раньше. Даже посещение больных и то было оставлено. Лева вместе с другими отлично понимали, что, попав в горнило испытаний, они будут переплавлены, и это будет способствовать сохранению их жизни. С ними вместе переплавлялись и их родственники, близкие. Негодное сгорало, золото очищалось*.

Питание в тюрьме было исключительно плохое. Это была баланда, в которой чуть плавала капуста и мелкий неочищенный картофель. Камера, в которой находился Лева, почти вся голодала. Передачи, получаемые некоторыми из заключенных, несколько поддерживали, но они не способны были утолить голод всех, хотя получающие передачи, как правило, делились с голодными. Лева знал, что есть особые камеры — так называемые "индии", в которых сидят отъявленные уркаганы-рецидивисты. Они находятся только на тюремном пайке и поэтому выходят из тюрьмы в лагеря совершенно ослабленными и больными.

Как христианин, вынужденно вращающийся в этом преступном мире, Лева не мог не переживать за всех за них. Размышляя, он решил написать заявления прокурору и начальнику тюрьмы. В них он писал, что питание в тюрьме абсолютно слабое и не соответствует тому, что положено по нормам, Что лагеря, которые носят название "исправительно-трудовых", участвуют в общем строительстве нашей страны. При таком положении они получают из тюрьмы людей истощенных, больных, нетрудоспособных, являющихся трудовым балластом. Для того, чтобы доказать, что на одном тюремном

питании никто не сможет сохранить свое здоровье, Лева предлагал произвести опыт на нем самом. С такого-то числа он отказывается от передач, просит его взвесить, освидетельствовать здоровье, а потом, когда придет приговор, взвесить снова. И тогда будет ясно, каким неполноценным является тюремное питание.

Не прошло и нескольких дней, как питание в тюрьме резко улучшилось, появился картофель, почувствовалась заправка маслом.

Леву вызвал к себе начальник тюрьмы.

– Здравствуйте, Смирнский! — сказал весело он. — Ну, как, вы заметили, питание у нас улучшилось?

– Да, несколько улучшилось, — сказал Лева.

– Действительно, мы тщательно проверили, была комиссия, обнаружила злоупотребления. Теперь мы думаем еще улучшить питание, так что вы от передач не отказывайтесь.

Лева согласился не отказываться от передач и был рад, что его заявление нашло отклик и оказалось полезным.

А дни шли медленно. Проходил февраль, наступал март. О, когда же наконец придет этот приговор? Лекции свои он продолжал аккуратно.

В это время на "воле" верующую молодежь вызывали, допрашивали, предлагали показывать друг на друга, на заключенных братьев. Предлагали оставить веру, иначе тюрьма. И многих терзали тяжелые переживания. Одни, как Шура Бондаренко, совсем отходили от Христа и впадали в пьянство. Другие страшно мучились, не находя покоя. Так, Соня Докукина после одного из подобных допросов пришла в НКВД и попросила ее арестовать. Просьбе не вняли, она мучилась и сошла с ума. Учащихся, студентов тоже не оставляли в покое. Сестре Левы Ольге руководитель института предложил сообщить, где учатся дети верующих, пообещав, что "за это" она будет оставлена в институте. Она отказалась. Другими путями узнали и исключили из института не только ее, но и других верующих. Мать Левы написала об этом Н.К. Крупской. Та ответила: "Пусть ее дочери два года хорошо поработают, после чего получают возможность продолжать учение".

Заключенные с интересом слушали его. Получился своеобразный "народный университет здоровья".

Приходили приговоры одним, другим, и людей переводили в пересыльные камеры.

Когда заключенных выводили на прогулку, все, в том числе и Лева, невольно поворачивали голову в противоположный угол коридора. Там были камеры-одиночки для смертников, лиц, которые ожидали ВМН — высшей меры наказания, расстрела. С содроганием души Лева думал о них. В душе его все переворачивалось, когда он думал, что человек будет убивать другого человека. Он старался представить себя как в положении палача, так, равно, и в положении убиваемого, ожидающего минуты смерти. В представлении Левы смертная казнь была чем-то сверх звериным, чем-то таким, в которое было трудно проникнуть здравым рассудком. Это было поистине сатанинское. Ведь как в Библии сказано, дьявол есть человекоубийца от начала. И всякое убийство есть продолжение дела сатаны, а Христос явился, чтобы разрушить дело дьявола, положить конец человекоубийству.

И Лева, вместе с другими лучшими людьми человечества, решил, что как бы ни оправдывали различные моралисты и религиозные руководители право одного человека убивать другого, это каиново дело не от Бога. "Сколько бы людей ни собиралось вместе, чтобы совершить убийство, и как бы они себя при этом ни называли, убийство все же есть самый страшный грех в мире" — эти слова принадлежат Л. Н. Толстому. Слово Божие подтверждает это и ясно говорит, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной.

"О, когда, когда, — думал Лева, — на земле будет мир и любовь, прощение и на преступников будут смотреть, как на больных, и будут лечить их, как лечат физически больных, с любовью и терпением..."

Настал день, когда Леву вызвали и дали расписаться, что по постановлению Особого совещания он осужден на три года трудовых исправительных лагерей. Такой же срок получили все остальные братья и сестра Тереза Эрнстовна.

Ни Лева, ни другие верующие не роптали и не негодовали. Они знали, что неповинны ни в чем против Советской власти, но это — исполнение того, что им дано не только верить во Христа, но и страдать за Него.

"Да будет воля Божья", — говорил каждый из них в душе. А впереди их ждали страдания, большие страдания...

Глава 11. На пути к наказанию

"Участие в страданиях Его".

Филипп, 3, 10

Каждое воскресенье, и не только в воскресенье, но и в будние дни, с мешками, узелками шли, ехали туда, в Стромиллово, где была тюрьма. Это были родственники, близкие заключенных.

Они несли им передачи. И один только Бог знает, кто был тяжелее наказан: те ли, которые томились за решетками, или их дети, матери, жены, тяжело переживающие за них и не только переживающие, но прилагающие все усилия, чтобы помочь своим близким в заключении. В те дни питание "на воле" было не особо изобильным, и, чтобы только помочь заключенному, "куски" отрывались от семьи.

Когда близкие осужденных верующих узнали, что нет уже надежды на их возвращение домой и им предстоит отбыть срок, — они поехали, понесли вещи, белье тем, кто готовился в этап. Марте, Кливер — жене Пети Фомина — досталась особо тяжелая доля. Ей нужно было готовить отправляемого в этап мужа и заботиться об осужденной матери и отце, которым тоже предстоял нелегкий путь. Ей следовало также не забывать и о дедушке Фомине, который приходился ей свекром*. В довершение всего остались беспризорными ее братья и маленькая сестренка. Тяжело, страшно тяжело, но Бог не оставлял ее, и находились добрые люди, которые читали слово Божие и помнили замечательное место, где было сказано: "Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле" (Евр. 13, 3). Они оказывали всяческую любовь как самой Марте, так и ее близким в узах.

Мария Федоровна Левинданто уже несколько раз провожала своего Коленку в далекие края ссылок, поэтому она умело, без лишних хлопот, опытной рукой собирала вещи своему дорогому этапнику. Лида Кузнецова своего Петю провожала впервые. Естественно, что она особенно волновалась и суетилась, не зная, что и как лучше передать. Ваню Попова его сестры и близкие провожали не в первый раз, он был уже в Соловках вместе с Петей Фоминым и Мишей Красновым, и это провожание было для них, как говорится, не первый снег на голову.

Мать Левы в глубоком горе, но в большой надежде на Спасителя, Которому она от рождения посвятила сына, была внешне спокойна, и только по ночам было слышно, как она плакала и изливала скорбь души своей в молитве.

Все верующие и их родные и близкие по крови Христа не унывали. Они имели Утешителя — Духа Святого, который не давал скорби сверх сил, но посылал облегчение не только через молитву, но и через взаимную поддержку. Но каково было неверующим, не знавшим Бога, которые неожиданно после убийства Кирова были брошены в тюрьмы. Эти люди не чувствовали за собой никакой вины, в соответствии с этим они пытались хлопотать, оправдываться, но все было бесполезно, черная неизвестность наказания пугала, вешала возможную смерть, и для них не было никакого просвета. И они мучились, страшно мучились, страдали, стонали и их семьи в эти жуткие годы.

Дедушка Фомин не "заработал" лагеря, как все остальные евангельские христиане-баптисты, а был направлен в ссылку в Архангельскую губернию. Там он встретился с самарским братом Петром Ив. Шадчневым. Вместе они не унывали, молились и верили: Господь откроет двери для проповеди Евангелия.

Зима была в полной красоте. Мороз, ярко светит солнце на голубом небе, хрустит снег под ногами, морозный воздух бодрит, он чист, свеж... и люди шагают с мешками в руках и на плечах.

— Подтянись, не отставай! — слышится крик начальника конвоя. Этап ведут на станцию. О, сколько, сколько этих этапов, бесконечных, длинных, видела ты, русская земля, начиная от тех далеких дней, когда по Владимирке, по пыльной дороге гнали в кандалах в Сибирь твоих несчастных отверженных сынов...

Времена меняются. Теперь железная дорога, и по ней в столыпинских вагонах, в товарных, в пудманах везут все тех же несчастных отверженных, все в ту же Сибирь...

В эти столыпинские вагоны заключенных, как всегда, набивали впритирку, буквально как сельдей в бочку.

За решетчатую дверь втокнули Леву и Николая Александровича Левинданто, и, как говорят, волею судеб они поехали вместе, сидя рядом вплотную друг к другу. Лечь не было никакой возможности. На верхних полках полулежа-полусидя умещались по двое, по трое. В помещении был полумрак, душно, до невозможности жарко.

Несмотря на то, что прибывшие вошли с мороза, пот со всех полил градом, но это было ненадолго. Происходит нечто, когда при жаркой температуре организм уже перестает выделять воду через пот, и люди вторично потеют только тогда, когда пьют воду, холодную или теплую, три раза в день.

— Ну и попали мы! — сказал Николай Александрович, задумчиво растягивая слова.

— Да, слава Богу, — ответил Лева. — Нам дано не только верить во Христа, но и страдать за Него.

— Какое там за Христа! — с горечью сказал Николай Александрович. — Мы совсем не за Христа, просто шьют всем людям какие-то антисоветские настроения и проявления и сажают.

Лева видел, что Николай Александрович очень удручен. От прежней его жизнерадостности, веселости не осталось ничего.

Видимо, он тяжело переживал это осуждение. И Лева догадывался почему. Если в прежние сроки он шел радостно и бодро, зная, что он страдает за то, что верит, он был в то время против ношения в армии верующими оружия, то теперь, когда он стал идейным оппортунистом и поставил себе цель — освободившись от ссылок, наладить спокойную жизнь, многое в его сознании перевернулось. Для достижения поставленной цели он взял за правило — смотреть на все сквозь розовые очки. Вместе с М. Д. Тимошенко оба всячески поддерживали идею, что капитализм-де, это "Вавилон-блудница" по Откровению Иоанна и что нужно бороться с капиталом на том основании, что корень всех зол — корыстолюбие.

Как все более и более убеждался в этом Лева, хотя и не высказывал этого никому, Николай Александрович постепенно утрачивал веру в то, что раньше представлялось ему не только истинным, но и прекрасным. С этой изменившейся точкой зрения теперешний арест и осуждение он воспринял как какую-то незаслуженную пощечину.

Стучали по стыкам рельсов вагоны. Поезд мчался, куда — они не знали. Одно было ясно: на три года. По-прежнему легкие вдыхали тяжелый прокуренный воздух, по-прежнему уши слышали бесконечную матерщину и злобные ругательства набитых в клетки людей, по-прежнему та же селедка и паек черного хлеба. То ли Лева был молод, то ли эта атмосфера была ему не впервые, но физически чувствовал он себя неплохо, а духовно, несмотря на то что все его надежды на учение, на продолжение образования рухнули; несмотря на то, что его вновь оторвали от родной семьи, от нравившейся работы, он чувствовал себя прекрасно.

— Николай Александрович, — предложил он, — давайте потихоньку споем:

"В пустыне греховой земной,
где неправда, гнетущий обман,
я к отчизне иду неземной
по кровавым стопам христиан..."

— Ну, сейчас не до пения, вот надзиратель — конвой услышит, даст тебе пенью. Лучше давай просто поговорим.

— Да, да, давайте лучше поговорим, — согласился Лева.

— Мы хотя и родственники, да не встречаемся друг с другом. А вот здесь, в вагоне, встретились вплотную. Ты вот, Лева, сказал, что мы, верующие, страдаем за Христа. Действительно, хорошо было бы страдать за Христа, а то фактически этого нет. В самом деле, духовная работа наша свернулась. В этой часовне мы просто собирались для собраний, молились; я говорил мудрые проповеди, и все. И вот общая волна, аресты по всей стране всевозможных людей, чем-нибудь подозрительных, изоляция людей, которые могут оказаться вредными, и мы попали ни за что ни про что.

— Я не думаю так, — возразил Лева. — Правда, многие арестованы, но большие, основные массы народа на свободе. И нас арестовали только потому, что видели, что мы, как христиане, остаемся верными Христу. Ведь если бы вы или я отказались от Евангелия, от веры в Бога, то несомненно нас никто бы и пальцем не тронул. Ведь есть же факты, когда верующие, духовно замерзшие, зная, что их ожидает арест, умышленно напивались пьяными и этим демонстрировали, что они отошли от веры. И что же? Их оставили в покое и не арестовали. Почему, в частности, Шура Бондаренко не попал вместе с нами в тюрьму? Только потому, что он отступил от Христа. Взяли все-таки тех, которые могли так или иначе действовать в деле Божьем, а не были пассивными: я верю, что Господь, удостоив нас страдать, имеет Свой промысел, как для сохранения нашей духовной жизни, так и для будущего в деле Его. Это наша победа, что мы страдаем, как победил Христос на Голгофе, Стефан и другие.

— Нет, нет, ты слишком наивно думаешь, — сказал Николай Александрович. — Подумай только: идет борьба, и если кого поколотили и все лицо в кровь разбили, разве он победитель? Это поражение. И я тебе скажу откровенно: было время, Бог помогал, условия были, наше братство росло и распространялось, а теперь все идет к концу. Ты же знаешь и из истории: всякое движение имеет начало и имеет конец. И наше баптистское движение идет к концу. Я беседовал со многими знающими людьми, они не сомневаются, что с религией, с верой будет покончено. И ты сам знаешь: начали с нами бороться с 1929 года, а сейчас вот 1935 год, и за эти годы от огромных общин нашего Союза не осталось ничего, а пройдет еще ряд лет, развернется сильная атеистическая работа, все наши дети вырастут неверующими, и от веры в Бога в нашей стране не останется ничего.

— Правильно, правильно он говорит, — раздалось несколько голосов заключенных, которые прислушивались к их разговору. — То, что нас посадили, это перегибы, — сказал чей-то густой бас из-под полки, — а ваг с религией борются, это правильно. Бог и Библия — это выдумка попов.

— Эх, братцы, — раздался чей-то голос. — Бросьте вы об этом говорить, вот давайте у конвоя воды требовать. Я вот после этой селедки так пить хочу, просто умираю. Да и нам терпения больше нет сидеть без воды, — раздалось голоса. Эй, конвой, дай воды, больше не можем терпеть.

Этот крик "дайте воды" раздался и в других клетках вагона.

— Замолчать! Воды, сколько положено, давали. Больше положенного не дадим, — кричал конвойный.

Шум не стихал, заключенные, мучимые жаждой после соленой рыбы, настойчиво требовали воды.

– Ну, дорогой брат, будем вместе, — бодро говорил Петя, — вместе будем горе делить, легче будет.

– Да, как это хорошо! — говорил Лева. — Слава Богу, ведь Христос посылал учеников по двое.

Обыск, санобработка. И вот эти большие каменные коридоры с камерами по бокам. Двери камер не запирались, и заключенные могли свободно общаться друг с другом. Это был распределительный пункт сибирских лагерей. Он имел много производственных объектов. Там были и лесозаготовки, и фабрики, и сельскохозяйственные лагеря, и всевозможные строительства, и все это нужно было обслуживать, на все это были нужны люди.

Люди осужденные, оторванные от семей, которые за насущный кусок хлеба будут нести рабский труд.

Вечерело. Большинство заключенных ушли в клуб, где показывали кино. Петя Фомин чувствовал себя утомленным и задремал на нарах. Лева один ходил по большому коридору. Навстречу ему из дальней камеры вышли двое. Лева потому обратил на них внимание, что они были нестрижены, в то время как всех заключенных стригли под машинку наголо. Он приблизился к ним и, всматриваясь в их бледные лица, узнал их. Один, с большой шевелюрой черных волос, с черными усами и небольшой бородкой, чем-то напоминал Троцкого, другой, несколько лысоватый, с изможденным худым лицом и большими умными глазами, пристально посмотрел на Леву:

– А я знаю тебя, парень. Мы с тобой встречались несколько лет тому назад здесь же.

– Да, да, несколько лет тому назад здесь же встречались! — воскликнул Лева.

– Тебя куда-то отправили тогда со всей массой? — спросил другой, похожий на Троцкого.

– Да, меня отправили, я попал на станцию Тайга на лесозаготовки, потом на строительство в Прокопьевское, потом на Беломорский канал, потом за Полярный круг, на строительство Туломской гидроэлектростанции, потом меня освободили.

– Ну, а что же потом? — спросил, улыбаясь, лысоватый.

– Потом, после убийства Кирова, меня, как и многих других, снова арестовали, и вот привезли сюда.

– Ну, нам все известно, что творится на воле. А ты остаешься все таким же верующим?

– Да, остаюсь. Для меня Христос всего дороже.

– Все это чепуха, — уверенно сказал похожий на Троцкого. — Вопросы политической борьбы — это самое основное. Мы, старые коммунисты, открыто боремся за правду. Мы не можем смотреть спокойно, в каком ужасном положении находится наше крестьянство, в какой нищете, и как за его счет и армии заключенных ведется все строительство и развитие страны.

– Да вы что же, все эти годы были здесь? — спросил Лева.

– Да, здесь, вон в том корпусе, где находятся политические. Нас не пускают в лагерь, и среди всех вас, уголовников, мы тоже не хотим быть.

– Да, но как же вы попали в этот коридор? — спросил Лева.

– Нас, видимо, пересылают в политизолятор, — ответил лысоватый. — А тебе, парень, посоветуем все-таки бросить свою религию. Это ни к чему. Вот сидели в том корпусе два ваших брата-баптиста, их привезли из лагеря, где они работали на шахтах. Эти шахтеры надумали там везде проповедовать Христа. Их предупреждали, побуждали замолчать, они же открыто и в столовых, и в бараках, и, спускаясь в шахты, проповедовали Евангелие, призывая людей, как это у вас называется, покаяться.

– Что же, их осудили и дали новый срок? — спросил Лева.

– Да, их осудили, но нового срока не дали. Их расстреляли.

Больше эти политические не стали разговаривать с Левой, а пошли гулять по коридору, оживленно что-то обсуждая между собой.

Больно, очень больно стало на сердце у Лева, когда он услышал весть, что двое их братьев приняли мученическую смерть ради Христа. Стефана оплакивали мужи благоговейные и похоронили, но кто оплакивал и кто похоронил этих мучеников? Ни семья, ни их родные и близкие верующие не знали об их конечной участи. Господь знает их имена, и Он воздаст им. Они победили кровью Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души свои даже до смерти (Откр. 12, 11).

Не раз еще Лева видел этих двоих политических гуляющими по коридору. Ни с кем из заключенных они не разговаривали; не разговаривали они больше и слевой. Лева не решался подойти к ним и спросить, кто они. Троцкисты, или зиновьевцы, или бухаринцы? Знал только о них то, что они коммунисты.

Глава 12. Наказание

"Если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они проглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас – воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею. Прошли бы над душою нашею воды бурные".

Псал. 123, 2-5

Находясь в карантине, Лева и другие с нетерпением ожидали дня, когда их отправят в тот лагерь, где надлежит отбывать срок. Заключенные только и говорили о том, где лучше быть. Большинство мечтало о сельскохозяйственных лагерях, где и работа полегче, и чистого, свежего воздуха больше, и при сборах урожая картофеля и других культур так или иначе все бывают сыты.

Периодически приходили люди и спрашивали различных специалистов, отбирали подходящих себе, и они, даже не окончив карантин, направлялись спецэтапом туда, где они были нужны: на стройку или на производство.

Прибывали новые этапы, среди них были и верующие. Петя Фомин и Лева всегда расспрашивали вновь прибывших и отыскивали среди них родных во Христе.

Днем выводили на работу во двор. Водили на работы и вне распреда. В большинстве случаев это была чистка снега, дорог, железнодорожных путей. Заключенные на эти работы шли с радостью. Хотелось подышать свежим воздухом. Прогулки, которые давали, когда камеру не выводили на работу, были так коротки, а люди, находившиеся в заключении несколько месяцев, явственно чувствовали, что без свежего воздуха они слабеют, лица становятся бледными, без краски румянца.

Выходил на работу и Лева — чистить снег. Казалось, это была самая легкая работа, но сидка в тюрьме, недостаточное питание, отсутствие тренировки сказывались, и он удивлялся на себя, как он быстро уставал и лопата становилась тяжелой. Как ни напрягал Лева силы, одышка и слабость нарастали. "Да, тюрьма не красит человека, — думал он, — а что впереди?" Он вспомнил, как пять лет назад, покинув этот знаменитый распред, он попал на тяжелые работы и перенес страшное горнило испытаний, из которого только Господь вывел его здоровым и бодрым. А теперь что будет? Вместе с Петей Фоминым все свои беспокойства и заботы они в молитве рассказывали Господу и верили, что Он силен провести их и долиной тени смертной.

Лева по-прежнему, по многолетней привычке, по утрам записывал в маленькую самодельную книжечку памятные стихи на день из Слова Божия. Библии, Евангелия ни у кого не было, но в сердцах, на полотняных скрижалях сердца у каждого верующего были записаны чудные места из Книги книг — Библии, и в беседе братья всегда делились ими, как самым драгоценным.

Лева часто записывал все тот же один золотой стих: "Вес заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас". Легко, спокойно было на сердце, неизвестность не тяготила, у руля жизни Господь, Он знает, как и что, и без его воли и волос с головы не упадет.

Стали готовить большой этап. Их переместили в одну большую светлую камеру, туда же направили отобранных из других коридоров. Среди них были и братья. Радостные встречи, объятия, поцелуи. Среди братьев Лева особенно сблизился с москвичом Ильей Григорьевичем Лапшиным. Это был статный, крепкий мужчина лет сорока. Радостно улыбаясь, он расположился на нарах около Левы.

– Рассказывай, брат, кто ты, откуда? — спросил он.

– Я из Самары, — сказал Лева. — У нас много братьев арестовали.

– У нас, в Москве, тоже арестовали и из евангельских и из баптистов. Из баптистов взяты сестра Шалье, Жора Слесарев и другие. Да, сейчас по всем городам, везде, везде много взято наших братьев и сестер.

– Пришло время испытания для народа Божьего, — сказал Лева, — Вот я ехал сюда в столыпинском вагоне с нашим дорогим братом Николаем Александровичем Левинданто.

– О, я слышал о нем. Как он — бодр, здоров? — перебил Леву собеседник.

— Он бодр и здоров, — сказал, несколько грустно улыбнувшись, Лева. — Но вот только он думает, что нашему братству и вообще делу Божьему приходит конец, и настроение в этом отношении у него нерадостное.

— Нет, нет, так думать нельзя! — убежденно сказал Илья Григорьевич. — Период испытаний пройдет, и мы еще должны работать в винограднике Господнем.

Илья Григорьевич расспрашивал Леву о его жизни, о жизни и трудах его отца, и попросил домашний адрес Левы, говоря, что Господь силен вывести их на свободу, а он хотел бы посетить Самару.

Лева охотно дал адрес и сказал, что его пана будет, конечно, очень рад познакомиться с ним. Лева особенно нравилось, что брат Лапшин оптимистически настроен и так же оптимистически смотрит в будущее, и эти испытания несколько не сломили его. Лева видел в нем искреннего, преданного делу Божьему брата, который страдал за Христа и готов был идти за Ним, куда бы Он ни позвал.

Становилось теплее, солнце пригревало, и снег стал таять. Скоро, скоро будет тепло и наступит весна. Вес люди любят весну и с нетерпением ждут ее, а заключенные особенно. Когда тепло, солнечно, легче быть в заключении, хотя тоска по дому, по родному краю и несколько возрастает,

Прошли врачебную комиссию. Все так же вереницей подходили "зэки" к врачебному столу, все так же-быстро врачи прикладывали трубочку к области сердца, слушали легкие и, взглянув на общий вид стоящего перед ним человека, сообщали сидевшему рядом писцу условное обозначение категории, и он вписывал его в формуляр заключенного.

И вот опять обыск, конвой принимает этап, опять та же станция Мариинск, телячьи красные вагоны и путь... Куда? Это заключенным знать не полагалось. Одно было ясно: поскольку этап был большой и к тому же подобраны наиболее здоровые люди, — следовательно, везут на большое и важное строительство.

Все то же. Тот же паек сухой соленой рыбы, та же жажда воды, та же вонючая параша у двери.

И наконец этап прибыл. Вывели из вагонов. День стоял яркий, солнечный. Вблизи виднелся небольшой городок, а кругом горы, покрытые зеленым хвойным лесом. Этот городок — Тимертау. Этап прибыл в Горную Шорию, местность в Западной Сибири.

Заключенных ввели в карантинные большие бревенчатые бараки. Как обычно, санобработка. Потом повели всех в клуб. Высшее начальство, сидя в президиуме, выступало перед прибывшими с речами, из которых заключенные узнали, что они прибыли на строительство Горно-Шорской железной дороги, что, несмотря на то что они преступники, партия и Советское правительство доверяют им участвовать в одной из великий строек пятилетки и открывают путь к исправлению и искуплению своей вины. Представитель культурно-воспитательной части отметил, что начальство лагеря, сделает все для того, чтобы заключенные могли развиваться, удовлетворять свои культурные потребности, читать книги и газеты, посещать кино; создана особая агитбригада, она

будет устраивать вечера с музыкальным оформлением. Начальству были заданы вопросы. Большинство интересовалось питанием: сколько получают хлеба при выполнении и перевыполнении нормы.

— Не беспокойтесь и не волнуйтесь, — говорил начальник. — Мы постараемся сделать так, чтобы вы были сыты, только работайте. Вот здесь у нас, в Тимертау, лагерный пункт горняков, работают в шахтах, добывают железную руду. Здоровые, сильные, сытые; организовали свой духовой оркестр, такого даже в городе нет.

После этого собрания в клубе заключенные ободрились и особенно стремились прибыть на те лагерные пункты, на которых они должны работать.

Снова происходила врачебная комиссовка. Начальник санчасти — старый опытный врач, высокий седоватый старик, внимательно выслушал заявление Левы с просьбой предоставить ему работу в качестве фельдшера.

— У нас работники очень нужны, здесь вот рядом сангородок, лазарет, и мы тебя там устроим.

Он записал имя и фамилию Левы, возраст, статью, срок.

Прибывших выводили на работу в лес. Снег таял. Лева вместе с другими по колено в сыром снегу окапывали ели, валили их и пилили на дрова. Ноги были совершенно мокрые, в ботинках хлюпала вода. Кончая работу, Лева снимал ботинки и выжимал портянки, из которых при этом вода не капала, а лилась. Дома, казалось бы, простудиться можно было бы от этих сырых ног, а тут даже никакого вопроса не было. Приходя в барак, заключенные отдавали в сушилку свою мокрую обувь, портянки, мокрые рукавицы, а в столовую шли в чем придется.

Шли дни, а Леву на работу в лазарет не вызывали,

— Меня сегодня вызывали в этап, — сказал Петя Фомин. — Как жаль расставаться с тобой, но я думаю, тебе здесь будет все-таки лучше, в лазарете работа куда легче.

— Да, мне тоже очень жаль расставаться с тобой, — сказал Лева, — как хорошо было бы вместе быть. Но я думаю, что, работая фельдшером, буду куда полезнее, чем на простой физической работе.

— А ты знаешь, тетя Тереза находится в женской зоне, — сказал Петя. — Я недавно узнал об этом. Вот ей-то, наверное, туго придется. Здоровьем она совсем слабая, специальность у нее — преподаватель музыки. Боюсь, уж не пропадет ли она здесь!

— Все в руках Божьих, — уверенно сказал Лева. — Он силен сохранить самое слабое в самых трудных условиях.

— Да, — сказал Петя, — когда-то мы пели мужским хором, а она на фисгармонии играла: "Не бойтесь, братья-моряки, хоть будущность темна. Но вот уж видны маяки..." Тогда мы пели, а теперь — практика жизни. Прибежал работник учетно-распределительной части и стал выкликать назначенных на этап. Собирались с вещами, строились и шли к вахте; Солнце грело по-весеннему, снег таял.

— Хорошо, что дело к весне, — сказал Лева, идя с Петей и неся его чемодан.

— Для нас тогда весна будет, — сказал Петя, — когда освободят. Братья обнялись, поцеловались, обещали молиться друг за друга. Этапников обыскали, вывели за зону, где их принимал конвой.

В выходной день Лева пошел в лазарет. Как раз в это время из ближайшей колонны привезли мужчину крепкого телосложения; он неподвижно лежал на повозке. Вышла молодая врач-фельдшерица.

— Что случилось, что случилось? — спрашивала она.

— Не знаю, — отвечал возчик, — болел он, а потом вдруг потерял сознание. Никто не знает, что с ним. Лекпом сделал укол и велел везти к вам.

Больного положили на носилки и внесли в коридор приемного покоя. Лева помогал нести носилки.

— Ну, что с ним, что с ним? — волнуясь, спрашивала молодая врачиха. — На вопросы не отвечает, совсем без сознания. Что может тут быть?

— Может быть, по голове ударили, — предположил фельдшер. Но никаких признаков ушиба головы не было. Лева смотрел на искажившееся лицо больного, прислушался к его дыханию, и ему вспомнился случай уремиической комы, который он наблюдал у себя в палате в лазарете на Беломорском канале.

— Возможно, это уремия, — сказал Лева. — Возьмите мочу катетером и проверьте на белок.

Врач знала, что Лева поступает к ним работать как фельдшер, и согласилась с его предложением. Тут же взяли мочу, вскипятили в пробирке. Оказалось много белка. Диагноз был поставлен, было проведено соответствующее лечение, и больной пришел в себя.

Лева ушел в барак. "О, если дали бы, дали бы мне работать! — думал он. — Хотя я не врач и у меня не так много знаний, но я отдал бы всю душу, чтобы лечить больных, читал бы, развивался, у старых врачей перенял бы их знания, опыт и принес бы действительную пользу людям. И это было бы хорошо и с христианской, и с чисто гуманистической точек зрения. Но не дадут мне учиться, не дадут быть на свободе, поскольку я последователь Христа. Но ведь как гражданин, даже будучи заключенным, отверженным, я все же имею право на труд, на такой труд, который соответствует моим способностям и который будет ценен для лагеря".

Этап за этапом определенными, довольно значительными отрядами, так называемыми колоннами, отправляли из лагеря Темиртау заключенных на развернувшееся строительство Горно-Шорской железной дороги, которая уходила куда-то далеко в горы, к неизвестному Таштаголу.

Однажды утром на разводе начальник сказал Леве, чтобы он не выходил на работу в лес. Радостно стало на сердце у Левы:

"Значит, оформлен наряд на меня, — подумал он, — и теперь буду работать в лазарете".

Вернулся в барак. Старик-дневальный подметал пол.

— Ты что вернулся? — спросил он Леву.

— Сказали, чтобы сегодня не выходил на работу. Значит, пойду работать в лазарет по специальности.

— Это хорошо, — сказал старик и погладил свою бороду. — Ты здоровьем-то тоже не крепок, худой и к тяжелым работам неприспособленный, а в лазарете из тебя будет, конечно, толк. Глядишь, и я приду к тебе полечиться.

— Приходите, приходите, — улыбаясь, сказал Лева. Вошел нарядчик.

— Собирайся, Смирнский, с вещами.

— Куда? — спросил Лева.

— В этап. Ты что, набедокурил, что ли, здесь? Сейчас всех собирают в барак усиленного режима, а там пойдете особым конвоем.

Это известие было для Левы, как гром среди ясного неба.

— О, Господи, что же это такое? — внутренне молился он.

В этот барак усиленного режима собирали из разных колонн самые что ни на есть подонки лагеря. Это были воры, картежники, типичные уголовники и прочие, которые не хотели честно работать в лагере. В большинстве это была воровская молодежь, не знающая ничего святого.

Каждое слово своей речи они сопровождали утонченным матом. И вот — Лева среди этих людей. Привели еще партию из карцера. Ни у кого из них не было никаких вещей. Покормили в столовой и повели к вахте.

День стоял удивительно солнечный. Местами земля совсем освободилась от снега, журчали ручьи, в воздухе пахло особым запахом приближающейся весны. Голубое небо — и вдали чудные горы, зеленые, синие, сливающиеся в легкой дымке с небом. Как хороша, как прекрасна весна! Но Лева был словно под черным колпаком.

— Что это? — задавал он себе вопрос. — За что?..

К этапу подошел начальник санчасти. Он всегда был обязан присутствовать при отправке. Увидев Леву, махнул ему рукой. Лева подошел к этому седому, выдавшему виды врачу. Он с какой-то грустью посмотрел на Леву и сказал:

— Я хлопотал о вас, нам работники очень нужны, в колоннах совершенно не хватает фельдшеров, но получил отказ. Вас запрещают использовать на медработе. Какой-то вы странный преступник.

И тихо добавил:

— Но не унывайте. Тут на эту колонну назначен фельдшер, хотя и с уголовным прошлым, но неплохой парень.

Обыск. Партия вышла на зону. Окружили конвоем. Обычное предупреждение начальника конвоя: "Не отставать, не растягиваться! Шаг вперед, шаг влево будет считаться как попытка к побегу. Приказываю конвою открывать огонь без предупреждения".

Ввиду того, что этап состоял из самого отчаянного сброда, конвой был усиленный. Этап тронулся, завыли собаки, сопровождающие его.

Вначале идти было легко. Шли по укатанной дороге, по которой ходили автомашины.

По небу поползли белые облака. А в голове у Левы тоже ползали, застилая всякую радость, бесконечные мысли. Все теперь было ясно, и прав был тот инженер, товарищ по заключению, который говорил, что добиваться истины, правды — это только озлоблять следственные органы, вредить этим самому себе. Да, все попытки добиться правды не привели ни к чему. И вот теперь на него, видимо, написана специальная характеристика, и все пути, даже в заключении для него закрыты.

Открыта только одна дорога — страданий и медленной смерти в тяжелых условиях. "Да, они, конечно, желают только уничтожить меня, — думал он. — Им не нужны никакие мои способности, ни мой труд. А нужно одно — чтобы я ушел с лица земли".

Вечерело. Солнце спускалось. И, несмотря на то, что Лева шел, понурив голову, оно светило ему прямо в глаза.

Этап остановился. Около Левы сбоку был какой-то кустарник, и на нем почки были набухшие, вот-вот, кажется, и лопнут, зазеленеют. Лева коснулся их и потом поднес руку к лицу. Пахло чем-то душистым, на ладонях были следы клейкого сока. Все оживало, все будет жить. Весна. А ему нужно умирать — умирать медленно, но верно...

И он вспомнил мать, близких, семью, верующих. Кто знает, может быть, уже не придется встретиться. Он знал, что значат эти полуштрафные колонны, состоящие из неисправимых рецидивистов. Было тоскливо, ужасно, кажется, безнадежно.

Он стал молиться. Все рассказывать своему Отцу, своему лучшему другу Иисусу Христу. И вот, несмотря на то, что стало темнеть и этап погнали с поспешностью, чувствовалась усталость, а проходить пришлось каким-то болотом и ноги Левы совсем промокли в холодной воде, — на душе Левы становилось все светлее, радостнее. Он обращался к Богу, смотрел в небо, на облаках которого догорали краски вечерней зари, и верил, что с ним Иисус, и Он поможет перенести все испытания и сделает так, как лучше. Невидимые лучи любви Божьей с безграничных высот проникали в душу, озаряли ее особым, невидимым светом, и ему было хорошо. Он как будто перестал чувствовать усталость и то, что ноги его застывали от холодной сырости. Он всем сердцем ощущал любовь Божью и становился спокойнее: если умереть за Христа, то Он поможет, если же жить для Него, то Он поведет и прославится. "Да будет воля Твоя!" — шептал он.

Этап подошел к двум огромным бревенчатым баракам, огороженным колючей проволокой. Их никто не встретил. Эти бараки были, видимо, уже покинуты строителями и их использовали как место ночевки для этапов. В бараках было холодно, но эки быстро разожгли железные печи, и стало тепло.

На нарах места хватало всем. Это было счастье, так как пол был очень грязный от липкой, темной грязи, натасканной ногами со двора. Этапникам выдали порцию хлеба,

соленой рыбы. В бачках была холодная вода. Утром начальник конвоя обещал дать кипяток.

Коптили, мерцали две керосиновые лампы. Был полумрак. Лева искал кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, подружиться. Но кругом были воры, жулики, смотревшие на него с каким-то презрением.

"Хорошо, что вещи не со мною, — подумал Лева, — их везут отдельно на подводе, а то бы здесь от них не осталось и следа".

Он расположился на верхних нарах. Урки улеглись, не разуваясь, Лева же представить себе не мог, что он будет спать в сырых ботинках. Он снял их, отжал портянки, которые положил под себя. Теплый ватный бушлат не снял, а еще плотнее закутался в него. Ботинки поставил рядом, у головы. "Украдут", — думал он. А лишиться ботинок — это страшное дело. Ведь у конвоя запасных нет, а идти босиком — это больше, чем пытка. Он привязал концы шнурков ботинок к пальцам. Помолился, вспомнил 90-й псалом: "Живущий под покровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится". Говорит Господу: "Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!"

Он задремал, забылся. Вдруг что-то задергало палец. Он приподнялся, вскочил. Кто-то снизу пытался украсть ботинки. Опять улегся, опять задремал, заснул. И вот опять "клюет". Он вскочил, неизвестный исчез, ботинки остались целы. Под голову Лева их не мог положить, они были слишком грязные. Была еще попытка стащить эти ботинки, но воры, убедившись, что Лева каждый раз просыпается, оставили эти попытки, и к утру он спокойно заснул.

Утром напились горячего кипятка, согрелись, подкрепились выданной пайкой хлеба. Этап погнали дальше. Так шли несколько дней. Дорога стала неровной, гористой, местами ее размывала весенняя вода. Наконец добрались до колонии, где предстояло жить и трудиться. Это был новый участок. Новые бараки, кухня, баня. Сюда были предварительно, еще зимой, посланы строители, которые заранее все это и построили.

Этап разбили по бригадам. Начальник колонны сразу же провел совещание с бригадирами. Был день отдыха. Казалось, после этого должна начаться обычная для заключенных трудовая жизнь. Но тут началось нечто странное: люди не могли получить пайки хлеба. Бандиты нападали на несущих хлеб и отнимали его. А пайка — это самое кровное, это жизнь заключенного, без нее он не может работать, ни даже просто существовать. Тогда пытались выдавать хлеб у каптерки для всей бригады, но и там отчаянные урки отнимали его у слабых. В результате начальник колонны должен был сам стоять у хлебoreзки и по списку выдавать пайку хлеба каждому в руки.

Глава 13. Облегчение

"Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавились. Помощь наша — в имени Господа, сотворившего небо и землю".

Псал. 123, 6-8.

Вечером, когда люди возвращались с работы, они не столько страдали от сырых ног, сколько от голода. Дороги совсем размыло, и не было никакой возможности подвезти продукты. Начальство урезало паек, всячески экономило на полагающихся порциях. Появились первые быстро растущие зеленые травы, и заключенные набросились на них с особой жадностью, стараясь утолить свой голод. Не все травы одинаково съедобны, некоторые вызывали расстройство желудка, так что в зоне местами виднелись зеленые следы, как будто здесь паслись коровы.

Лева переживал не только муки голода. Его беспокоило долгое отсутствие писем от матери. От других он писем не ожидал. Не сразу узнают его адрес, не сразу соберутся написать, но мать, родная мама, он знал — как только она получит адрес, так в тот же

день напишет ему добрые любовные слова утешения и сообщит, как живет она, родные, близкие. Задержавшись же в Темиртау, он не сразу сообщил ей свой адрес, ожидая окончательного назначения. Теперь же почту от них взяли. Один конвоир горами понес ее для того, чтобы связаться с основной магистралью строительства и передать о тяжелом положении, создавшемся у них. Но когда придет весточка из дому? Было трудно ожидать ее скоро, и тут одно утешение и отраду Лева имел в молитве, в воспоминании дорогих стихов Библии. Сам Бог вселял в него добрую надежду, что дома все благополучно. А ведь Господь силен сохранить всех преданных Ему от всякого зла.

А природа, чудная природа Горной Шории благоухала в весеннем расцвете. Цвели травы, черемуха в лесах стояла нарядной невестой. Все жило. И солнце, нежное, теплое, ласковое, давало счастье всей земле.

А люди этой отрезанной половодьем колонны уже не выводились на работу. Это объяснялось просто тем, что не было возможности их кормить.

К Лева подошел лекпом. Это был средних лет бывалый жулик. Он отбывал не одно наказание и, лежа в лазаретах, в заключении, постепенно освоил медицинскую рецептуру, уход за больными, диагнозы заболеваний и, будучи способным человеком, прошел лагерные курсы лекпомов и неплохо умел оказывать первую помощь.

— Послушай-ка, Смирнский, я договорился с начальником колонны, чтобы ты у меня был санитаром. Начальник согласился. Идем.

Лева обрадовался. Это было для него большое облегчение. Работать санитаром, хотя это, может быть, не такой почетный труд, но добрый, и Лева несомненно знал, что тут он будет полезен, тем более что физически он настолько ослаб, что чувствовал, что совершенно не способен работать на лесоповале.

Амбулатория помещалась в одном из огромных бараков, в углу за деревянной загородкой. Эта загородка не достигала потолка на полметра.

— Знаешь что, — сказал лекпом, — я тут до этого все давал лекарства из сумки, боялся развертывать амбулаторию. Но начальство говорит — развертывай. Должна к нам, возможно, комиссия приехать.

— Да как они приедут? — спросил Лева. — Мы же отрезаны.

— Возможно, верхами, через горы.

— А почему вы не развертывали амбулатории? — поинтересовался Лева.

— Да тут у нас такой контингент, что сразу все у нас украдут. Вот теперь мы будем вдвоем. Если я куда уйду, то останешься ты сторожить. Ты пойдешь — я буду в амбулатории.

Лева и лекпом распаковывали ящики, установили шкафчики с медикаментами. В одном углу поставили кушетку, на ней со своей постелью расположился лекпом. Другая кушетка предназначалась для осмотра заболевших и была, кстати, местом, где мог спать ночью и Лева.

Лева благодарил Господа, что среди этой ночи неустройства наконец проглянул луч облегчения. Но, увы, облегчение это было довольно-таки своеобразно.

Вечером провели прием больных. Он был не труден, так как заключенных на работу не выводили, никто не требовал освобождения от работы. Приходили действительные больные, делались перевязки, выдавались порошки. Около амбулатории за дверями толпились люди.

— Кто кашляет, заходи! — объявил лекпом.

Заходили. Всем им Лева из одной бутылки наливал микстуры от кашля.

— Кто с животом, с поносом, заходи! — объявлял лекпом. Всем им Лева выдавал одинаковые порошки чего-то вяжущего.

— У кого голова болит, заходи! — возвещал лекпом.

У вошедших лекпом щупал голову рукой и говорил, кому необходимо поставить градусник. Лева ставил. Температуриющим давали аспирин.

После приема Лева и лекпом напился горячего кипятка, заваренного листьями распускающейся смородины. По просьбе лекпода листья эти принес из-за зоны конвоир, приходивший лечиться. С чаем доели крошки, которые остались от пайки хлеба.

— Ну, теперь на покой, — сказал лекпом.

Вот тут-то и началось. Как только они задремлют, лезут урки через загородку амбулатории. То и дело прерывался сон. А к утру, когда они уснули, урки все же залезли, но Лева, услышав шорох, проснулся, вскочил, закричал, а лекпом (он был здоровый мужчина) вытолкал их в шею, и украсть им ничего не удалось.

На вторую ночь повторилось то же самое. На третью разъяренные воры ночью запустили через загородку, как бомбу, горящую керосиновую лампу. К счастью, она, упав, потухла, а разлившийся керосин не вспыхнул. Урки рассчитывали, что во время пожара они растащат все медикаменты. Все они очень любили кофеин, снотворное и без конца умоляли лекпода дать им хотя бы порошок. Он, конечно, иногда потихоньку давал некоторым главным ворами — паханам (пожилой вор, который руководит другими), а они умиряли других, чтобы лекпода не только не обидели, но и не порезали.

Конвоир, ходивший горами, вернулся и сообщил, что высшее начальство предложило этой же тропой послать бригаду заключенных под конвоем за хлебом, чтобы они доставили его колонне. Местное начальство долго выбирало людей, кого послать. Надо было выбрать наиболее надежных, то есть таких, которые не сделали бы побег, идя среди леса, и в то же время добросовестно доставили хлеб. Отобрали в большинстве самых пожилых. Лекпом рекомендовал своего санитаря, как совершенно надежного человека. Из беседы с Левою он узнал, что Лева верующий и сидит за веру и, как объяснил ему Лева, стремится жить по Евангелию: не красть, не убивать, никого не обижать, делать только добро, а сверх того не ругаться, не курить и не пить спиртного. Все это показалось лекпому странным, но он смело рекомендовал начальству Леву, как самого надежного человека. Среди отобранных было несколько старых узбеков, которые попали в эту несчастную колонну, видимо, потому, что и в неволе чувствовали себя совершенно свободными, и как только наступал час их молитвы, тут для них не существовала никакая проверка, никакие оклики: становись, стройся! Они стелили свои тряпицы на нары или на землю и всецело предавались молитве Аллаху, и все окружающее для них переставало существовать. Конечно, это вызывало негодование властей, и их запекли в эту колонну вместе с ворами и рецидивистами.

Итак, Лева вместе с другими очутился в особом отряде, в задачу которого входило — доставить в колонну хлеб. Долго пробирались горами, устали. Добрались до той колонны, откуда должны были получать хлеб. Конвой предлагал взять и продукты, но заключенные не в силах были нести крупы, муку, а взяли лишь мешки с хлебом. Лева никогда не забудет эти круглые большие буханки ржаного душистого хлеба. Этот хлеб поступил только что из пекарни и так привлекал к себе. Погрузили в мешки, каждый мешок взвесили, завязали. Пришедшие за хлебом заключенные просили, чтобы им дали поесть, но им сказали, что как только они доставят хлеб по назначению, так получают и положенное за работу. Отошли немного, остановились в лесу на поляне. И вот — один развязал мешок, другой развязал мешок; отламывали кусочки хлеба и ели. Ни начальник конвоя, ни конвоиры не обращали на это внимания. То ли это дело их не касалось, то ли у них все-таки человеческие сердца, в которых теплилось сострадание, но только они молчали, видя, как заключенные ели хлеб.

Один только заключенный не развязал своего мешка. Он не взял также кусок, протянутый ему соседом, который отломил ему от хлеба из своего мешка. Это был Лева.

— Бери, не бойся, — говорил ему сосед. — Ведь этот хлеб, что мы съедим, просто сактируют и спишут, а нам ничего не будет. Мы ведь голодные.

— Это нечестно, — сказал Лева.

— Брось ты честность, — ответил сосед. — Нельзя идти по воде и не намочнуть.

— Ведь хлеб выдан из расчета количества людей у нас, — сказал Лева, — и если мы едим, то едим чужую пайку.

К вечеру они подошли к своей колонне. Лева страшно устал, он едва волочил ноги и с трудом держал мешок с хлебом. К нему подошел старый высокий узбек, положил на его плечо руку и громко, обращаясь ко всем, сказал:

— Это человек!

Больше узбек ничего не сказал, но эти слова старика были лучшей наградой Леве за его страдания...

Всем выдали большие пайки хлеба, как потрудившимся на переноске мешков. Не будем описывать, с каким аппетитом ел Лева этот хлеб. Всякий, кто переживал голод, поймет это, а кто не переживал, тот и при подробном описании не поймет. "Сытый голодного не разумеет", — говорит пословица.

Вечером лекпом сказал Леве приятную новость: начальство разрешило завтра перевести амбулаторию в сушилку. Это была небольшая бревенчатая постройка, расположенная вдали от бараков у зоны. Лекпом и Лева быстро упаковали все в ящики, а сами легли на них.

Урки, видя в щели в загородке, что все убрано, не атаковали их в эту ночь, и они оба проспали спокойно.

На следующий день Лева особенно благодарил Всевышнего, что все устраивается к лучшему. Им дали подсобных рабочих, пилы, топоры, доски. Они прорезали в сушилке окно, установили шкафы, топчан для приема, а часть помещения отгородили досками, чтобы там помещаться самим. Это был просто один топчан и большая полка над ним, отгороженные досками. Топчан был предназначен для лекпома, а на полке мог спать Лева.

Вечером провели прием. Лева чувствовал себя очень усталым, лекпом уселся у стола, освещенного керосиновой лампой, составлять списки больных. Лева забрался на свою полку, помолился и быстро заснул. Но так же быстро, как он уснул, внезапно проснулся. Ему послышалось, что кто-то шевелится в амбулатории, молнией мелькнула мысль: перелезли, грабят амбулаторию (он совсем забыл, что находится в новом помещении). Лева стрелой прыгнул с полки, бросился с криком: "Держи, держи, лови!" — схватил лекпома, как грабителя.

— Что ты, с ума сошел! Право, с ума сошел! — воскликнул испуганный лекпом.

Лева словно очнулся.

— А я подумал, мы в старой амбулатории и нас грабят, — сказал он, виновато улыбаясь.

— Это все от переутомления, нервы не выдерживают, — заметил лекпом. — Айда спать, я тоже устал.

Он потушил лампу, и они спокойно уснули в своем убежище, бывшей сушилке.

Дела налаживались. Доставили крупу, масло, появился горячий приварок. Люди стали питаться нормально. Кухню возглавлял старый вор Миша. Это был худощавый, очень нервный человек с седеющей бородой. Он сам лично наливал каждому в миску его порцию, и если кто-нибудь пытался "закосить" лишнюю порцию, он прямо бил его черпаком по голове. Мелкие воры его боялись, а старые "паханы" с ним дружили.

Приехала комиссия высшего начальства. Они осмотрели все, сделали свои заключения, вошли в амбулаторию.

— Вот мы были на трассе, — сказал один из них, — и заметили, что, как нигде, ваши люди едят много зеленой травы.

— Это они инстинктивно чувствуют, что там витамины, — сказал лекпом.

Лева ничего не сказал, а про себя подумал: "С голоду это все, люди поистощали и никак не могут досыта насытиться".

Был пасмурный день, что весной бывает редко, но в сущности весна уже кончалась, начиналось лето. Но для Левы этот день был необыкновенно солнечным. Солнечным не потому, что приехала агитбригада, заключенные артисты и музыканты, да не подумает

кто-либо, что Леву не интересовали постановки, пение артистов, игра музыкантов. Лева любил искусство, но искусство мира ему не по душе. Причина подобного солнечного настроения Левы сводилась к тому, что среди музыкантов был молодой скрипач, молодой мужчина с каким-то светлым, ясным взглядом темных глаз. Он пришел в амбулаторию, посмотрел на Леву и спросил:

– Вы Смирнский?

– Да.

– Идемте, мне нужно поговорить с вами.

Они вышли. Лева слышал уже о составе прибывшей агитбригады, слышал также и об этом скрипаче. Говорили, что он арестован в Москве и является известным скрипачом Большого театра.

Они пошли к задней стороне бараков. Остановились. Незнакомец улыбнулся, и в этой улыбке Лева почувствовал что-то родное, необыкновенно близкое. Сердце его радостно и тревожно забило: что он скажет?

– Я брат ваш Жора! — и он бросился целовать Леву. Из глаз Левы полились слезы. Так давно он не видел ни близких, ни родных по вере. И вот теперь встретились.

– Как вы узнали обо мне? — спросил Лева.

– Когда нас привезли этапом из Москвы, — сказал Жора, — а с нами приехала сестра Шалье и другие, — мы молились, чтобы Господь устроил нас к славе Своей. Сестра Шалье устроилась в бухгалтерии по специальности, а мне предложили работать в агитбригаде. Я долго колебался, как быть; ведь, скажу вам, дорогой брат, моя специальность — скрипач, я работал в Большом театре Москвы, но душа моя была не в театре, и когда туда приходили верующие, например, на "Кармен", я всегда спрашивал их: "Зачем вы пришли сюда?" И вот, попав в заключение вместе с другими нашими верующими, я думал, что освобожусь от всяких светских мелодий и постановок. Но когда мне сказали, что агитбригада будет посещать все строительство, все колонны, я подумал, что этим путем я буду посещать везде братьев, и это будет служение Господу.

– Да, это так! — воскликнул Лева. — Вас сам Господь сюда прислал. Я так истосковался по родным...

– А нашел я вас так, — сказал Жора. — Мне Петя Фомин сказал, что оставили вас, чтобы устроить в госпитале. Там вас не оказалось, и вот я искал по спискам и нашел, что вас отправили сюда.

Лева как-то сразу полюбил брата и расположился к нему.

– Не будем называть друг друга на "вы", — предложил Лева. — Наше обычное "ты" как-то роднее, ближе.

– Да, да, — согласился Жора и обнял Леву. — Давайте присядем здесь на бревне, пока есть время.

Братья сели, и в тихой беседе эти впервые встретившиеся люди говорили друг с другом близко, сердечно, с полуслова понимая друг друга. Только кровь Христа, только родство по Евангелию делает людей истинно родными, настоящими братьями.

Жора рассказал о переживаниях в Москве, о полном разрушении Союза баптистов, о том, что и тех, кто бодрствует, стоит в вере, выслеживают и арестовывают.

Лева рассказывал о своих переживаниях, о тех арестах, которые произошли в Самаре.

– Да, я перед арестом имел точные сведения, — сказал Жора, — что по всей нашей стране льются слезы матерей, жен, детей, отцы которых находятся за слово Божие в тюрьмах. После убийства Кирова всюду, в каждом городе или селе, где были бодрствующие верующие, они были взяты, арестованы.

– Арестовывают не только верующих, — сказал Лева, — но и всех, кто является чем-нибудь подозрительным.

– Но я хочу сказать тебе нечто приятное. Я написал своей жене письмо и передал на волю, чтобы она пришла ко мне на свидание и привезла Библию, и уже получил ответ, что она приедет и привезет просимое. Вот будет счастье — иметь в этих условиях Библию!

— О, это великое дело! — воскликнул Лева.

— Вот тогда, — заметил Жора, — я буду ездить везде в агитбригаде и не просто встречаться с братьями, но и угощать их Словом Божьим.

— Это замечательно, замечательно! — сказал Лева.

Леву позвали в амбулаторию, и на этом их первая встреча закончилась.

— Танцуй, танцуй! — сказал лекпом. — Иначе не дам!

— Я совсем никогда не танцевал и танцевать не буду, — ответил Лева.

— Ну ладно, если ты не танцующий, так дам тебе. Вот тебе два письма, получай.

Это была еще одна причина, по которой этот пасмурный день сделался для Левы солнечным. Писала ему мать. Сколько нежной заботы, любви было вложено в каждую строчку материнского письма. Лева читал и перечитывал дорогие строки, и вся его душа была там, в родном городе, где о нем помнили, о нем молились.

Мать о верующих почти ничего не писала, только называла имена самых близких. Лева понимал, что после их ареста многие из-за страха, из осторожности, стали еще более малообщительными друг с другом и всячески прятали свою веру от взоров других. Упрекать ли их в том, что многие неспособны были пойти на страдания?

Лева знал, что в беседах, в проповедях как в годы расцвета духовной жизни, так и когда начались притеснения, гонения, мало говорилось о том, что христианин — ученик Христа — должен выше семьи и всего, выше самого себя поставить Христа, нести свой крест и отречься от всего, что имеет. И многие оказались неспособными страдать и замкнулись в гнезде своей семьи. Лева невольно вспомнил некрасовское:

"Эти души кроткие смутились, и как птицы в бурю притаились в ожидании света и тепла..."

Но он знал, что есть не только притаившиеся, скрывшиеся в ущелье упования на Господа, — есть и такие, которые отступают, уходят в мир.

И о них скорбело сердце его. Он держал, как великую драгоценность, в руках письма матери и знал: вряд ли от кого-нибудь он получит весточку еще. Разве отец напишет или дядя Петя. Это не вызвало ни горечи, ни укора тем близким из молодежи, с которыми некогда были друзьями. Он знал, что как в естественном, так и в духовном мире все происходит закономерно, и то, что возвестил Христос, не может не сбыться. Увеличилась сумма беззакония, и во многих охладела любовь... х

Агитбригада провела в этой колонне несколько дней, и Лева имел еще несколько встреч и бесед с братом Жорой.

Бежали дни, недели, настало лето, приближалась осень. Лева аккуратно получал письма от матери и писал ей. Получил от нее также несколько посылок. В них, кроме вкусного, были медицинские книги, а также листки из духовных журналов, в них мать завертывала продукты. Лева складывал эти листочки и был рад духовным статьям. Особенно радовало его, что мать прислала несколько медицинских книг, которые он просил. Каждую свободную минуту он читал и изучал их и, всячески помогая лекпому, пытался улучшить медицинское обслуживание лагерных больных, следил за чистотой в бараках, за дезинфекцией одежды.

Начальник колонны относился к нему хорошо, и лекпом всячески хвалил ему своего санитаря.

Как-то однажды вечером лекпом сказал Леве:

— А ты знаешь, про тебя тут оперуполномоченный спрашивал, не занимаешься ли ты религиозной агитацией, не вербуешь ли кого? А я глаза вытаращил, не будь глупый, и говорю: "А разве он верующий?" А уполномоченный говорит: "Ты не заметил?" Я ответил: "Не заметил, вроде он хороший парень". Он же предупредил: "Смотри, берегись его". В общем, я не выдал, что ты верующий и что я знаю об этом.

После этого разговора Леве стало как-то не по себе.

"В самом деле, — думал он, — что это я живу и никому не свидетельствую о Христе?" Но свидетельствовать не было никакой силы. Его состояние, так же как и

состояние многих-многих верующих, находившихся в заключении, можно было выразить стихом одного из псалмов: "Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; и скорбь моя подвигалась" (Пс. 38, 3).

Приехал начальник санчасти Горно-Шорского строительства, он комиссовал больных и ослабших. Увидев Леву, улыбнулся:

– Ну, как, жив? Не пропал?

– Не пропал, — сказал Лева, улыбаясь, — Слава Богу!

– А работники-то мне как нужны! — сказал начальник санчасти. — И что они не разрешают использовать тебя фельдшером? Ведешь ты себя хорошо. Ну, ничего, все устроится, — сказал он и ободряюще кивнул Левае головой.

Начальник уехал. Прошло еще несколько недель. И вдруг прибежал посыльный из УРЧ и сказал, чтобы Лева срочно собирался в этап.

— Господи, что ждет меня? — всполошился Лева. — Опять какие-нибудь мытарства по местам, куда Макар телят не гоняет, или еще что хуже? — Он так привык уже к ударам жизни, что хотя и придерживался по-прежнему своего принципа: "Будь готов, всегда готов, ко всему готов", но это, судя по всему, означало усугубление этих ударов.

Пришел в УРЧ.

– Вы едете в Темиртау, в рудник.

– Это там, где железную руду добывают? — спросил Лева. — Где шахты под землей?

– Да, туда.

Глава 14. Ласки жизни

"Суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом".

Притч. 30, 8.

Вместе с некоторыми другими заключенными Леву направили специальным этапом. Куда, как — заключенные не знали. Только лишь пытались догадываться.

— Я хороший слесарь, — говорил один, — вероятно, меня туда, в мастерские.

— А я бухгалтер, — говорил другой. — Сколько заявлений написал, чтобы меня использовали по специальности. Вероятно, в управлении буду работать.

Лева ничего не говорил. Он уже перестал надеяться на хорошее и не писал заявлений, чтобы его использовали по специальности; он только тайно, в душе, просил Господа, чтобы Он дал ему возможность работать как милосердному самарянину и быть более и более полезным страдающим больным людям.

Он знал также, что его мать и отец и близкие каждый день молятся о нем, чтобы ему было легче в заключении.

Прибыли в главный лагерь, где Лева уже был. Там ему сказали, что он назначается фельдшером в лагерьный пункт горняков. Это уже был не удар жизни, а некоторое подобие ласки. Что-то прояснилось. Его вызвали к начальнику санчасти, и тот сказал ему, что он займет место фельдшера, который только что освободился по окончании срока.

Контингент заключенных на вашем участке здоровый, работать вам будет легко. Старайтесь больше налаживать санитарию, чтобы везде была чистота, чтобы нигде не было ни одной вши.

– Постараюсь, сделаю все, что смогу, — сказал Лева.

Когда его привели в эту колонну горняков, расположенную на склоне одного из холмов, был выходной день. Горняки, все чисто одетые, сытые, здоровые, гуляли, сидели между бараков. Раздались звуки духового оркестра. Около клуба играл большой оркестр из заключенных. Эти сильные звуки, бодряя музыка словно побуждали заключенных забыть о неволе, свободно вздохнуть грудью, думать о хорошем.

Медсанчасть занимала часть большого бревенчатого барака. Проводил Леву туда так называемый "зам по быту". Перед ним открылся коридор — чисто выбеленный, слева была большая дверь и надпись "амбулатория", следующая дверь — стационар, справа отдельная комната для фельдшера, кладовая, комната для санитарки. Помещение было большое, светлое.

— Господи, благодарю тебя за любовь, за то, что Ты слышишь молитвы! — внутренне произнес Лева.

Он оставил вещи в комнате, а "пом по быту" повел его по лагерю — показывать бараки, кухню, сушилки и прочее.

Везде красовались плакаты, призывавшие к труду. Особенно крупно на каждом бараке выделялись изречения И. В. Сталина:

"Труд в СССР — дело чести, дело доблести, дело геройства".

— Лагпункт у нас работает хорошо, — объяснил Лева "пом по быту". — Лодырей, доходяг у нас нет. Горняки выполняют и перевыполняют нормы, питание у нас отличное. Мы создаем для них лучшие условия. Лучшие продукты, которые поступают на строительство, в первую очередь к нам.

На кухне был полный порядок. Лева давно не видал такой чистоты. Для того чтобы улучшить обслуживание горняков, администрация часть заключенных женщин направила в "хозобслужу", и они работали в прачечной, на кухне и в столовой, а также в санчасти. Мыли полы и выполняли различные хозяйственные поручения, чинили одежду.

Санитарка, работавшая в медсанчасти, была лагерной женой заключенного из УРЧ управления Горно-Шорского лагеря. Этот заключенный, в прошлом большой начальник, пользовался большим уважением у начальства лагеря и после работы, как расконвоированный, имел право выходить из лагеря без конвоя. После работы он приходил ночевать к своей жене, а она заботилась о нем, готовила еду. В общем, они создавали себе даже в заключении какой-то минимальный уют.

Началась трудовая жизнь Левы, как фельдшера лагпункта. Вставал он очень рано, снимал пробу на кухне, потом принимал тех, кто за ночь успел заболеть.

Когда раздавался удар о рельс, возвещающий развод, он выходил к вахте и присутствовал при разводе. Затем, когда проводилась проверка оставшихся в лагере, он ходил вместе с надзирателями и со списком больных помогал выявлять тех, которые по каким-либо причинам, будучи неосвобожденными, тем не менее на работу не вышли. Далее Лева завтракал, делал обход больных в стационаре, перевязки, писал истории болезни, потом обходил бараки, заставлял дневальных лучше убирать, шел на кухню, в столовую, проверял там чистоту, иногда приходил начальник колонны и вместе с начальником конвоя брали Леву на производство в шахты. Разрабатывалась одна из гор, содержащих горную руду, причем это делалось не совсем обычным способом. У подножья горы были сделаны горизонтальные шахты, а потом сверху, со склона горы бурили, пробивали к этим шахтам вертикальные и через них спускали руду в горизонтальные шахты; из них ее увозили в вагонетках. Бывали и несчастные случаи, и хотя была разработана техника безопасности, но в обязанности Левы входило также наблюдение за этого рода техникой и проверка причин каждого несчастного случая.

Вся эта работа интересовала Леву. Он чувствовал, что получил желаемое, старался проводить перевязки по всем правилам асептики, проводил беседы с горняками о профилактике травматизма. Все, кажется, шло хорошо. Одно мучило в работе Леву — это бесконечные просьбы отдельных горняков об освобождении их от работы.

Работа была действительно очень тяжелой, и каждый был очень рад лишнему дню отдохнуть.

— Ты дай мне, дай мне освобождение, — шептал на ухо Лева здоровенный парень, — и я тебя вознагражу.

— Никаких мне вознаграждений не надо, — резко отвечал Лева. — Когда заболеешь, получишь освобождение.

Но все-таки Лева был сострадательн. Конечно, он не давал никогда освобождения здоровым, но если ушиб, если растяжение связок, порез, есть причина дать, то он давал со спокойной душой, пока полностью не восстанавливалась функция конечностей или не заживала рана.

Прошло несколько месяцев. Начальник лагеря иногда, просматривая списки освобожденных, хмурился:

– Что-то у тебя много освобожденных, смотри, смотри...

– Я освобождаю, как должно, — отвечал Лева.

И вдруг нагрянула комиссия. Возглавляли ее представители из управления и начальник санчасти. Вызвали по списку всех освобожденных от работы и стали тщательно проверять. Начальник санчасти записывал диагноз каждого и делал свои замечания. Составили протокол обследования освобожденных, из него было выяснено, что многим Лева дал освобождение неправильно, они должны быть на работе.

Лева оправдывался, говорил, что рана еще не зажила, что есть ушиб или вчера у человека была температура, а сегодня она спала.

— Вы подходите очень мягко, — сказал начальник медсанчасти, — так не годится. Вы хорошо лечите людей, но освобождать по всяким пустякам — это преступление. Предупреждаю, чтобы больше этого не повторялось.

Лева молчал. Он понимал, что и сам начальник санчасти не свободен в своих действиях, и все начальство, которое в комиссии, требует только одного — чтобы как можно меньше было освобожденных от работы, и наоборот — чтобы больше "зэков" было на производстве. Чтобы не только выполняли, но и перевыполняли план.

Лева продолжал работать, но с освобождением от работ он поневоле стал жестче. Получалось какое-то раздражающее противоречие.

Были два мерила: с одной стороны, его совесть подсказывала, что человека нужно освободить, но когда он смотрел на болезнь глазами комиссии, он понимал, что его нужно послать на работу, и отказывал в освобождении, а сам мучился.

Эта суета с утра до вечера как-то пылью ложилась на душу. Получалось какое-то раздвоение. Налицо была сытая, спокойная жизнь, а между тем Лева чувствовал, что нет уже такой близости к Богу. У него словно открылись глаза, и он уразумел, что нет уже таких горячих молитв, какие были раньше. Кругом была обычная жизнь грешников: ругань, курение, ложь, смрад. Он не участвует в этом, молчит. Ни один человек здесь не знает, что он христианин, верующий. Он желал встретить здесь, в лагпункте, хотя бы одного человека, с которым можно было бы поделиться своими мыслями и мечтами. Но обещания не было никакого. Хотя бы агитбригада приехала, — думал он, надеясь поскорее увидеть Жору, но агитбригада разъезжала по более неблагополучным местам, по всей трассе, где развернулось самое горячее строительство железной дороги.

Наступала осень, холод, посыпал снег. Настала и зима. Лева каждое утро молился, выбирая золотой текст по памяти, записывал его. В суете дня, однако, он мало размышлял о нем. Чувствовал, что как-то застывает: и с людьми в обращении, и даже с больными он часто был резок и даже груб.

Как-то вечером, окончив прием, он сел в амбулатории, опустил голову и задумался: "Боже мой! Боже мой! Какой я милосердный самарянин, что от меня осталось. Стараюсь быть справедливым и в то же время поступаю не по совести в деле освобождения больных. Кругом столько грязи, греха всякого, а я молчу, не обличаю, живу в мире и веду себя как мирской, и никто не знает, что я верующий. Кругом люди гибнут, гибнут, а я ни одному человеку даже на ухо, осторожно, не сказал о Спасителе..."

Сознания своего охлаждения, падения охватывало душу Левы, ему стало мучительно стыдно и больно за себя, и он не выдержал — зарыдал, зарыдал, как ребенок...

Пришел из управления муж его санитарки, услышал плач в амбулатории, приоткрыл дверь, увидел плачущего Леву и закрыл дверь.

После он говорил слевой, всячески успокаивал его, думая, что он плачет, тоскуя о воле, о родных. Но не о родных и не о воле плакал Лева. Он плакал о том утраченном, прекрасном, пламенном, что горело когда-то в его душе, а сейчас лишь чуть тлело, вспыхивая как коптящий луч луны...

"Да, — думал Лева, — как верно писал Всеволод Иванович Петров в своей статье: "Ласки и удары жизни". Действительно, когда мы получаем удары судьбы, испытания, тяжести, голод, сильную скорбь, то небо ближе, ярче звезды, а когда сыты, спокойная жизнь, даже в заключении, и все словно улыбается, и жизнь проявляет свои ласки, в нас гаснет огонь. И он вспомнил чудные слова из книги Иова: "Человек рождается на страдание, чтобы, как искры, устремляться вверх". И он молился: Испытай меня, Боже, и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный". Молитва возвращала ему силы, он опять прибегал к силе Всевышнего, чтобы быть лучше, чище, и становился добрее к больным, более чутким — к окружающим.

...И вот, наконец, приехала агитбригада. Для Левы это был праздник. Члены бригады заняли другую часть барака, за стеной от медсанчасти, и Лева через стенку слышал, как пели артисты. "Накачивай, заворачивай, если нас возьмут за жабры — все закачивай..."

Не только само пение, но и содержание репетируемых выступлений ложилось тяжестью на душу у Левы. Их попытка воспеть труд и вместе с тем обнаружить пороки преступников — воровство, ругань, подхалимство — в основе, казалось бы, имели благую цель, но эти средства оказывались не в состоянии изменить греховную природу человека, да и сами артисты, намеревавшиеся повлиять на заключенных, переродить их — сами были грешниками, нечестивцами.

Леву радовало то, что с этой агитбригадой приехал брат Жора. Поздно вечером, когда Лева кончил прием, а агитбригада — свои выступления, оба брата тихо беседовали между собою.

— Я давно хотел попасть к тебе, — говорил Жора, — но мы были в других колоннах. Нашу бригаду не направляли к вам, так как считали, что это наиболее благополучный участок в трудовом и моральном отношении. А теперь, слава Богу! Увиделись. Как ты живешь?

Лева грустно покачал головой.

— Все, кажется, хорошо, — сказал он. — И с работой устроен, и санитарное состояние стремлюсь поддержать на должном уровне, а за лечение больных меня даже хвалят, но настоящей радости нет. Ведь никому не свидетельствую о Христе, нет ни одного близкого человека по вере, с кем можно было бы отвести душу. Кажется, еще Достоевский писал, что тюрьма — каторга особенно страшна тем, что находишься среди людей, совершенно чуждых духовной жизни. Вот это испытываю и я.

— У меня положение полегче, — сказал Жора. — Хотя среда актеров-музыкантов, среди которых я живу, на очень низком уровне... Многие попали сюда за секс, за половые преступления, их пища — бесконечные грязные анекдоты. Но меня радует — знаешь что?

Лева посмотрел на сверкающие неподдельной радостью темные глаза Жоры и сказал:

— Догадываюсь, ты, вероятно, получил Библию при свидании с женой?

— Да, да, ты угадал. Какое счастье! Она со мной. Конечно, открыто ее читать не приходится. Я делаю так: когда все лягут спать, закутываюсь одеялом с головой, оставляю только маленькую щелочку для света. И вот этот падающий свет дает мне возможность читать Библию под одеялом. И все же я скажу тебе, что все знают, что я верующий. Я и не скрываю. Но с Библией приходится быть осторожным, чтобы не отобрали. Кроме того, у меня еще другая большая радость, а именно: где бы мы ни были, всюду посещают братьев, делимся письмами, переживаниями, вместе молимся. Однако у меня есть свои трудности. Все-таки тяжело, очень тяжело играть на скрипке все эти мирские, подчас пошлые мотивы. Как хотелось бы своим талантом прославлять Господа! И в Москве я мечтал, что наступит время, и я смогу не участвовать более в Большом театре в представлении оперы "Кармен", а играть чудные мотивы на призывных собраниях для спасения грешников.

Иногда думается: лучше взять кувалду и долбить скалу, чем держать смычок, уметь искусно играть и — не славить Господа.

— О, дай Бог, — сказал Лева, — чтобы наступило время, когда все свои способности и знания мы сможем отдать на светлое, лучшее, вечное...

— Это время должно прийти, — сказал Жора. — Я в одной из колонн встретил писателя нашего братства Михаила Даниловича Тимошенко. Он отбывает срок за сроком, теперь уже седой старик, но все еще полон веры в великое грядущее дела Божия в нашей стране.

— Я слышал о нем, читал его произведения, но никогда не встречал его, — сказал Лева.

— О, это замечательный брат! — воскликнул Жора. — Он идет за Христом неуклонно, был гоним за веру еще в царское время, и теперь его гонят.

— А я слышал, что он вполне лоялен к Советской власти и, основываясь на слове Божиим, стоит против капитализма.

— Это так, — подтвердил Лева. — Но он неустанно проповедует Христа. Ведь вот и в лагере — он уже кончил срок, но через него обратились несколько душ, и ему за "сворачивание" дали опять новый срок.

— Расскажи мне про других наших близких, — попросил Лева.

— Все бодрствуют. Сестра Шалье — бухгалтер в главном управлении, ваша сестра Тереза Кливер сначала была в трудном положении, здоровье у нее слабое. Но потом врач-хирург центрального лазарета взял ее в санитарки, она прошла курсы и теперь работает медсестрой. Петя Фомин на тяжелых работах, копает землю, но ничего, бодрый, веселый. Лишь некоторые наши братья устроились по специальности, например, сызранский пресвитер — портным, но большинство в бригадах, на самых тяжелых работах. У некоторых здоровье слабое; конечно, каждый старается поддержать другого. Братья делятся посылками, пайками хлеба, но все же физически некоторые тают.

— А как ты думаешь, — спросил Лева, — много братьев на строительстве этой Горно-Шорской дороги?

Жора неопределенно развел рукой: "Много, не пересчитаешь".

— А сколько их во всем Сиблаге? А сколько их во всех тюрьмах, лагерях, ссылках нашей огромной страны? Кто может вести эту статистику?

— Эта статистика ведется у Бога, — сказал Жора. — Есть Книга жизни, в которой кровью Иисуса записаны все наши имена. Там отмечены все страдальцы, которые в наше время несут на Голгофу крест Христа.

— Да, это так, — согласился Лева. — Один только Бог знает имена всех гонимых за слово Божие.

— Да еще мать — сыра земля, как говорится, ведает, сколько погребено изгнанников, почивших в узах, чьи души отнесены, как душа Лазаря, на лоно Авраамово.

— А ты, Лева, не боишься вот так умереть на чужбине, и могила твоя будет никому не известна, забыта...

— Нисколько, — спокойно сказал Лева. — Я знаю, страдаю за Христа, за мной нет ничего плохого, а умереть за Христа — это приобретение для нас, как и Павел говорил: "Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение".

Пребывание Жоры в том лагунке, где находился Лева было очень коротким, но для Левы оно было сопряжено с большой радостью. Жора давал читать ему свою Библию, и Лева читал ее, и даже не просто читал, а словно пил, наслаждаясь дивными потоками живой воды. Он утолял жажду, как утоляет ее путник в безводной пустыне, неожиданно повстречав ручей.

Вскоре агитбригада уехала. Опять потянулись для Левы такие же тусклые дни. На лагунке пришел этап, состоявший из воровского люда. Жизнь сразу осложнилась: начались воровство, невыходы на работу. Люди приходили на прием к Лева и, симулируя всевозможные заболевания, требовали освобождения. Урки явно работать не хотели.

— Ты дашь мне освобождение или нет? — сжимая кулаки, говорил здоровенный детина, весь покрытый татуировкой.

— Если заболеешь, непременно дам.

— А разве я не больной? Видишь, рука не поднимается.

Лева внимательно осматривал руку, на предплечье была изображена голая женщина, а на плече надпись: "Нет в жизни счастья".

Никаких признаков заболевания не было, но парень не владел рукой, она висела у него, как плеть. Лева садился за стол и как бы неловким движением сбрасывал со стола листок бумаги.

— Эй, дружище, подними, — кричал он.

"Дружище", забыв, что у него рука не владеет, спешил поднять доктору бумажку и пользовался при этом якобы не работающей рукой.

— Ну вот, видишь, — с укором говорил Лева, — работает она у тебя. Меня провести трудно, не первый срок сижу, знаю всякие уловки: и как нагонять температуру, как искусственные язвы устраивать. Вот поработай, если не очень устанешь, то приходи, скажи по-честному. Дадим денек отдохнуть.

Урка уходил, на смену ему приходил другой, кричал, требовал. Некоторые обещали порезать, разгромить амбулаторию, не уходили с приема, мешая принимать других. Все это давило, взвинчивало нервы Левы, а ему так хотелось быть спокойным, справедливым, честным.

Вечерами, закончив работу, он особенно просил своего Небесного Отца дать ему мудрости, как ему общаться с этими людьми воровского мира. Большинство из них его скоро поняли, перестали угрожать, перестали шуметь в амбулатории и вынуждать его, чтобы он во что бы то ни стало дал освобождение от работы. Но были все же и такие, которые никак не хотели или даже не могли понять те добрые слова, с которыми к ним обращался Лева. Тогда Лева вызывал санитарку и говорил ей: "Иди, мой пол". Это было условное обозначение. Она шла на вахту и говорила, что в амбулатории бушуют. Приходили надзиратели, успокаивали и уводили мешавших приему.

Наступала зима. Снега, морозы. Незаметно подошел Новый год. По обыкновению, как и дома в лучшие годы, Лева встретил его в двенадцать часов в молитве перед Богом. Он благодарил Его, что Он удостоил его весь 1935 год быть узником ради имени Его. Он благодарил за Его искупительную жертву.

Молясь, он особенно ощущал великое значение крови Христа, которая омывала всякий грех и освобождала от той пыли, грязи, которая ложилась на душу в той обстановке, в которой жил Лева. Молитвенно встречая наступающий год, он не просил свободы себе, он понимал, что настало время, когда все желающие жить благочестиво, во Христе, будут гонимы. Он просил сил пройти наступающий год так, чтобы он не был бесполезен и чтобы в нем Лева удалось принести наибольшую пользу больным, страдающим людям.

Он аккуратно переписывался с мамой и в первые дни нового года написал домой большое письмо.

Приводим его целиком.

"4 янв. 1936 г. Темиртау.

Мир Вам! Дорогие, любимые, всегда верные мама и папа!

Приветствую Вас в новом 1936 году той новой жизнью, которая дана нам от Него, чтобы нам быть всегда новою тварью, ибо древнее прошло, теперь все новое. Не знаю, находится ли папа у вас или уже уехал, я пишу письмо вам обоим.

Вот прошел год. Не знаю, много ли хорошего было в нем у Вас, но я доволен и благодарю Бога за все благословения, которыми он посещал меня. Конечно, лучше было бы этот год учиться в институте и быть нам всем вместе, но, видимо, в Его очах это не лучше, и Он дал другое. Этот год заключения прошел, но стремления, надежды те же.

Кажется, безнадежно мечтать об учебе, о жизни творчества, научной деятельности, но — "надежда юношей питает, отраду старцам подает". Хотя у нас нет никаких возможностей, но нет оснований сомневаться, ибо с нами Он, для Которого нет ничего невозможного.

Лучшими часами в прошлом году были, когда я размышлял об истине и разрабатывал те или иные улучшения в лечебном деле. Возможностей мало, но я более познакомился с внутренними болезнями и различными видами дезинфекции. Были недочеты, верю, что Искупитель мой жив и Он делает снега белее. Ласки жизни хуже для меня, нежели ее удары. Как хочется быть в этом году победителем над собой, владеть своим временем, чтобы ни одна минута не была прожита даром.

Чтобы все было использовано для учения, для труда. Прошу продолжать молиться обо мне. Он верен.

Погода у нас изменчивая: ветер с севера, а с ним мороз и холод сибирский, ветер с юга, и с ним потепление, буран, вьюга. Вообще же морозных дней было сравнительно мало, я их не чувствовал почти, находясь больше в помещении. Не мерзнете ли вы в доме? Хорошо ли греет отремонтированная при мне печка, не требует ли она ремонта опять? Как твое здоровье, дорогая мама? Осень, как вы писали, занимались заготовками, хотелось бы пожелать, чтобы в этом году у тебя, мама, было больше ясных дней общения с семейными и была радость, к которой мы призваны. Обо мне печалиться не следует, я думаю, что ты уже привыкла к непогоде и легко перенесешь, если еще встретятся пасмурные дни.

Очень благодарю тебя за твои дорогие письма. В минуты, когда вспоминаю волю, просматриваю их и особенно ценю твою любовь, благодаря нашего доброго Пастыря, что Он дал мне такую маму и такого папу.

Как поживает Лиля? Все так же рано встает, поздно приходит? Как хорошо, что вы можете быть покойными за нее, когда она будет учиться. Как живет Леля? Может быть, ей неудобно, что я, отверженный, спрашиваю о ней? "Средь мира дольного, для сердца вольного есть два пути: взвесь силу гордую, взвесь волю твердую, каким идти". Привет Ване с пожеланием стахановских успехов в учении, павловских в жизни и иоанновских в поведении. Что делает Сима?

Дорогой папа, следя по письмам за твоей болезнью и читая, что состояние твое идет на улучшение, надеюсь, что ты опять в труде, хотя, может быть, в твои годы нужен покой. Не знаю, как сложится дальнейшее, увидимся ли мы когда на земле или нет? Будем верить, что Он строит нашу жизнь по наилучшему плану и приведет нас к желаемой пристани. Работаю так же, в свободные минуты сижу за книгами, сейчас изучаю анатомию по ценной книге; большое спасибо, что прислали ее. Мне ничего не нужно, физически здоров. Все хорошо, дух спокоен.

Главное же чистота, чистота во всем. При ней будет бодрость и радость, — это я познал из своего жизненного опыта.

Привет всем близким, дяде Пете. Как он?

Крепко целую. Любящий вас, ваш для Него в надежде Лева".

Однажды к Лева пришел знакомый из УРЧ и сказал, что хочет сообщить ему важную новость. Он наклонился к уху Лева и сказал:

— Вас переводят в самую дальнюю, в самую штрафную колонну.

— Как, почему? — спросил Лева.

— Ничего не знаю, — ответил знакомый и ушел. Тревога охватила душу Лева. Он про себя молился:

— Господи, почему, за что?

А какой-то внутренний голос как бы говорил ему:

— Ты не спрашивай "за что", а поразмысли — для чего. Добрый Пастырь поведет тебя туда, где ты нужен.

Глава 15. На дне

"Если я пойду и долиной смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною".

Пс. 22, 4

Многие и многие жалели о том, что Лева уезжает. Прибежал знакомый журналист, тоже из заключенных. Он не раз приходил к Лева и беседовал с ним. Журналист протянул ему тетрадь.

— Это я вам дарю, прочтите, что я написал.

Лева открыл первую страницу тетради и прочел:

"Забросив этот медицинский дневник, Вы, Лева, совершите преступление против себя, как медработника — способного и предприимчивого. Дневник — это не просто учет вашей работы, но и обобщение ее. Учтите это и найдите силу вести его систематически и настойчиво.

Двойное преступление будет, если Вы его не начнете совсем. Такая опасность не без основания закрадывается, наблюдая Вас.

Лакунин".

Лева от души поблагодарил журналиста, который здесь работал шахтером, но продолжал бороться за всякую литературную запись. Этот подарок представлял большую ценность, так как с бумагой было очень трудно.

— Я давно хотел делать записи и анализировать свою работу, — сказал Лева. — Я собираю все амбулаторные журналы, карточки больных, и надеюсь в будущем сделать из этого полезные выводы.

— Вот-вот, это хорошо, — сказал журналист, — работайте, записывайте и собирайте каждую бумажку.

Приехал начальник санчасти с новым фельдшером, которому нужно было сдать амбулаторию и стационар.

— Вы, наверное, испугались, Смирнский, что вас направляют в штрафную колонну? — спросил начальник санчасти, поглаживая свою седую, коротко остриженную голову и испытующе поглядывая на Лева.

— Испугался не испугался, — ответил Лева, — как говорится, не первый снег на голову, но все-таки странно: за что? Работал я здесь добросовестно, все силы вкладывал.

— Вот за это-то и попадаешь туда, — сказал, улыбаясь, доктор. — Думали мы, думали, кого послать туда? У нас двадцать колонн с фельдшерами. Есть фельдшера и в больницах, но выбор пал на вас.

— Дело в том, что в штрафной колонне 19 очень неблагополучно, полная антисанитария, контингент самый отчаянный, и там большая смертность. Нужно прекратить смертность. Решили направить вас, как честного, хорошего, я бы сказал — лучшего работника. Принимайте все меры, чтобы прекратить смертность, мы вас поддержим. Развертывайте стационар, отбирайте слабых физически заключенных, вскоре я приеду, буду комиссовать, отберем слабосилку. Я надеюсь, что вы справитесь с этой трудной работой.

На сердце у Левы отлегло. И он невольно в душе сказал, взглянув на видневшийся в окно кусочек неба: "Слава Богу!" Значит, несмотря на то что он признан порочным, отверженным и клейменным, все же он нужен и ему предстоит то дело, которое достойно звания милосердного самарянина.

— Да, я постараюсь, — сказал Лева, — сделаю все возможное, чтобы укрепить санитарное состояние колонны и содействовать прекращению смертности.

— Желаю успеха, — сказал старый доктор и пожал Лева руку. В амбулатории в это время никого не было.

Подобное рукопожатие со стороны "вольного" начальства заключенному рассматривалось, как преступление.

Леву снабдили на дорогу провизией, выделили спецконвой и, кроме того, вручили ведомость, по которой он получил на складе наволочки — матрасные, подушечные, и одеяла, и простыни для оборудования стационара.

Был февраль, но морозы не сдавали. По трассе всюду виднелись бригады, работавшие на земляных работах. Тайга стояла во всей зимней красоте. Вдали возвышались синеющие горы, местами вилась замерзшая речка, покрытая снегом. Посмотришь направо, посмотришь налево — кругом свободная земля, а ты невольник, не смеешь даже шагу шагнуть в сторону, за тобой бдительно наблюдает часовой с винтовкой. Неволя, сушая неволя — и это устроил человек человеку.

Автомашин тогда было мало, и под вещи Лева выделили лошадку с санями, на ней ехал и он, и охранник. На третьи сутки приехали. В глухой тайге, огороженная проволокой 19-я колонна. Несколько бревенчатых барачков, вышки часовых, барачок за зоной для вооруженной охраны, и все.

Лева пришел в амбулаторию. Встретил его небольшого роста старик с длинными седыми усами — фельдшер колонны. Умные большие глаза старика были полны какой-то особенной грустью.

— Вы приехали в место смерти, — сказал он. — Я уже сколько подавал заявлений, чтобы меня убрали отсюда. Наконец, слава Богу, прислали вас взамен.

— Ну как, что у вас? — спросил Лева. Старик безнадежно махнул рукой.

— Гибель, одним словом. Собрали сюда со всех колонн самых отчаянных воров, бандитов. Работать никто не хочет, как с ними ни борется КВЧ. Большинство сидят в карцерах, в БУРе (барачок усиленного режима), истощенные, вшивость, умирают, — а я что сделаю?

Старик поник головой.

— А как у вас со стационаром? — спросил Лева.

— А вот только две койки, и то вагонкой, за моей кабинкой, — и он указал рукой на дощатую дверь.

Лева подошел и приоткрыл дверь. На нижней койке лежал худой, истощенный человек. Глаза его были открыты, но, видимо, уже ничего не видели. По характеру дыхания Лева понял, что он агонизирует — умирает.

— Слушайте, — шепнул он фельдшеру, — ведь умирающий! — и, подошедши, пощупал пульс. Пульс был нитевидный.

— Что с ним? — спросил Лева.

— Доходяга, — сказал фельдшер.

— Так давайте скорее камфору, кофеин, что вы? — с упреком обратился он к старику.

— Зачем? Все равно умрет.

Но Лева бросился к шприцу, который лежал в стерилизаторе, и, разбив ампулу, стал набирать кофеин.

— Эх, молодой человек, — сказал старик, кладя свою руку на плечо Левы. — Ничего вы не понимаете. Ведь он все равно умрет. Человек страдал всю жизнь, и вот последние вздохи, а вы хотите его еще мучить этими уколами, поддерживать лишний час жизни. Зачем, для чего ему маяться еще? Дайте спокойно умереть.

Лева с удивлением посмотрел на старого фельдшера.

— Дайте спокойно умереть, — повторил он, и еще раз: — Дайте спокойно умереть.

После амбулаторного приема они вместе пили чай. Больной, которому Лева делал уколы кофеина и камфоры, скончался. Старый фельдшер, как бы поучая Леву, говорил:

— Я прожил большую жизнь, видывал много, знал и голод в старое время, и знаю, что когда люди умирают с голоду, уколами их не спасешь, только мучить будешь. Хлеба дать надо, — вот лекарство. А тут вот, сами видите, все, кто не хочет работать, умирают. Кто больной, но может работать, тоже, как я вижу, в стационаре подлечится, а потом опять на работу. Потом снова в стационар, потом опять на работу, а дальше, глядишь, и помер. Не

уколы тут и не лекарства решают все, а другое. Все мы фактически приговорены к смерти... Эх, люблю я скрипку! — сказал он.

— Вы что, скрипач? — спросил Лева.

— Нет, так, любитель.

Старик достал свою скрипку, поношенную, побитую, как и он сам, и стал играть. Играл, вкладывая, видимо, всю душу. Это были звуки какой-то ужасной, безысходной, безнадежной тоски.

Лева слушал, и сердце его разрывалось. Горе, бездонное, всеохватывающее; смерть, витающая в воздухе, как бы охватила его. И только внутренняя молитва Тому, в Кого он верил, развеяла то чувство черного отчаяния, которое проникало в сознание.

— Да, тяжело, — сказал он, когда старик кончил играть. — Вот со скрипкой только и отвожу душу. А срок-то у меня большой, и помирать здесь буду.

Лева не выдержал и спросил:

— А вы верите в загробную жизнь, в Бога?

Старик подозрительно посмотрел на Леву, покачал головой, как бы не говоря ни да, ни нет, а потом наставительно сказал:

— Об этом говорить нельзя. Узнает оперуполномоченный, затаскает, хватит мне всяких неприятностей.

На следующий день Лева со старым фельдшером обошли бараки. Но полностью фельдшеру не удалось показать все. Его отправили в этап с тем же конвоем, с которым прибыл Лева.

С начальником колонны Лева имел крепкий разговор. Он сказал, что ни амбулатория, ни стационар никуда не годятся. Он предлагает немедленно развернуть большой стационар и оборудовать амбулаторию так, чтобы можно было вести прием. Без этого смертность не прекратится. Начальник на все соглашался, отлично понимая, что его личная безопасность находится в опасности, что придется отвечать за состояние колонны.

— Я готов на все, но вы видите, помещений нет.

— А вот маленький барак для пекарни вы готовите, — сказал Лева. — Хлеб вы до этого привозили и будете пока привозить, а этот барак отдайте под санчасть.

Начальник согласился.

— Но имейте в виду, — сказал он, — у нас ведь нет ни одной койки, ни одного топчана.

— Выделите мне плотников.

— Хорошо, выделю.

— Дайте мне санитар из самых отчаянных жуликов.

— А ты, видать, понимающий, — сказал начальник. — Если у тебя действительно будет санитар из больших жуликов, у тебя ничего не пропадет. Хорошо, выделим.

К Лева прислали молодого парня. Это был известный вор. Он сразу подружился с Левой. Лева попросту рассказал о том, что ему нужно приложить все усилия, чтобы привести колонию в должное санитарное состояние и прекратить смертность. Сказал также, что этот новый его помощник во всем должен быть его правой рукой. Ваня Черный, как его звали, сказал, что он во всем поможет и что при нем ни одна тряпка не пропадает.

В своем медицинском дневнике после записей, которые вел Лева на различные медицинские темы (травмы, поносы, пневмония, туберкулез), было записано:

"19 февраля 1936 года. Итак, колонна 19. Вшивость 100%, территория загрязнена, умывальников нет. Приступили к оборудованию амбулатории, стены переставлены. Посетил карцер. Мой день: в 6 час. утра проверяю завтрак, в 7 часов — развод. С 8 часов — обход барачников и стационара, с 11 до 13 дневной прием; с 13 до 14 часов обход, карцер и различные вопросы быта, с 18 до 19 час вечера — кухня, санбеседы в бараках, с 19 по 22 — прием в амбулатории, с 22 до 24 час — самообразование. Начальник санчасти меня за зону в баню не выпускает, а нужно наблюдать за дезинфекцией. Подводу за

дезосредствами не направляют. Клопов как будто нет — новые здания. Проектирую стационар на 20 коек. Развито членовредительство — искусственных ожогов уже три случая. Симулируют сифилис искусственными язвами. Нужно созвать санпаятерку, но сегодня прибывает агитбригада".

Лева работал, не щадя себя. С урками, которые приходили просить освобождение, ему было не трудно. Стоило санитару Ване Черному зыкнуть, и все покорно умолкали. Но Лева старался быть справедливым и всех больных, резко ослабших, освобождал. Никто не упрекал его за большое количество освобожденных. Начальство понимало, что нужно прекратить смертность.

Топчанов, коек не было. Лева попросил плотников напилить чурбаки и к ним в горизонтальном положении прибавать доски. Получался очень низкий топчан, но все-таки на нем можно было разместить постель. Матрасные наволочки набили сеном с коне-базы.

Всех резко истощенных, туберкулезников, всех, кому смерть смотрела в глаза, Лева клал в стационар. И за короткий срок смерть отступила. Уже 5 марта (1936 г.) Лева записал:

"Вшивость 5 — 7%. Это было достигнуто поголовной стрижкой. Стригли не только в банях, но и в бараках, и во время амбулаторного приема. Санобработки проводились одна за другой. Но все же достичь полной ликвидации вшивости сразу не удалось. Какие причины? 1. Не все сдают в дезинфекцию; 2. Где моются, там и раздеваются; 3. Гниды сохраняются на небритых волосатых частях тела". На территории колонны стало чисто, появились умывальники. Лева часто обращался к начальнику колонны и требовал улучшения бытовых условий. По утрам его вызывали в штаб, и он сидел около селектора — аппарата, через который начальник санчасти Горно-Шорийских лагерей вызывал всех фельдшеров и врачей колонн и они докладывали о заболеваемости и о своих требованиях. Это было очень удобное утреннее совещание. Находясь у селектора, можно было слышать, что говорят работники, находящиеся друг от друга на многие сотни километров, и слышать решения, которые сразу же принимал начальник санчасти.

Начальник санчасти обещал Лева скоро приехать. Для того, чтобы упорядочить вопрос о слабосильных, истощенных заключенных.

Приехавшая бригада в колонне задержалась. Через ее работу и выступления начальство надеялось воздействовать на самый отрицательный контингент, собранный сюда из всех прочих колонн, и приучить их к труду и порядку. Вот хотя бы матерщина, она пропитывала здесь буквально все. Встретятся ли утром два друга, и, радостно поздоровавшись, они непременно каждое слово своего дружеского разговора приправят самой отборной матерщиной. Если же ссора или недоразумение, то мат принимает двухэтажные и трехэтажные формы и всевозможные змеиные извилины, на которые только способен язык.

Случайно Лева попал на репетицию агитбригады, куда пришел проведать своего близкого друга Жору. Один из актеров был одет старушкой — в платке и в очках.

Старушка поучает здорового парня с киркой и ломом, чтобы тот трудился без матюков. Парень соглашается и, подхватив старушку под руку, пускается в пляс. Оба напевают:

"Матюки, матюки, всюду слышны матюки, снизу, доверху, кругом, — всюду кроют матюком".

Лева с Жорой вышли на крыльцо. Чудный прекрасный воздух. Запахи леса, сосны и пихты...

— Вот видишь, Лева, "протаскивают" этот мат, люди будут смеяться и уже смеются, когда видят бабушку, поучающую не ругаться. И после этих поучений та же ругань будет продолжаться. Ведь артисты, большинство их из Москвы, сами не могут обойтись и один час, чтобы не выругаться. Да, действительно, как говорит Писание, "язык неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда..." и — "язык укротить никто из людей не может".

— Да, я помню эту замечательную главу из Писания Послания Иакова, — сказал Лева. "Язык — небольшой член, но много делает. Посмотри небольшой огонь, как много вещества зажигает; и язык — огонь, прикраса неправды. Язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспалит круг жизни, будучи сам воспален от геенны". Я вот своему помощнику-санитару Ване Черному сколько раз говорил: "Не матерись", а он отвечает: "Не могу. Всю жизнь ругаюсь, стараюсь, но ничего не выходит".

— Не наша агитбригада, а Евангелие нужно бедным павшим людям, — сказал Жора. — Никакое искусство, ни литература, ни наша музыка — не могут переродить павшего человека. Христос нужен на этом дне человеческого разложения, горя и страдания.

— А как мы можем сказать им о Христе? — сказал Лева, вопросительно смотря на Жору.

— В наше время не приходится говорить. Всякая беседа о вере считается контрреволюционной агитацией и жестоко карается.

— Мы только своей жизнью, добрыми делами можем нести светить окружающим.

— Да, но у нас нет силы свыше, чтобы бесстрашно устно свидетельствовать о Спасителе, — с грустью заметил Лева.

Настал вечер, когда агитбригада должна была сделать свое большое заключительное выступление перед заключенными. Многие и многие устремились в клуб. Санитар Левы тоже стал отпрашиваться на постановку.

— Вы уж как-нибудь без меня, доктор, проведите вечерний прием.

Лева отпустил своего санитаря.

Начался прием больных. Заключенные входили, в ожидании садились в коридорчике на скамейки. Там справа была дверь в комнату Левы, слева — сама амбулатория, отгороженная от коридорчика не стеною, а просто барьером. Впереди коридора была дверь в стационар. Принимая больных, Лева мог также наблюдать за пришедшими, чтобы они не заходили в стационар и вели себя прилично. Начав прием, Лева запер дверь своей комнаты, как обычно, на замок. Он принял одного больного, другого. Вдруг раздался какой-то шум, дверь распахнулась, и втащили на руках человека.

— Умирает, умирает, доктор, спасите!

— Давайте, давайте скорее сюда, на топчан, — вскричал Лева. В амбулаторию ввалилась целая толпа народа. Все кричали, шумели и требовали одно — чтобы спасли их товарища.

"Видно, какой-нибудь знаменитый урка", — подумал Лева, помогая стаскивать с умирающего рубаху. Да, действительно, это был какой-то вор. Все тело его было разрисовано самой затейливой татуировкой. Больной временами переставал дышать, начинал синеть. Лева давал ему нюхать нашатырный спирт, дыхание почти останавливалось.

— Что с ним, не эпилептик ли он? — спросил Лева.

— Нет, нет, он всегда был здоров, — раздался голоса.

— Может быть, чего-нибудь поел, выпил?

— Что вы, доктор, это не на воле, тут не выпьешь. А едим мы все в столовой.

"Что с ним?" — думал Лева. Сердце его тревожно билось, хотелось правильно поставить диагноз и оказать умирающему верную помощь. И Лева с сокрушением думал: "Все же, как мало я знаю! Надо каждую свободную минуту читать и изучать, выписать из дома еще больше медицинских книг, а потом, если только будет возможность, поступить в институт".

Думая, он щупал пульс больного. — Пульс вроде хороший, хорошего наполнения, ритмичный. Лева решил проверить зрачки. Вокруг него толпились люди, кричали.

— Что вы ему глаза, доктор, смотрите? Укол, укол делайте скорей! — закричал один из них и толкнул Леву.

Лева набрал в шприц кофеин, но больному вдруг как-то сразу стало легче.

— Вы ему, доктор, укол не делайте, сердечных дайте выпить. Лева сделал инъекцию кофеина. Больной приподнялся, с удивлением посмотрел кругом. Раздались голоса:

— Доктор, вы спасли человека!

Леву окружили урки, шумно поздравляя с победой над смертью. Больной встал, улыбнулся Лева, сказал: "Извините за беспокойство", — и вся компания мирно удалилась.

Лева испытал то, что называется моральным удовлетворением. Хотя он и не распознал точно диагноз болезни, но, видимо, помощь оказал правильно и отвел человека от смерти.

— Доктор, дайте освобождение, дайте! — умолял его один из "доходяг", которого Лева уже не раз отгонял от помойки, где он вытаскивал селедочные головы.

— Дам, дам, куда уж тебя на работу посылать, — сказал Лева.

— Спасибо, доктор, я уж вас отблагодарю.

— Чем же ты меня отблагодаришь, иди отдыхай, — сказал Лева.

— А вот вы, доктор, взгляните на дверь вашей комнаты. Лева бросил взгляд на дверь. Замок был сломан. Он бросился в комнату. В ней было все перевернуто, как после обыска, проводимого опытными сотрудниками МВД. Лева бросил взгляд на стол, где лежала аккуратно стопка книг, нагнулся над чемоданом, лежавшим открытым. Ни брюк, ни вольных рубашек, которые он хранил, чтобы иногда, сняв лагерное обмундирование, одеться почище, ни ботинок, в которых он прибыл в заключение и которые надевал, когда лагерные были сырые. Все, все украли. Особенно ему было жаль книги.

— Иди, беги скорее, позови сюда надзирателя, — сказал он доходяге.

Ему стало совершенно ясно, что его обманули. Эти воры разыграли, и очень искусно, картину заботы об умирающем. А умирающий был самый обычный симулянт. Итак, за все добро, что делал Лева, ему отплатили злом.

Пришли надзиратели. Лева показал им сломанный замок, раскрытый чемодан, рассказал, что украли.

— Особенно книги прошу найти. Ведь они изорвут их на карты. Надзиратели отправились на поиски. Спустя некоторое время вернулись и сообщили, что никаких следов нет.

Все люди на постановке агитбригады, обыскивать же каждый уголок, каждую постель нет никакой возможности.

Кончилась постановка, вернулся Ваня Черный. Когда Лева рассказал ему о случившемся, он весь вспыхнул, выругался:

— Чуяло мое сердце: как уйду, начнут воровать! — и, схватив палку, на которой носили кадушку с водой, он выбежал из амбулатории.

Скоро он вернулся, неся в руках книги. Он тяжело дышал.

— Уже часть изорвали на карты, — сказал он. — Я и изорванные отобрал. А насчет твоего барахла — пиши пропало. Уже передали за зону. Если бы оно здесь было, я бы выколотил его, но нет, оно уже уплыло.

— Как так? — спросил Лева. — Разве они через проволоку и запретную зону могли перекинуть?

— Нет, это делается гораздо проще. Они просто передали это надзирателям, которые берут ворованное и сбывают. Ведь надо же и им подрабатывать, — пояснил он, видя удивленное лицо Левы.

Лева страшно было жаль книги. Вскоре пришел в амбулаторию Жора. Санитар ушел, они остались одни. Лева с сокрушением рассказал другу о происшедшем.

— Это тебе Господь испытание послал, — утешал Жора Леву.

— Да, я это вполне понимаю, — соглашался потерпевший, — но пойми, как все это грустно и горько. Делаешь людям добро, буквально отдаешь жизнь свою, чтобы облегчить их состояние и сохранить здоровье, а они — чем отплатили?

Лева несколько помолчал, а потом продолжал: Знаешь, я вначале на них даже рассердился и подумал: не буду впредь стараться для них так. А потом вспомнил Христа.

Ведь Он оставил все добровольно и пошел в наш темный мир и делал людям только добро: лечил, спасал, не имея даже где головы преклонить, — все, все делал, чтобы указать людям путь к счастью. А как они отблагодарили Его? Надругались над Ним, оплевали, истерзали и убили позорной смертью. А Он страдал, не упрекнул их, когда сняли последнюю одежду с Него. Он молился: "Прости им, Отче, ибо не знают, что делают". И тогда нехорошее чувство к этим людям, падшим, несчастным, потухло во мне. Я попытался посмотреть на них глазами Иисуса, и тогда мне стало жалко их, всех этих уроков, которые гибнут и гибнут навеки.

— Это уже достижение, Лева, — сказал Жора. — И я тебе скажу, что есть еще более несчастные люди, чем эти воры и бандиты. Это те, которые поступают подобно им, если не хуже. Вот урки украли у тебя книги, потому что им нужно было делать карты, а вот те, которые арестовывают нас и отбирают библии, духовно-нравственную литературу, и делают это не потому, что им надо, изготавливать карты, а потому, что они ненавидят Христа и хотят навеки похоронить Его. Подумай только, сколько ценностей пропадает и пропало. П. И. Иванов-Клышшиков, работая в Москве, собирал исторические материалы по истории нашего братства и сектантства в России, и при аресте его все это отобрали, уничтожили. И не только это. Наш народ столетиями строил церкви, различные храмы; мы не поклоняемся в них, но почитаем труд народа и ценим его как историю, а ныне в какой-то дикой, варварской ненависти сколько в одной Москве уничтожили замечательных сооружений архитектуры — церковей с дивной росписью библейских картин лучших русских художников. И если это сделали в Москве, сколько же уничтожено духовных религиозных ценностей народа по селам и городам? Но это все, может быть, и не так существенно. А сколько светлых голов, живших людей ни за что ни про что брошены в тюрьмы! И это делают не воры, не бандиты, которые содержатся в этой штрафной колонне, а те, которые стоят во главе всего. Больно, ох как больно за них.

— Но Бог свидетель, — продолжал Жора, — мы, последователи Христа, не имеем никакого недоброго чувства к своим гонителям, только скорбь и сожаление об их иродовых поступках, и молимся за них: "Прости им, Отче".

— Да, они власть, по Писанию это слуги Божии, — сказал Лева. — И кто знает, может, Бог ожесточает их сердца, как некогда фараона, чтобы на них показать славу Свою, и все безумие человеческого, и силу Свою. Как Христа, поруганного, уничтоженного похоронили, так и церковь Его — тело Его в нашей стране почти уже совсем похоронена. Братство наше уничтожается, но смерти невозможно будет осилить его, и великое Евангельское движение воскреснет, и врата ада не одолеют его.

— Только бы нам сохранить чувствования Христовы, — сказал Жора.

— Да, это так, — ответил Лева. — Меня первый раз обокрали крепко на Беломорском канале. Пришел из лазарета наверх общежития, лег спать: я для лучшего отдыха раздеваюсь совсем. Утром встаю — абсолютно ничего нет. Остался, что называется, в том, в чем мать родила. Вот тогда я рассердился на этих больных, которые обокрали меня. Теперь же, вспомнив образ Христа и в то же время рассматривая этих преступников как духовно мертвых, разлагающихся людей, могу ли я на них сердиться? Нет, их нужно только жалеть и любить, ибо они несчастнее несчастных.

Разорванные книги Лева старательно пытался склеить и восстановить, но это полностью сделать не удалось: не хватало многих страниц.

На амбулаторных приемах Лева по-прежнему старался со всей внимательностью относиться к этим несчастным. И когда перед ним стоял татуированный ослабевший урка, он иногда спрашивал его:

— Воровством не занимаешься?

— Нет, не ворую теперь.

— Ну и хорошо, старайся быть честным, — назидательно внушал ему Лева, хотя и понимал, что все это тщетно. Поэтому сам про себя "доктор" думал: "Эти слова

бесполезны, есть только единственное средство сделать человека честным: это — привести его ко Христу".

Из дома, от матери, Лева по-прежнему получал хорошие, добрые письма. Иногда ему писал отец. Эти письма были как бы окном в вольный мир. О деле Божьем они почти ничего не писали, — видимо, и писать было нечего.

Наблюдая за здоровьем заключенных, Лева завел еще одну тетрадочку: "Влияние метеорологических факторов на здоровье людей". 1936 год.

Разграфив ее по месяцам, он отмечал погоду, температуру и те заболевания, прямо или косвенно связанные с изменением погоды. Например, 18 февраля запись: "Утром температура — 28 С, ясно. Днем солнце печет. На производстве люди раздеваются до рубах, отдыхают потные, получают простудные заболевания. Появились случаи пневмоний, гриппа. 30 февраля утром температура — 35 С, идут на работу в колоннах имеющие хронические язвы, с трудом тепло одеваются. С 21 по 24 февраля по утрам мороз 42, с 11 час начинает таять снег, мороз начинается с 3-х часов ночи.

В медицинском дневнике 5 марта он делает запись о лечении крепитирующего тандовагинита, искусственных флегмон, искусственных поносов. Сегодня на производстве два обмороженных: один вышел в ботинках и обморозил пятки, другой — в сырых валенках, обморозил пальцы ног.

Люди, не привыкшие к труду, посылаемые на тяжелый труд в условиях холодной зимы, предпочитали лучше сидеть в карцере в голоде, холоде или изобретать себе любое заболевание, чтобы быть таким образом освобожденным от работы. Это было повальное, выражаясь словами академика И. П. Павлова, "бегство в болезнь от тяжести жизни". Привязывая золу к стопе, устраивали искусственные язвы. Выходя на работу, некоторые умышленно рубили пальцы, причем у них не было никакого страха, что они могут быть привлечены к суду за членовредительство, и когда оперуполномоченные все же пытались завести на них дело, они всячески доказывали, что они не лесорубы, что не умеют рубить топором и нечаянно отрубили пальцы.

Иногда, наблюдая это людское горе, сердце Левы как бы разрывалось, и он находил единственное утешение и подкрепление в молитве к Богу. Но как, как помочь?!

Приехал начальник санчасти, отобрали резко ослабленных в одну бригаду, представили им отдых и улучшенное питание. Лева в своем дневнике разрабатывал "вопросы слабосилки лагерей". Истощение — почва для заболеваний, преступности. Что представляют собой эти люди? Борьба за существование: сильные вырабатывают нормы, приспособляются, живут. Слабые физически, разложившиеся морально воруют, сидят в карцерах и уходят из жизни. Задача в том, чтобы приспособить слабых к жизни, сделать их ценными. Но как? Фактически ослабшие вянут, попадают на 400 граммов хлеба, как отказники, болеют и умирают. Но все же нужно пытаться что-то сделать. Поддерживаем людей в слабосилке. И вот узнал, что некоторые из них не едят свой хлеб и сахар, меняют на рубаху, одежду; другие проигрывают в карты; некоторые умышленно стараются не поправляться, чтобы их потом не вывели на работу.

Немало сил приложило начальство лагеря к тому, чтобы сделать этот контингент трудоспособным, более того — заставить их полюбить труд. Но увы! Это не удалось.

Решено было эти бригады расформировать, разбросать их по другим колоннам, а на это место прислать другие, более работоспособные бригады.

Глава 16. В трудах

"Всегда ищите добра и друг другу, и всем".

1 Фес, гл. 5, ст. 15

Леву переправили в другую колонну — фельдшером. Колонна №8 была большая. Здесь было много бараков и много-много заключенных. Работать пришлось не одному, в

амбулатории работали другие фельдшера. На прием приходила масса людей. Нужно было успеть всех принять и в то же время следить за санитарным состоянием лагеря. Строилась больница, предполагалось, что через определенное время здесь будут и врачи. Лева отдавал всего себя работе, уставал и часто, переутомившись, терял бодрое настроение. В своем медицинском дневнике он написал: "Суета сует. Больным уделяется все-таки ничтожно мало внимания. Непогода. Внутри пасмурно. Всегда имеешь дело с живым человеком. Надлежит быть выдержанным, ко многим нужно иметь особый подход. Но получается наоборот. Нервы играют, от мелочи вздрагиваешь, от пустяка вспыхиваешь, готов говорить резкости. Что это? Переутомление, неврастения? Но так работать нельзя, невозможно. Необходимо — что? Во всем аккуратность, ко всем внимательность, со всеми вежливость и наблюдательность. Если человек на физической работе имеет успех от своего мышечного труда, то успех работы медработника зависит от многих условий".

Не успел Лева освоиться на колонне №8, как его перебросили в колонну №14. Там была большая вшивость, и начальник санчасти надеялся, что он ликвидирует ее. Лева энергично приступил к этому. В бараках раздевал людей, искал в белье вшей, обнаруживал и направлял бригаду за зону, в баню. Сам выходил с ними проверять работу дезокамеры. Увы! Дрова в жаркамерах были сырые и не давали возможности достичь нужной температуры.

Вошь в прожаренном белье, видимо, не уничтожалась. Лева сам взял на себя контроль за температурой и временем нахождения в камере вещей, не доверяя дезинфектору. В результате получилось что-то неслыханное. Температура не достигала нужной цифры. Лева требовал от пом по быту дров, не разрешал вынимать вещи из дезокамеры. Люди в бане не только вымылись, но и полегли на скамейках спать. Охрана волновалась. Разъяренный пом по быту — высокий черный грузин — потрясая кулаками, кричал:

Откуда ты появился, откуда ты появился? Как ты работал на воле?

Я работал всегда честно, — отвечал Лева. — Если мы будем заряжать туфту, работать недобросовестно, то вошь не ликвидируем. — Неужели вы хотите, чтобы на людях была вошь?

— Я не хочу, но вы видите, сухих дров нет.

— Дрова нужно достать, — твердо говорил Лева. — Вошь мы должны побороть.

Начальник, он же пом по быту, видя, что ничего не помогает, набивал трубку махоркой и закуривал, дружелюбно подсаживаясь к Лева.

— Как это тебя не убили на воле? — говорил он. — Я бы тебя за твою честность здесь зарезал, да нельзя: срок за тебя дадут.

— Неужели ты не понимаешь, что самое основное — чтобы люди во всем были честные, тогда всем будет хорошо!

— Заладил ты: честные. Давно никакой честности нет. И совести давно никакой нет, вместо нее вырос... — Он употребил грубое, общераспространенное выражение. — И на воле, и в неволе все построено на лжи, мошенничестве, а ты вот откуда-то честный взялся.

Наконец первую партию одежды продезинфицировали. Люди оделись и ругали "доктора" на чем свет стоит. Ведь их сюда привели с работы, и хотя они выпалились, но были страшно голодны.

После амбулаторного приема больных Лева говорил с начальником колонны и просил сухих дров, а также утверждения графика санобработки. Начальник подписал график, обещал дров, но Лева знал, что все это относительно, и действительно, с дровами продолжались затруднения, график санобработки ломался.

По окончании трудового дня Лева чувствовал себя не только усталым, но прямо разбитым. Как христианин, он работал с душой. Многие находят, что подневольный труд морально угнетает, не дает удовлетворения и стимула к высшим достижениям. Только из-за горбушки (пайки хлеба) да еще в надежде, что досрочно освободят, многие вкладывали в работу всю силу, но в то же время не брезговали ничем, чтобы обмануть учетчиков,

бригадиров и показать большие проценты. Да и сами бригадиры, чтобы поддерживать рабочих, прибегали к всевозможным ухищрениям, чтобы только оформить наряды в лучшем виде. Лева же, как христианин, не мог допустить в работе ложь или что-нибудь нехорошее. Слово Божие поучало его, как и всех христиан, находившихся в заключении: "Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело". И еще: "Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учения Спасителя нашего Бога".

Верность, справедливость часто нарушались. Вот приходят бригадиры и просят: "Освободи работягу, хороший работник, пусть отдохнет".

— Да он не больной, — говорил Лева.

— Ты доходяг меньше освобождай, от них все равно толку не будет, а работяга отдохнет и больше процентов даст.

Приходил иногда и сам начальник колонны и "подсказывал" Лева, кого освободить, а кого гнать в шею, больной он или не больной.

От всего этого Леву мутило, и он невольно вспоминал Заполярный круг и дорогую Ольгу Владимировну, которая, имея большой врачебный опыт, пришла к мысли, что быть врачом и христианином в наши дни невозможно.

Перед тем как лечь спать, Лева в своей комнате склонялся на колени перед Всевышним и молил Его, чтобы Он простил, чтобы помог, научил больше, больше делать добра. Но добра выходило немного, и Лева страшно страдал.

Около трассы строительства были расположены отдельные поселки шорцев — жителей здешней земли. Нередко бывало, что, как только кто-нибудь из них заболит, они приходили к начальнику колонны и просили врача. Давали подводу, конвой, и Лева ехал в поселок лечить больных. Эти путешествия на свободу, хотя и под конвоем, были для Левы очень приятны. Побывать вне колючей проволоки, повидать вольных людей, оказать помощь — все это было ему приятно.

Однажды Леву вызвали к шорцам в ближайший поселок. Полузанесенные снегом, среди тайги стояли избы.

— Что у вас? — спросил Лева.

— Болеют, очень болеют, много болеют, — ответил их председатель.

Лева пошел по избам. Везде были больные: мужчины, женщины лежали в жару. Была ночь, и Лева осматривал заболевших при свете керосиновых ламп.

"Что это? Грипп? — думал он. — Нет, не похоже, многие бредят". По привычке, выработанной на амбулаторных приемах, он требовал, чтобы больных раздевали. Они только поднимали рубашки. И он увидел сыпь. Сыпь, которую не видал, но о которой читал. Сыпной тиф, эпидемия — мелькнула в голове догадка.

Связавшись по селектору с начальником санчасти лагерей 9-го отделения Сиблага, Лева сообщил, что население поражено сыпным тифом. Диагноз его подтвердился, большое население было особенно изолировано от заключенных и охраны. Конвоем было запрещено посещать шорцев. В результате сыпной тиф не прорвался к заключенным. Лечение шорцев проводили местные органы здравоохранения.

Лева усиленно работал, и не только работал. Ему хотелось изучить и обобщить опыт своей работы. Он написал статью о так называемом "крептирующем" (хрустящем) тендовагините — особом заболевании пальцев рук, и, снабдив ее анатомическим рисунком, направил в санотдел, но ответа так и не получил. Им были изобретены и практически проверены при лечении абсцессов, ожогов, обморожений антисептические бинты белой глины. Сообщение об их изготовлении и применении при лечении он направил в БРИЗ управления лагерей, но ответа также не получил. Горько, больно было Лева сознавать, что он отверженный, и отверженный вдвойне. Если обычные заключенные, написавшие ту или иную статью, являются отверженными только однажды, их особенно ценят за хорошую работу и рационализацию, то Лева чувствовал и знал, что

над ним висит еще худшая, чем над обычным заключенным (любым вором, бандитом или антисоветчиком), характеристика, данная ему следователем. Он как христианин, верующий, как искатель правды, должен был знать, что все дороги, даже в заключении, для него закрыты. Его здесь терпят, дают работу медработника только потому, что налицо острая нужда в фельдшерах (лекпомах) и врачах. Было больно сознавать эту несправедливость, но Лева смотрел на Иисуса, и ему становилось легче. Он понимал, что он на верном пути. "Меня гнали, и вас будут гнать", — говорил Учитель, и слова Его оказались не напрасны.

Единственной большой радостью, как бы отдушиной в спертом воздухе заключения, были письма от матери и от отца. Строки ободрения, утешения были как свежий воздух, доносимый из другого мира...

Когда Лева в этой колонне поправил, насколько смог, санитарно-медицинское дело, его снова вернули в колонну №8. И здесь Лева налаживал работу стационара и вновь сидел над книгами и занимался, занимался. Колонна эта была очень большая, с этапами прибывали сотни людей. Среди них было много жителей Средней Азии — узбеков, киргизов, казахов. Была масса китайцев с Дальнего Востока. Многие из них приходили в амбулаторию, не зная по-русски ни одного слова, пытались знаками объяснить свое заболевание. В климате Горной Шории особенно тяжело было узбекам, не привыкшим к холодным зимам. Лева чувствовал к ним особое сострадание и приветствовал каждого больного: "Салям алейкум, уртак!" — "Алейкум салам", — отвечал больной и, как бы он ни был болен, улыбался.

В своем дневнике Лева делал запись за записью. 24 апреля он записал: "Традиция старого врача — он не может пройти мимо больного, чтобы не осмотреть его".

Для комиссовки прибывших людей из управления приехал врач Багиров. За день он просмотрел 490 человек, но при этом до того переутомился, что был способен только механически прикладывать трубку к груди заключенного. При этом Багиров безбожно матерился. Лева в своем дневнике сделал запись об этом враче. Раньше он никогда не видал его ругающимся:

"Перегрузка дает себя знать, и врач Багиров сильно огрубел, но, рассердившись, он фактически уже не мог устанавливать категорию здоровья".

Больные всячески старались обмануть врача, усиливая свои жалобы. Когда же нужно было быть отправленным в этап со здоровыми, то заключенный, лишенный стопы и голени, мог так браво пойти к врачу, что тот и не заметит патологию конечности.

Лева писал в своем дневнике: "Больной стоит перед врачом и говорит о своем здоровье, жалуется, не говоря правды. Он или симулирует, или аггра-вирует, или наоборот — дезаггравирует. Врачу трудно выяснить правду. Неприложимо положение, что врач должен верить больному. Здесь верить нельзя. Все привыкли лгать и употреблять ложь во спасение. И лучше вначале больного осмотреть, аускультировать, перкутировать, пальпировать и лишь, когда придешь к выводу, тогда спрашивать". Между тем весна приближалась. В воздухе днем все больше веяло теплом, и истощенные заключенные — эти "любители солнца и костра" — все больше тянулись к теплу.

– Эх, только бы дожить до лета! — говорили они между собою.

– Да, доживем до лета, живы будем, — говорили другие.

28 апреля Лева писал родителям:

"Дорогая, любимая мама! Дорогой, любимый папа! Горячо целую вас. Приветствую миром, верой, надеждой, любовью, которая дана нам от Отца Света, нашего Искупителя. Нахожусь теперь в колонне 8. Среди суеты дня часто вспоминаю о вас. Дни идут, как тень, бесследно, бесплодно. И вот уже скоро 1 мая, начало цветущей весны в Поволжье. Здесь, в Горной Шории, все по утрам морозит, лежит снег, лишь днем тает и по дорогам грязь, вода. Так хочется ясных, сухих дней. А жизнь уходит. С 1930 года в общем в узах. Это вторая весна в этом заключении. Как ни привык, но все-таки человеку свобода дорога.

В сущности некуда спешить (разве только в институт), но надежда не угасает. Частые переезды не легки, каждый раз приходится акклиматизироваться, менять адрес, затрудняется переписка с вами. Но не беспокойтесь. Он печется, сами же мы не можем прибавить себе росту ни на локоть. Работы много, стараюсь, но не всегда бываю точен. Сыт, одет, обут; посылку, о которой писали, еще не получил. Все это ничтожно по сравнению с вечным. Как подумаешь, а ведь мы самые счастливые люди. Мы знаем мир от Него. "Мир Мой даю вам", и не унываем во всех обстоятельствах. Мое благополучие — ответ на ваши молитвы. Жду очередного письма. Люди суетятся много. Помню, в альбоме у нас была открытка — гора из людей, тянущихся к счастью, которое, как мираж, вырисовывается в облаках. Люди тянутся, сильные давят слабых., У нас же иное счастье: огонек горит и влечет. То, что мы имеем возможность трудиться, очень хорошо. Труд глушит в людях дурные инстинкты; праздность — это беда. Мне особенно приятно, что могу приносить пользу людям, ремонтируя их здоровье и предупреждая заболевания. Привет Лиле и всем. Как дядя Петя? Желая успеха во всем добром. С любовью и надеждой Лева".

В начале мая все всполошились. Большое начальство, начальник всех сибирских лагерей Чунтонов должен был посетить строительство. Заключенные думали, что он приедет с большой помпой, с большой свитой. Но это оказалось совсем не так. Приехали они верхом на лошадях. Вошли в лагерь, и, на удивление всех, большой начальник оказался доступным каждому заключенному. Он со всеми разговаривал, принимал любые жалобы, советовал, и заключенные с удивлением делились между собою, что он относится к ним, как к людям.

Начальство направилось в амбулаторию и стационар. Лева и все санитары, все прибрав и вычистив, что называется, дрожали, боясь, как бы не получилась неприятность, потому что все-таки состояние лагеря было не на высоте.

Начальник лагерей вместе с начальником Горно-Шорского отделения Пронкиным сели в амбулатории на табуретки и пригласили Леву тоже присесть.

— Мы знаем трудности вашей работы и недостатки, но я хочу с вами поговорить об отношении к людям. Вы видите перед собой больного, но не знаете, что он собой представлял в прошлом, каково его отношение к труду теперь. Мы должны видеть перед собой прежде всего живых людей, хотя бы и заключенных.

Начальник замолчал, а Пронкин, как бы продолжая его мысль, сказал: Когда человек теряет здоровье, вы должны особенно за ним ухаживать, чтобы он вышел на волю не инвалидом, а здоровым вернулся к семье и мог содержать ее. Мы понимаем, что вы, служащие, рабочие, крестьяне, временно изолированы, но придет день, когда вы будете снова участвовать в общем строительстве.

Да, мы просим вас, — сказал начальник управления Сиблага, — особенно заботиться о быте, здоровье вверенного вам контингента, наладить профилактику, уход за больными. Мы постараемся сделать все возможное, чтобы улучшить положение заключенных.

Лева с удивлением слушал начальство. Сколько пришлось ему пережить в прошлом и слышать от других об отношении начальства к заключенным! Это было нечто новое. Как будто среди туч прорвался солнечный луч и озарил все теплом.

"Почему, почему, — думал Лева, — такое высокое начальство стало как-то по-человечески относиться к заключенным? Неужели атеисты могут тоже проявлять гуманность — человеколюбие?"

Не прошло и нескольких недель, как заключенным был объявлен знаменитый "приказ 100 Я". Культурно-воспитательная часть прорабатывала его на собраниях вместе с заключенными. Это был приказ комиссара внутренних дел СССР Ягоды.

В нем указывалось, какими правами могут пользоваться заключенные, говорилось о человеческом отношении к ним, предлагалось использовать заключенных на разных работах только в зависимости от состояния их здоровья.

Да, это в глазах Левы и многих других был явный акт гуманности. Но что это, — спрашивал он себя, — почему, для чего? Может быть, и без Христа люди в состоянии быть добрыми? Говорят же ведь, что "человек меняет кожу", мало-помалу выковывается новый человек, везде и всюду добро должно торжествовать. Но Лева в глубине души был совершенно убежден, что прежде всего людям нужно Евангелие. И он решил лично прилежно молиться за комиссара Ягоду, чтобы Бог открыл ему глаза и он уверовал.

Ободренный указаниями начальства, Лева делал все для того, чтобы улучшить санитарный быт и лечение заключенных. Ввиду того, что среди больных заключенных было много людей, не знающих по-русски, Лева составил для амбулаторного приема упрощенный словарь узбекского, казахского, китайского, корейского языков для работников Сиблага. Он с успехом пользовался им. Вот входит на прием в амбулаторию узбек:

— Саям алейкум, уртак! — радостно приветствует его Лева. Больной улыбается, слыша слова на родном языке. Лева продолжает, заглядывая в тетрадку: — Кель маган ашиа (иди ко мне, друг). Нимбурта? — что болит?

Больной, указывая на живот, говорит: "Карын, карын".

— Коль наг чеш — снимай рубашку! — говорит Лева.

Но вот перед ним китаец, пытающийся что-то сказать знаками.

— Хо-и, — приветствует его Лева. — Юше мо бин? — (что болит?).

— Туи, туи, — говорит китаец и показывает на ногу.

Этот словарь Лева направил начальнику медсанчасти 9-го отделения Сиблага с просьбой размножить его для медработников лагерей. Но ответа на это свое предложение он также не получил. Наступал май, и Лева писал своим:

"Дорогие, любимые папа и мама! Мир вам! Приветствую вас теплом любви и милости, которыми Агнец закланный окружает нас. Поздравляю с наступлением весенних ясных дней, когда солнце своими лучами топит снег, уничтожает смерть зимы и поднимает температуру выше нуля и дает жизнь, и жизнь с избытком. Вот сегодня 5 мая, и у нас первый солнечный день, но холодно и приходится ходить в телогрейке. А у вас, вероятно, весна в разгаре и Волга тронулась. При холодной погоде лучше сидеть над книгой и заниматься, как я это испытал на Севере, в Заполярье.

Природа кругом чудесная: горы, леса, речка, но я ото всего этого изолирован, и привыкаешь к этому, как птичка привыкает к клетке. Работаю, хочу основательно заниматься анатомией, думаю, что нужно повторить математику и другие предметы. Не теряю надежды на поступление в вуз. А годы уходят, скоро мне исполнится 25 лет жизни. Так жажду плодов, иначе на что смоковница и место занимает, "сруби ее". Какая польза от нас? Соль добрая вещь, но если она потеряет силу, ни к чему не годна, как только выбросить ее вон на попрация людям. Не знаю, как вы ответите на вопрос: для чего мы землю занимаем? Но я лично на сегодняшний день не знаю. Кому приносим пользу? Живем тихо 1г ни звука о Любви, впрочем, можно не говорить, но отражать Любовь. Что это: или ночь, или сон? На работе стремлюсь приносить больше пользы больным, полностью владеть собою, настойчиво, твердо добиваться намеченной цели. Вот я приговорен и нахожусь в трудовом исправительном лагере. Это, видимо, чтобы я научился хорошо трудиться. Отец хочет, чтобы я приобрел твердый характер и, несмотря ни на какие трудности, исполнял Его волю. Всегда жду от вас писем, пишете, как здравствуете, как твое здоровье, дорогая мама, чем занимаешься, что читаешь. Как работает папа? Весна отражается на маляриков, и тут тоже приходится хинизировать. Молитесь обо мне, чтобы Он сделал из меня то, чем я должен быть, "сосудом пустым и разбитым". Горячо целую. С любовью, верный, как всегда, Лева".

А май был суров. Погода менялась, подуло с севера, заморосил дождь, а потом пошел снег. Начальство к Лева относилось хорошо, выпускало за зону лечить шорцев и даже давало ему верховую лошадь, на которой он ездил в ближайшие местечки. Однажды с ним приключился неприятный случай, закончившийся, впрочем, благополучно. Когда он

отъехал далеко от колонны, — а дорога шла между скал и текущей внизу речкой, — навстречу ему загромыхал трактор. Лошадь испугалась. Лева решил слезть с нее, отойти под откос и пропустить трактор. Но испуганная лошадь вырвалась и помчалась. Что было делать? Лева отлично сознавал всю опасность положения. Ведь он заключенный, ему доверили лошадь, и что будет, если она пропадет? И как все это теперь объяснить? Со словами "Господи, помоги!" он побежал за лошадью. Это было страшное состязание — мчащегося, испуганного коня и бегущего за ним юноши.

Сердце его готово было выскочить. Казалось, догнать лошадь было абсолютно невозможно. И Лева молился: "Господи, останови, успокой лошадь!" И вот лошадь замедлила шаг и остановилась. Лева отвел ее в ущелье, трактор проехал мимо. Лева вскочил на коня и крупной рысью поехал к больному.

Это было 18 мая. В лагере сообщили, что ожидается ураган силой 17 баллов. Предполагалось, что могут быть снесены крыши некоторых домов. Лева сидел в стационаре и осматривал больных, как вдруг его вызвал начальник:

— Вам придется ехать в дальнее село, километров за пятнадцать. Там, видимо, погибли два охотника-шорца. Приехал оттуда человек с лошадью за врачом. Мы не можем им отказать, хотя ожидается ураган. Вы не побойтесь поехать?

"Люди в опасности, погибают, могу ли я отказываться?" — подумал он.

— Я готов, — ответил Лева и, быстро собравшись, пошел на вахту. Там ожидал его проводник-шорец. Они вскочили на лошадей и направились по весенней распутице. Было тихо, сквозь тучи проглядывало солнце. Дорога шла то лесом, то открытой болотистой местностью.

Когда прибыли на место, Лева увидел, что его помощь уже не нужна. На дворе у одной избы лежали два одетых трупа. Их обнаружили, когда растаял снег, и вытащили из воды. Было ясно, что смерть наступила давно. Внешних телесных повреждений не было. Как погибли эти два охотника, оставалось тайной. Лева только дал справку, что они мертвы.

Вдруг поднялся ветер, он стал крепчать, выть. Леву стали уговаривать переночевать у них в селе.

— Не могу, никак не могу, — говорил Лева председателю сельсовета. — Там у меня тяжелые больные. Я должен им делать уколы, есть совсем слабые. Мне необходимо ехать.

Никто из шорцев не соглашался сопровождать Леву. Под разными угрозами председатель сельсовета заставил одного молодого коренастого жителя быть проводником Левы, и они поехали. Это было необыкновенное путешествие, которое Лева не может забыть всю жизнь.

Сверху низвергался в порывах ветра какой-то снеговорот, снеговодопад. Все кругом было залито водой, вся одежда на них быстро промокла и обледенела, превратилась в панцирь.

Они ехали уже не по болотам, а по какой-то снеговой равнине. Местами вода доходила лошадям до брюха. Ветер выл, руки, державшие поводья, коченели от холода. Казалось, оступись лошадь, и гибель неминуема. Но в душе Левы не было страха. Он уповал на Того, без воли Которого и волос с головы не упадет. Наконец, после долгих усилий, продрогшие до костей, они добрались до лагеря: Лева благополучно, но проводник едва не погиб: лошадь, споткнувшись, повалилась и придавила всадника, окунув его в ледяную воду. Лева был рядом, подал ему руку и помог не захлебнуться. Проводник побежал греться и сушиться в барак охраны, а Лева в свою амбулаторию.

— Топи, топи жарче печь! — закричал он санитару. Сам он раздеться не мог, руки заоченели. Замерзший, обледенелый бушлат был как панцирь. Санитар не без труда стащил его с Левы и помог снять промокшие ватные брюки.

Лева с наслаждением отогревался около жарко горящей печи. И после этого — ни кашля, ни насморка, ни недомогания: здоров!

"Слава Богу! — думал Лева. — Видимо, я еще нужен Ему, и Он хранит меня".

Об этом путешествии Лева кратко написал в письме к родным и, описывая, говорил, что оно напомнило ему некоторые эпизоды из книги Жюль Верна "Дети капитана Гранта".

Лева продолжал трудиться, но в минуты отдыха он тосковал по близким, по вере, по любимому пению, музыке, родным гимнам. Лишь иногда встречи с братом Жорой — скрипачом, давали ему отраду.

Наступило тепло. Лето было сырое, но все же солнце радовало людей. Леву назначили в другую, новостроящуюся колонну, где он должен был организовать работу в санчасти. Переезжая, он захватил в большом ящике-сундуке не только свое обмундирование, постель, книги, но и целые пачки записей, истории болезней, которые он вел, надеясь в будущем использовать их для разработки тех или иных медицинских вопросов.

Лева ехал на подводе в сопровождении конвоира. Их догнал тарантас, в котором сидел, видимо, еще молодой, но с длинной бородой человек.

Около него пожилая женщина.

— Кого везешь? — обратился он к конвоиру.

— Фельдшера перевозим на новую колонну, — ответил охранник.

— А, вы фельдшер, — сказал бородач. — Подойдите ко мне. Я ваш новый начальник санчасти. Еще вот знакомлюсь, принимаю дела, а там расставлю фельдшеров, как лучше, и проверю, правильно ли вас направляют. А что это у вас за сундук? Не приданое ли?

— Нет, не приданое, — усмехнулся Лева. — Там мои книги, записи — самое дорогое.

— Вы бывший студент?

— Нет, не студент, просто фельдшер, но надеюсь, буду студентом.

— Это хорошо, — сказал начальник. — А вот познакомьтесь: это новый старший врач лагеря, — сказал он, указывая на пожилую женщину.

Лева поклонился. Тарантас двинулся дальше. Леве стало как-то грустно. Ему стало жаль старого начальника санчасти доктора Андриянова. Ведь он хорошо к нему относился! И вообще был хорошим начальником-врачом. Сняли его или он сам ушел — это оставалось неизвестным. Конвоир сказал, что в ближайшей колонне они будут обедать. Когда подъехали к этой колонне, люди уже пришли с работы и, поужинав, сидели у барачков. Едва Лева вошел в зону, как раздались голоса:

— Доктор, доктор! Наш доктор!

Здесь, оказывается, находились узбеки, казахи, несколько месяцев тому назад отправленные из лагеря, где был Лева. Все они с криками бросились к нему навстречу, пожимали руки, радовались, как самому близкому человеку. В это время как раз новый начальник санчасти делал осмотр территории и был очень удивлен, увидев, как встречали Леву.

— Откуда вы их знаете? — спросил он, подойдя.

— Я лечил их, — ответил Лева.

— О, вы пользуетесь большим авторитетом! Это хорошо. — И начальник, не то нахмурившись, не то о чем-то задумавшись, отвернулся и пошел в сторону.

Леву подкрепили обедом, и они снова тронулись в путь. Проезжали мимо одной колонны; там, как слышал Лева, были братья, верующие. Лева попросил конвоира подъехать к вахте, задержаться.

— Я хочу спросить насчет родных, — пояснил он.

Конвой согласился. В зону Леву не пустили, через проволоку Лева попросил заключенных пригласить Тимошенко из Москвы. Вскоре подошли несколько человек. По выражениям их лиц, по глазам Лева видел: это братья. Среди них был седой, с гладко выбритым лицом старик. Лева никогда не видел брата Михаила Даниловича Тимошенко, но по его виду, особо одухотворенному лицу он догадался, что это был он.

— Брат Михаил Данилович! Приветствую! — закричал Лева.

— Приветствую, дорогой! А ты кто, откуда?

— Я Лева Смирнский из Самары.

— Так я знаю ваших папу и маму! — закричал Михаил Данилович. — Какая радость видеть и вас здесь, узником Христовым!

— А я как рад, что вижу вас, дорогой брат-проповедник, писатель нашего братства!

— Ну, хватит разговаривать! — сказал конвоир и заторопил Лева. — Поехали, поехали.

Возница тронул лошадь, и Лева мог только прощально махать рукою дорогим братьям.

Да, брат Тимошенко. Он его не знал, но читал его произведения "Нарымский край". Читал его стихи в журналах "Баптист" и "Слово истины". А теперь видел воочию. Лева знал, что отец Михаила Даниловича был одним из первых проповедников Евангелия на Руси, был гоним, много лет провел в тюрьмах царской России. И его сын Михаил тоже еще до революции сидел в тюрьмах; в наши дни он неоднократно бывал в ссылках и ныне, подходя к закату жизни, снова в тюрьме. Годами лишен свободы и все идет за Христом — верным, преданным. От брата Жоры он слышал, что теперь Михаил Данилович бодрствует и возвещает весть Евангелия в заключении. "Господи, вот бы встретиться с ним и побеседовать!" — невольно взмолился Лева.

Прибыли в новую колонну. Это были новые бревенчатые бараки, расположенные на большой поляне у подножия лесистой горы. Под санчасть был выделен небольшой домик. В помещении пахло смолистым запахом сосны, пихты. Лева принялся за оборудование амбулатории, стационара. В помощь ему были выделены плотники, столяры. Не прошло и недели, как в стационаре стояли топчаны, на которых лежали матрасные наволочки, набитые душистым сеном, покрытые новыми простынями, одеялами. Около каждого топчана были прибиты к стене столики для больных.

— Гражданин начальник, разрешите мне сходить к речке, в поле, — спросил Лева.

— А ты не убежишь? — спросил начальник.

— Ну, что вы, меня везде знают, у меня никакой мысли такой нет.

— Что, не скучаешь ли по матери, по родным?

— Скучать — скучаю, но только я честно отбываю срок и знаю, что здесь нужен для больных, а убежать — это значит бросить больных.

— Ну, не философствуй. У тебя хорошая характеристика, и я скажу на вахте, чтобы тебя пропустили. Только зачем ты хочешь идти-то?

— За цветами, — ответил Лева. — Я хочу, чтобы как в амбулатории, так и в стационаре поставить цветы.

Удивительно богата цветами Горная Шория! Их много всяких: голубых, розовых, синих, больших и малых. Единственный их недостаток: при всей своей красоте они почти не пахнут.

Для цветов Лева захватил с собой не корзинку, а целую простыню.

Чудно ходить, гулять одному по лугу цветущему, сплошь зеленому. Лева рвал цветы, собирал их в букеты и клал в простыню. Какой воздух, как ласково греет солнце, как хорошо быть на свободе! О, человек! Зачем ты строишь оковы своему брату? Ведь жизнь дается Богом только один раз. О, зачем люди мучают друг друга! Ведь все живет под голубым небом, а человек страдает.

И ответ для Левы был один: люди ушли от Бога, Который есть любовь, отвергли Христа, Который есть путь, истина и жизнь.

И вот несчастные, уйдя от света Божия, не могут никакими усилиями создать благоденствие и счастье для души человека...

Вернулся Лева, неся на спине в простыне огромную охапку цветов. Он поставил на каждый столик перед постелью больного букет цветов. Он купил в ларьке карандаши, почтовую бумагу и конверты и положил это на каждый столик. Ведь не каждый больной имеет клочок бумаги, чтобы написать близким.

Чудное лето! И Лева особенно счастлив: пришла посылка, в ней были вкусные вещи, прислала мать. И среди них было то, о чем он так тосковал, Евангелие, Псалтырь. О, как

молился внутренне Лева, чтобы надзиратель, проверяющий посылку, не отобрал драгоценное. А тот, как будто ему Господь глаза закрыл, переворачивал медицинские книги, которые тоже прислала мама, не заметил, что там было Евангелие.

Лишь тот, кто любит слово Божие, кто на опыте познал всю драгоценность Евангелия и долго был в разлуке с этой книгой, может понять, какие чувства наполняли душу и сердце Левы, когда он вновь и вновь читал повествования о жизни Христа Спасителя, Его поучения и повесть о его жертвенной смерти. Лева с наслаждением перечитывал псалмы и порою, читая их, совсем забывал, что он заключенный, отверженный и впереди, судя по сложившейся обстановке борьбы с Богом, у него уже нет никаких перспектив.

Эти цветы на столе, такие милые, простые и красивые, словно разговаривали с ним, когда он читал, как Христос указывал ученикам на лилию и на цветы полевые... И он был счастлив, истинно счастлив...

Однажды рабочие, вернувшись вечером в зону, принесли ему подарок — это был маленький серый зайчонок. Сначала заяц дичился, все время настораживал уши и никак не хотел признать в Лева своего друга. Но скоро они подружились. Заяц ел из рук Левы траву и все вкусное, чем он его угощал. И не только это. Когда Лева ложился спать на свой топчан, заяц прыгал к нему, забирался под одеяло, видимо, в поисках тепла, так как ночи были холодные. Лева помимо одеяла для тепла сверху клал свое теплое пальто, то самое, от которого в свое время, когда его арестовывали, мать отпорола каракулевый воротник.

Одна из ночей была особенно холодной, и Лева тщательно завернулся в одеяло и накрылся пальто, забыв про своего друга-зайца. Когда он утром проснулся, то обнаружил, что заяц спал вместе с ним. "Как он пробрался?" — удивился Лева. Но когда он встал и взял свое пальто, все стало ясно. На том самом месте, где каторжанам в прошлом пришивали особую отметку, на спине, виднелась большая дыра. Оказывается, заяц сделал это с целью проникнуть к своему другу. Лева огорчился, но на зайца не рассердился. Дыру заштопать не удалось, пришлось пришить заплатку. Зайцу же он решил за зло отплатить добром, по-христиански. В ближайший день, когда Лева пошел на трассу, где работали бригады (в его обязанности входило обход мест работы и проверка техники безопасности), он захватил с собой зайца и выпустил его на волю. Заяц попрыгал около него и поскакал к лесу.

— Счастливого пути! — крикнул ему Лева.

Возвращаясь в стационар, Лева думал: "А вот, если бы были у меня условия, я завел бы себе не одного зайца, а много и занимался бы изучением пересадки сердца одного зайца другому. Это нужно, нужно для людей, для больных, и это будет. Конечно, я не мучил бы зайцев-кроликов, все это под наркозом. Но неужели потому, что я верующий, христианин, не дадут мне заняться научной работой?" Он вспомнил Беломорский канал, свои работы в области медицины, приборы, казалось бы, открытую дверь, которая тут же захлопнулась, как только узнавали, что он баптист. Неужели не дадут, неужели пройдет вся жизнь, и не сделаешь ничего большого, доброго для больного человека, как это сделал Луи Пастер, академик И. П. Павлов. Неужели всю жизнь подражать только третьему "П" (ему хотелось подражать трем "П" — Пастеру, Павлову, ал. Павлу). И ему представился путь Христа, его отвергли, несмотря на всю его любовь и добро, что Он делал людям. Видимо, и нам надлежит быть отверженными, до конца.

По-прежнему большой радостью для Левы было получение писем от матери. Он писал аккуратно и к письмам приклеивал засушенные цветы.

Писали ему только отец и мать. В письмах он отмечал:

"Вы единственные, кто не гнушается вести со мной переписку. Как же мне не ценить вас? Вы единственные, которые утешаете меня, хотя, кроме скорбей, от меня ничего не видите. Здесь, среди людей, я одинок, но я не один, нет. Никогда Бог мой меня не оставит, я не останусь один".

Вскоре Леву перевели в другую колонну, где особенно много было китайцев. Эта колонна была занята не столько земляными работами, сколько разбором скалы, у подножья которой должна была пройти железная дорога. Люди работали ломami, кирками, кувалдами. Их руки были покрыты не только мозолями, но у многих пальцы скрючивались и теряли способность распрямляться. Между мозолями образовывались трещины, через которые проникала инфекция, получались панариции, флегмоны. Лева особенно был занят вопросом лечения рук этих занятых тяжелым трудом людей. Он ежедневно обходил бригады на производстве, делал перевязки, смазывал трещины на руках йодом, метиленовой синькой.

Стояли жаркие дни. Люди, в одних трусах, черные, загорелые, трудились на трассе. Лева, в коротких синих трусах, в белой рубашке и в белой шапочке, с сумкой, перекинутой через плечо, на которой красовался большой красный крест, большую часть времени, свободную от стационара и амбулатории, проводил на трассе среди рабочих. Это был жаркий день. Лева уже направился после обхода производства к зоне, как заметил идущего по трассе незнакомого человека. Он, видимо, кого-то искал. Увидев Леву, он направился прямо к нему.

— Вы Лева Смирнский?

— Да, я.

Незнакомец распротер свои руки, обнял Леву и поцеловал.

— Приветствую, приветствую! Я слышал о вас от Жоры и решил посетить.

— Как, вы — вольный, брат? — воскликнул Лева.

— Да, я брат, но такой же невольный, как и вы. Я работаю геологом, в геологической изыскательной партии, которая производит исследования по ходу строительства этой железной дороги. Наша партия пользуется относительной свободой. Мы идем впереди всех, проникаем через тайгу и определяем, где лучше проложить дорогу. И вот я имею возможность, возвращаясь назад, в управление, видеть братьев. И Господь побудил меня посетить вас.

Эта встреча была для Левы необыкновенной радостью. Брат был из Донбасса. Они присели на уступ скалы и провели тихий час в молитве и беседе друг с другом. Брат рассказал Леве, как долго и стойко братья, донбасские шахтеры, стояли за истину Божию, отстаивали молитвенные дома, собрания. Шел арест за арестом верующих шахтеров, которые всю жизнь честно трудились в Донбассе, как лучшие рабочие. Их обвинили как врагов Советской власти, объявили врагами народа...

— Мы пытались искать правду, — рассказывал далее брат, — хлопотали в Москве, — все бесполезно. Пришло такое время, и нам, христианам, это понятно, а вот люди не могут просто представить, что творится.

Брат делился всем: рассказывал о своей семье и о горячем желании остаться верным Иисусу до конца. Они стоя помолились, поцеловались, попрощались. Лева бегом побежал в зону. Его ждали больные. На душе было светло. Эта встреча с братом, это маленькое свидание — незабываемое. Лева теперь вновь и вновь чувствовал себя уже не одиноким среди людей, он сознавал, что везде и всюду есть братья и сестры, которые не отреклись от Христа, не охладели, не осуетились, но идут тернистой дорогой, и идут за Иисусом.

— Сколько их, где они? — это знает только небо. Это знает любящий Отец, Который с высоты обзирает ныне всю землю, чтобы поддержать тех, чье сердце вполне предано Ему. И среди них был Лева. И это сознание, что любящий Отец смотрит и на него и что Иисус Христос, который одесную престола Божия, ходатайствует о нем и прощает все согрешения, все нехорошее, — наполняло душу Левы глубокой верой, что ни настоящее, ни будущее, никакие жуткие годы, которые, может быть, надвигаются, не отлучат его от любви Божией. И не своей силой, не своим опытом сможет он преодолеть все предстоящее, только силой Возлюбившего.

Он раздавал лекарства в стационаре, принимал больных в амбулатории, а перед его взором стоял брат-геолог, бодрый и радостный...

Глава 17. Добрый Пастырь

"Ибо Он сказал: "Не оставлю тебя и не покину тебя". Так что мы смело говорим: "Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек"

Евр. 13, 5-6.

Работы у Левы было много, свободных минут мало. Нужно было не только лечить больных и предупреждать заболевания, но и следить за санитарным состоянием колонны. И он старался успевать везде. Наблюдение за кухней требовало постоянного внимания. Вот поступила рыба, она весьма соленая и давать ее порциями сразу нельзя, нужно отмачивать. Чистота в бараках, борьба со вшивостью — все это требовало не только наблюдения, но и вкладывания определенной энергии. Он радовался, когда баня работала по графику, люди мылись вовремя. Но вот ломалась печь жарокамеры, это угрожало появлением вшей, и Лева бежал к начальнику, требовал немедленного ремонта печи. Появлялись покосники, противопоносных, вяжущих средств не хватало. Как быть? Он собирал кору черемухи, которая содержит вяжущие вещества, и поил поносников. Результат был хороший.

Заклоченным давали газеты; выбрав свободную минуту, Лева просматривал их. И там он нашел то, что весьма порадовало его. В газетах происходило всенародное обсуждение закона о запрещении абортов. И в результате, по желанию масс, был принят закон, запрещающий аборты, как вредящие здоровью женщин и ведущие к снижению рождаемости.

"Вот, — думал Лева, — на следствии меня упрекали, что я порицал аборты, а теперь сами приняли закон против них. Кто знает, не придет ли время, когда то, что сейчас запрещено — свободно славить Бога — будет разрешено и тяжелые репрессии и обвинения верующих, как злых контрреволюционеров, прекратятся?"

Лева глубоко верил, что над всем есть Бог, который решает все. И Он постановляет и убирает, ожесточает сердца врагов Своих, как некогда фараона, и на них показывает славу Свою. Он убирает тех, которые возносятся, а смиренные идут дальше. И теперь, когда для верующих, кажется, настал конец и все густеет злоба и ненависть против них, Добрый Пастырь обещал не оставить и не покинуть, но ведет Своим нужным путем, для того чтобы истина восторжествовала.

Спать приходилось не всегда хорошо, вызывали к тяжело больным. Неприятностей было много, и нервная система Левы начала сдавать. В своем дневнике он записал: "Неврастения мешает работать". Хотелось чего-то светлого, хорошего, но ничего как будто не предвиделось...

Прибыл этап с центрального лагпункта, некоторые были нездоровы, недавно выписались из больницы и пришли к Леве на прием.

— Уж не знаю, что мне и делать, — говорил один сердечник, тяжело дыша. — Лежал я в больнице, уж какая там врач! Уж так лечила, все отеки согнала, легко стало. Потом пришел начальник санчасти — бородач и выписал нас. Уж эта врач-старушка так жалела и все говорила: "Жаль мне тебя, голубчик, очень жаль, да больше не могу держать сама". Все советы давала и даже на дорогу маслица принесла.

"Голубчиком называла, маслица принесла", — мелькнуло в голове у Левы.

— Так скажи, — обратился он к больному, — как выглядит эта женщина-врач, как ее зовут?

— Такая старенькая старушка, щеки немного с румянцем, всех голубчиками называет; а звать ее Ольга Владимировна.

— Боже мой! — невольно воскликнул Лева, — Так это Ольга Владимировна Рогге, с которой я расстался за Полярным кругом на Кольском полуострове, когда кончил первый срок заключения. Да ты не знаешь, откуда она прибыла и давно ли?

— Прибыла недавно, — сказал больной, — и с этапом с Кавказа. А до этого она была в лагерях на Севере. Сама ленинградский врач.

Сомнений не было. Это была дорогая Ольга Владимировна, вместе с которой он работал в лазарете на строительстве Туломской гидроэлектростанции.

У Левы забилось сердце. По окончании приема он пошел в контору лагпункта и по телефону связался с центральным лазаретом, попросил немедленно вызвать Ольгу Владимировну. И вот — слышит знакомый дорогой голос.

— Кто это, кто это? — спрашивала она.

— Это я, Ольга Владимировна, помните, Смирнский, там, за Полярным кругом, мы вместе работали в лазарете?

— Так где вы сейчас, откуда звоните? Вы ведь освободились, вольный? — спрашивала старушка.

— Нет, нет, я опять заключенный, — кричал Лева в телефонную трубку. — Не удивляйтесь, ведь таков теперь наш путь. А как вы, как ваше здоровье, Ольга Владимировна?

— Работаю, пока на ногах, — отвечала она, — и свободы еще не вижу. До свидания пока, меня зовут к тяжелобольному, — сказала она.

— До свиданья, до свиданья! Непременно постараюсь с вами увидеться. Этот маленький телефонный разговор был для Левы словно лучом света в темном царстве. В своем дневнике он записал:

"Звонил и говорил с Рогге, может быть, удастся работать с ней. Это было бы так хорошо. Нужно подтянуться в терапии. Ее голос не изменился, даже по телефону тот же. Глубокая христианка, а живет как облако, гонимое ветром. Да, так хотелось бы поработать с ней. Ведь она редкостный человек, редкий врач, в наше время нет таких. И как раз в ней есть то, чего недостает мне: кротость, терпение, особая внимательность к больным".

До поздней ночи Лева все занимался с больными: ставил банки, горчичники тяжелым пневматиком и все время думал об Ольге Владимировне. "Вот сколько лет она уже в заключении, люди черствеют, грубеют, а она, как рассказывает больной, и это чувствуется по ее голосу, все такая же нежная, внимательная; недаром преступный мир называл ее матерью, а она всех — голубчиками. У нее настоящее материнское сердце христианки. Но как бы хоть повидаться с ней?"

Лева упросил начальника разрешить ему съездить в управление за медикаментами. Тот вначале отказывал, мотивируя тем, что если что случится, нельзя оставлять людей без специалиста-медика. Но Лева уговорил его, сказав, что санитар у него опытный и вполне сумеет сделать перевязку, а если кто тяжело заболит, положить в стационар.

Большой радостью было для Левы увидеть Ольгу Владимировну. Она тоже очень обрадовалась, увидев Леву. Был уже вечер, когда Лева получил медикаменты, освободилась и Ольга Владимировна, и они сели на скамеечку около барака-лазарета. Ольга Владимировна говорила не о себе, она тихо и сердечно рассказывала о тех больных, которых лечила, которым отдавала всю свою жизнь. Она была та же. Ее единственным желанием было — помочь, облегчить положение страдающих больных.

— Тяжело мне работать, — говорила она, — не потому, что нет отдыха и переутомляюсь, а потому, что вижу, что все мои старания врачебные часто пропадают. Поддерживаешь человека, ночь не спишь, выхаживаешь, и опять попадает он на тяжелые работы, опять начинает задыхаться, отекает. Уж говорила я им, говорила: нельзя, нельзя слабых посылать на тяжелые работы. А они говорят: "Легких работ нет". И тяжело мне смотреть и больно, а что сделаешь?

— А как же приказ "сто Я"? — сказал Лева. — В нем всех предлагают устраивать только по трудоспособности.

— Приказ есть приказ, — вздохнула старый врач, — а в жизни не получается. Грех один, люди не знают, не жалеют друг друга.

Лева делился своими переживаниями. Он говорил, что его нервы совсем ослабли и, добиваясь чистоты, порядка, нередко повышает голос, говорит грубо, резко.

— Да ты, голубчик, попей валерьянки с ландышевыми каплями, — предложила она. — А то мы других-то лечим, а себя-то нет.

— Я стараюсь обходиться без этих капель, — говорил Лева. — Больше стремлюсь владеть собой, в молитве успокаиваюсь.

— Это хорошо, хорошо, — сказала Ольга Владимировна, — но все-таки попей валерьяночку хотя бы с бромом, спокойнее будешь.

Лева не возражал против совета опытного врача-терапевта и сам многих больных лечил бромом и валерьянкой, но лично сам при всех жизненных невзгодах не пил ни одной капли валерьяны и ландыша и не проглотил ни одной столовой ложки успокаивающей микстуры. Было ли это его ошибкой или же нет, но только в вопросах самоуспокоения он для себя больше придавал значение словам Того, Кто сказал: "Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас". В эти дни своим родителям Лева писал:

"Любимые папа и мама! Целую вас и приветствую любовью, ибо ныне пребывают сии три: надежда, вера, любовь, и любовь из них больше. Мало у кого приходится учиться, как любить. Но примеры оставлены в Слове Божьем, из которого мы знаем, как надлежит верить, надеяться, любить... Лучший друг утешает и любит, хотя и недостойн Я Его любви, но чувствую каждый день: Он любит, хранит... "Не был полон любовью и не спас меня, то давно погиб бы в этом мире я". Не знаю, испытываете ли вы тихие минуты, которые были когда-то у нас, когда мы были собраны во имя Его, но я иногда, правда редко, имею подобную отраду во внутреннем человеке. "Не оставлю тебя и не покину" — сколько этим сказано!

Итак, хотя у нас июнь мрачный, все дожди, грязь, — впереди перспективы самые радостные — иметь жизнь с избытком... Хотелось бы слышать о вас, что все вы вместе с мамой радуетесь и здравствуете в общении. Он же, Любящий, усмотрит, что лучше... приятно, когда тяжелый больной поправляется, грустно, когда кто слабнет и чувствуешь себя со всеми медикаментами бессильным ему помочь. Ну, что ж, врач может иногда излечить, часто может облегчить, но утешать он должен всегда.

Как хотелось бы учиться, открывать новые средства, методы, облегчающие страдания больных и предупреждающие их. Восхищаюсь жизнью и трудами Пастера, самопожертвованностью доктора Гааза и других, и хотя нет средств, знаний, условий, но есть горячее желание быть полезным, как были полезны они, и не бесплодно прожить свою жизнь. Но неужели "суждены нам благие порывы, да свершить ничего не дано"? На душе нет пессимизма...

Мои мысли об аборте становятся законными, и, читая статьи с обсуждением Н9вого закона о запрещении аборт, радуюсь, что многие высказываются. А то ведь на эту тему даже в нашей среде мнения разные. Много хорошего принес нам приказ Ягоды номер сто Я. Он имеет колоссальное значение, так что человечность начинает преобладать. Да, побольше бы справедливости, добрых людей, и жизнь станет отрадней. Мы же будем радоваться, за все благодарить, непрестанно молиться. Он верен. Берегите себя, обо мне не печальтесь.

Привет дяде Пете, если будете писать. Желаю полного успеха во всем добром. Любящий Лева".

Строительство Горно-Шорской железной дороги продолжалось напряженно: возводились насыпи, сносились склоны гор. Механизация хотя и была, но в основном все делали человеческие руки, а их неизменными помощниками были — лопата, кирка, лом, кувалда, клинья, тачки. Смотря на все это, Лева невольно вспоминал "Железную дорогу" Некрасова:

"...Столбики, рельсы, мосты,
а по бокам-то все косточки русские.
Сколько их, Ванечка,
знаешь ли ты?.."

И вот Лева сознавал, что среди всех он один из тех, кто должен делать все для того, чтобы меньше было этих косточек по бокам железной дороги. В этом было значение работы медсанчасти, чтобы сохранять трудоспособность людей, да и само высшее начальство говорило о том же.

Люди уставали, приходили в амбулаторию, просили, более того — умоляли дать освобождение от работы. "Как определить, как установить степень утомления человека, факт его переутомления на тяжелой физической работе? — думал Лева. — При чем установить не по жалобам больных, а по определенным объективным показателям. Как установить, что человек отдохнул день-два, и утомление мышц исчезло, и он может работать не в ущерб своему здоровью?"

Лева осматривал больных, осматривал приходивших к нему усталых рабочих на каменных работах, которые давали норму и даже перевыполняли ее. Некоторые давали очень большие показатели, а потом приходили к нему и говорили, что больше не могут, и просили отдыха. И он искал, наблюдал, смотрел. И нашел. Это было открытие. Впоследствии, просматривая руководство по физиологии мышц и работы Бехтерева, он убедился, что его выводы были совершенно правильными.

Он стал определять утомление и переутомление по симптому мышечного валика, который появляется при поколачивании по мышце плеча "бицепс" у работающих. И установил, что когда человек физического труда переутомлен, этот мышечный валик ярко выражен, когда же человек отдохнет, он исчезает. Если рабочий отдохнул недостаточно и силы его не восстановились, то мышечный валик держится. Лева произвел многочисленные наблюдения. Наблюдал мышечный валик у разных больных, лежавших в стационаре, силы которых не восстанавливались; например, у туберкулезников, состояние которых ухудшалось, и он видел появление мышечного валика у них и на мышцах груди.

Это открытие очень помогло Лева в работе на амбулаторном приеме. Он видел, где человек действительно нуждается в отдыхе, и, предоставляя ему отдых, по исчезновению мышечного валика определял, что силы восстановились, и направлял его на работу. Он собрал большой материал о мышечном валике, как симптоме утомленной и переутомленной мышцы. Полученные выводы он направил в санотдел Сиблага.

Он писал об этом в научные медицинские институты Москвы, но никакого ответа не получил. Это был глас вопиющего в пустыне.

Лева вполне сознавал всю важность сделанного им наблюдения для определения трудоспособности, своевременного отдыха работающих физически. Но ему никак не удавалось продвинуть свои выводы, в верности которых он нисколько не сомневался, И когда он задумывался, почему к нему такое пренебрежение, он понимал: ведь это пишет просто фельдшер, обратит ли кто на него серьезное внимание? Ведь это пишет заключенный, и какой заключенный! Несомненно, те, кто наблюдал за всем и за тем, что исходит от заключенных, с особым пренебрежением относились к нему, как к представителю "баптистского мракобесия".

И вновь, и вновь Лева сознавал, сознавал до боли, и не мог успокоиться, и что бы он ни предлагал, ни открывал, для него все пути отрезаны. Единственное, чем можно было утешиться, это то, что некоторые его предложения и медицинские идеи, будучи использованы другими, которые выдадут их за свои, продвигаются в медицинскую практику для общего блага. В будущем это так и происходило неоднократно.

Лева работал не покладая рук, и вдруг приезжает начальник санчасти и говорит, что организуется отдельный участок, где для заключенных будет устроен дом отдыха. Туда будут направляться самые лучшие работники, дающие самые высокие показатели.

Ввиду того, что там нужен полный порядок, он назначает Леву фельдшером этого дома отдыха. Отказываться не приходилось, так как распоряжение начальства есть приказ для подчиненных.

И вот Лева на работе в доме отдыха для заключенных. Этот дом был выстроен в чудесном по красоте месте на берегу речки, у склона зеленой горы. Здесь было всего два небольших барака, кухня. Конвоя совершенно не было, а только начальник дома. Чудесная природа, речка, лодки для катанья, улучшенное питание — все было создано для того, чтобы заключенные, давшие высокие показатели в труде, могли отдохнуть.

Лева всячески старался, чтобы в комнатах дома отдыха было все красиво и чисто. Марлю красили в желтый цвет — акрихином, в голубой — метиленовой синькой, и из нее делали занавески на окна. Здесь у Левы должен был работать не санитар, а прибыла заключенная медсестра, специально выбранная начальником санчасти.

Приехали отдыхающие, заиграла гармонь, крики, игры наполнили воздух. Приехала агитбригада, чтобы развлекать и веселить отдыхающих.

Темнело. У печки, на уступе скалы, сидели двое. Это были друзья — Лева и Жора.

— Мне тяжело здесь, очень тяжело, — говорил Лева. — Кругом одно гулянье, праздность, лечить некого, только наблюдай за санитарией. Просто грех один.

— Я понимаю тебя, — говорил Жора. — Мне тоже очень тяжело жить с артистами агитбригады, но что поделаешь? Видимо, нам нужно терпеть. Я имею отраду, что встречаю тебя и братьев. А теперь у меня еще одна радость: я близко познакомился с врачом-старушкой Ольгой Владимировной.

— О, ты знаком с ней! — воскликнул Лева. — Как это хорошо!

— Это необыкновенно, — ответил Жора. — Она исключительно христианская душа. Я вечерами прихожу к ней, и мы вместе выходим, садимся на скамеечку и читаем Евангелие. Я убедился, что она хотя и православная, но Христос для нее необыкновенно близок, так же как к нам. И я просто отдыхаю душой, когда мы вместе с ней беседуем о жизни Христа.

— Я очень ценю ее как врача и как христианку, — заметил Лева, — и она для меня пример. Но мне как-то не пришлось с ней много говорить о духовных предметах, как тебе, и мы вместе с ней не читали Евангелие, когда я работал с ней в одном лазарете в Заполярье.

— Я убежден, — сказал Жора, — что искренно верующие, любящие Христа души есть не только среди нас, евангельских христиан-баптистов, но и среди других христианских исповеданий, только каждому открыто по-разному.

— Я тоже убежден в этом, — произнес Лева, — и знаешь, у меня даже появляются такие мысли, что Вселенская Христова церковь состоит не только из нашего братства, но туда входят все, которые молятся Богу и ради Христа просят прощения грехов своих, признают Христа как личного Спасителя.

Жора на это ничего не ответил, не возразил, задумался, а потом тихо сказал:

— Дай Бог, чтобы это было так. Но все-таки до этого мы понимали, вернее — тешили себя уверенностью, что только мы, баптисты, являемся настоящей церковью — живой, а все остальные — мертвые, неспасенные. В этом свете нам предстоит какая-то переоценка ценностей, что-то по-новому продумать, переосмыслить. Впрочем, я понимаю, мы поем такой гимн:

"Не храм, не золотое зданье, не круг отобранных друзей, — Христова церковь есть собранье крестом искуПЛенных людей".

И в этом гимне есть такой знаменательный стих: "Собранье душ из всех народов, со всей земли и всяких царств, из хижин, из-под пышных сводов, из общих всех и всяких паств..."

Они тихо беседовали, и глубокая вера, что Господь силен спасти в различных христианских исповеданиях, разгоралась в сердцах их.

Агитбригада вскоре уехала, и Леве стало особенно не по себе в этом доме отдыха, где люди, отдыхающие и праздные, хорошо питающиеся, заполняли время пустыми, грязными анекдотами. Лева видел, как похоти, грех поднимали голову. Он понимал, что его духовная жизнь здесь находится в страшной опасности.

Приехал начальник санчасти. Он осмотрел все и, видимо, ожидал, что Лева будет особенно благодарен ему за то, что он предоставил ему такую легкую работу. Но Лева не благодарил, а высказал "еретическую" мысль, что подбор отдыхающих не совсем правилен, что сюда нужно посылать тех, кто действительно нуждается в восстановлении здоровья. За это подобие "критики" начальник на Леву рассердился и потом, делая обход, заглядывал во все углы, находил сор, непорядок и уехал в самом раздраженном виде на Леву.

Не прошло и нескольких дней, как явился конвоир и сказал, чтобы Лева собирался с вещами. Лева не испугался, не смутился, а, наоборот, горячо благодарил Бога за то, что избавил его от этого места праздности и греха. Лева видел, что Добрый Пастырь ведет его дальше для того, чтобы спасти от верной гибели.

Его перевели в большую колонну, где было много фельдшеров и работа была особенно трудной по причине многочисленного разнообразия контингента заключенных. Лева писал домашним:

"Как видите, жизнь моя в основном в движении. По молодости это ничего: "вода ничем не дорожит, но дальше, дальше все бежит". Да, странник и пришелец на короткое время, но ничего! Камень, когда катится, мхом не обрастает, бывает наиболее свободен. Мы знаем, что не только земля под ногами, под нами, но и небо над нами, и наша жизнь обуславливается не только суетой людской, но беспредельной любовью Доброго Пастыря, нашего Господа, Который вчера, и сегодня, и во веки Тот же...

Вы пишете, что надеетесь на хорошее для меня. Это так, но многое зависит от содержания добра в людях. Пока меня будут причислять к злодеям, участь одна, и ни шагу дальше, лишь только Он может открыть глаза, чтобы увидели, что мы не вредные, но так же ценные, как все любящие труд и правду люди, а пока все, что от Него, подлежат уничтожению. Но это не значит, чтобы падать духом и переходить в уныние, наоборот — спокойно смотря в глаза действительности, знать, что Он силен, и верующий в Него не постыдится. Итак, радуйтесь!

На каждом новом месте приходится привыкать, акклиматизироваться. Хорошо, что работы много. Читать почти ничего не приходится. Живу внутри себя, как пели: "Я к людям не пойду с тоскою, им мало дела до других, но пред Тобой склонюсь главою и отдохну у ног Твоих..."

Верно писал Всеволод Ив. Петров, что удары жизни полезнее, лучше ее ласки, но все время жить под серым небом и не видеть просвета не так приятно. Не думайте, что моя жизнь глуха и беспросветна, бывают и солнечные дни, но что из меня получится, когда вся юность проходит, и как проходит! Но все это человеческое: "Что унываешь и что смущаешься, душа ты моя, уповай, и я буду еще славить Его".

Иной жизни, как только с Ним, не нужно... Всем привет любви. Целую. Будем просить Могущего помочь, ибо помощь человеческая суетна.

С любовью, верный Лева".

Мама писала аккуратно. Изредка писал отец, который по обстоятельствам, от него не зависевшим, не мог жить в самом городе, а работал в отделении по Волге, посещая семью изредка. Эти весточки были большой радостью для Левы, и он всегда старался отвечать на них, но переезды из одной колонны в другую нарушали доставку почты. В одном из следующих писем Лева сообщил, что находится опять на новом месте, и писал:

"Все изменчиво, но верность Его та же. Каждый день нашей жизни, проведенный под руководством любящего Господа, подтверждает, что Он вчера, и сегодня, и вовеки Тот же. Как хорошо и как приятно быть с ним. Если я один среди окружающих, то и это делает Бог, больше ищешь близости к Нему. Хотя псалом 38 не только читаешь, но и

переживаешь; печали же бывает все-таки меньше, чем спокойствия и мира в надежде. Не знаю, как вы живете в эти дни (жду от вас писем на новое место моего скитания), но я чувствую себя прекрасно. Хорошо летом, правда много дождей и грязи, и сегодня только к вечеру появилось солнце, но так хорошо кругом: зеленые горы, покрытые высокой пихтой, березами, пышно растет густая трава, масса цветов, и V меня в комнате на столе цветы: белые, синие, голубые. Хожу по трассе строительства — глиняные насыпи, камни, скалы. Конечно, это нельзя сравнивать с Беломорско-Балтийским каналом, где так кипело дело. Местность гористая, так что за день находишься по горам. Прошое лето почти все время был за проволокой, движение же так необходимо. В жаркие дни хожу в спортсменках, белых носках, синих трусах, в белой рубашке, купаюсь в речке. Я противник трусов в условиях города, но на природе — "солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья". Читать приходится мало, но нужно, так как для поступления в вуз нужны знания. Просил культурно-воспитательную часть снабдить меня соответствующими учебниками, но у них как будто нет. Но это меня не смущает, знаю: Он силен и, когда нужно, устроит все. Итак, обо мне радуйтесь, я ни в чем не имею с Ним нужды.

Как-то вы живете? Как твое здоровье, дорогая мама? Имеешь ли ты в это лето отдых и спокойные дни в общении с папой на лоне природы? Или все суета города: рано встать на работу, усталая приходишь. Для чего это нужно? Имея пропитание и одежду, можно довольствоваться этим. Как текут дни, что читаешь?" И далее:

"Как твое здоровье, близкий по прошлому и будущему папа? Радостна ли твоя жизнь? Скоро ли мы свидимся с тобой? Жаль, что в те дни, когда я был в ваших краях, мало было нашего общения. Конечно, сидя все время за книгами, в этом виноват я. Надеюсь, что когда свидимся, то будем иметь более тесное общение. Как проводит свою юность Веня, Лиля, Леля, Сима? Что хорошего в их жизни? Какая обстановка в вопросе об учебе? Какая температура их внутренней жизни? Хотелось, чтобы они в семье имели тесную домашнюю церковь, как это было в первые века веры, и устраивали из себя дом духовный, возрастая в познании Призвавшего нас в чудный Свой свет. Оторванность по работе, кажется, не дает вам часто видеться, но все-таки вы вместе и имеете общение у ног Его. Какая погода? Привет дедушке брату Ладину, часто вспоминаю о нем".

Он приходил в собрание всегда пораньше и напевал один и тот же гимн: "В край родной, в край родной, в край мира, счастья, тишины стремлюсь я всей душой". Старичок Ладин был преданный, верный христианин. Еще в 1929 году он перенес тюрьму и ссылку. До конца своих дней не расставался со своей пришедшей в! ветхость Библией и вместе с женой-старушкой славил и воспевал Господа. Дети его получили высшее образование, но о стариках-родителях не заботились. Во время Отечественной войны они жили в нищете. Ладин открыто в очередях проповедовал Христа и в эти годы отошел к Господу.

Привет всем любящим Любящего. Особый привет Лиле с пожеланием расти и крепнуть.

Целую всех вас. С любовью Лева". Ненадолго был и в этой колонне Лева. Приехал начальник санчасти — борода. К постановке медицинской работы придаться не мог, ее проверяла пожилая жена начальника — врач, но санитарное положение он проверял сам. И, конечно, при желании можно было найти где-нибудь паутину, и он нашел.

— Это что висит? — обратился он строго к Леве. — Что смотрите? Такая паутина, на ней можно вас повесить!

Лева отлично понимал, что суть дела не в паутине. Нерасположение начальника объяснялось тем, что он не благодарил его за дом отдыха, а наоборот, высказал критические замечания. Кроме того, заключенные намекали Леве, что начальник, имея положительную жену, вел распутный образ жизни и имел свои намерения в отношении дома отдыха. При Леве же это ему не удалось. "Борода" остался очень недоволен Левой и сказал, что переводит его в другую колонну.

Не прошло и нескольких дней, как Лева собрался с вещами и поехал дальше. Он попал в колонну 20. В этой колонне была выстроена районная больница, куда привозили

больных с разных участков строительства. Ее обслуживал врач Тишин. Это был невысокого роста плотный, пронырливый человек, сидевший за какое-то уголовное преступление. Он очень приветливо отнесся к Леве и сказал, что берет его к себе в больницу своим помощником. Это весьма поразило и порадовало Леву. Он понимал это не иначе, как милость Доброго Пастыря, Который устраивает все к лучшему. Ведь начальник санчасти хотел ему досадить, перевел его в эту огромную колонну не для того, чтобы, может быть, он работал в больнице, а был бы при амбулатории безвыходно.

— Ты не беспокойся, — говорил врач Тишин, — начальника не бойся. Ведь он совсем не врач, я все знаю, он и его жена были в заключении на Колыме, а потом завербовались. Он фактически просто лагерный фельдшер. Его лагерная администрация не уважает, а меня уважает, я как скажу, так и будет.

В районной больнице были дежурные фельдшера, медсестры. Тишин взял Леву на обход и попросил его при нем осматривать больных и давать назначения. Леву это несколько смутило, он вел самостоятельно небольшие стационары, любил хирургию, а в терапии чувствовал себя не так уж крепко. Он подчинился начальству и стал при нем осматривать больных, делать назначения, которые дежурная сестра тут же записывала на фанерную доску. По некоторым вопросам он советовался с врачом. Когда они вернулись с обхода, Тишин сказал, что назначает Леву старшим фельдшером, своим заместителем по больнице. Как Лева ни отказывался, врач говорил:

— Я умею определять людей, я вижу ваше отношение к больному, вижу, что вы понимаете, и все будет хорошо.

Начались трудовые дни. Доктор Тишин был занят не только, работой в райбольнице, но считался районным врачом и присутствовал на приемах в амбулатории, выезжал в другие колонны, там осматривал больных и назначал на госпитализацию, проводил медицинские комиссии. Скоро он убедился, насколько добросовестный Лева, и работу в больнице целиком доверил ему. Теперь в основном у Левы была чисто лечебная работа. Это давало ему большое удовлетворение, и он вкладывал всю душу и сердце в то, чтобы восстановить здоровье больных.

Было немало тяжелых пневмоников. Крупозные воспаления легких тогда не были редкостью. Особое значение в то время придавалось инъекциям камфоры, так как считалось, что она проникает в легкие и не только поддерживает сердце, но особо специфически помогает в лечении. Лева заметил, что те больные, которые получили инъекции камфоры на ночь, беспокойно спят, особенно возбуждены. И он давал беспокойным больным бромистые препараты, снотворное, назначая на ночь камфору только в тех случаях, когда начинало сдавать сердце. Это улучшало исходы заболеваний. Больные требовали всегда особого внимания, и Лева радовался, когда его усилия оказывались не тщетными и многие выздоравливали.

Шли недели, месяцы. Наступила холодная осень, потом повалил снег. За работой у Левы недели мелькали, как один день. При всей большой занятости Лева всегда начинал день с горячей молитвы к своему Спасителю, Доброму Пастырю, Который дивно вел его и явно помогал ему во всем. Лева отлично сознавал, что не будь он христианином, он не был бы таким прилежным, честным работником, для которого недопустимы праздность, обман и недобросовестность.

Лева часто жаловался доктору Тишину, что ему не хватает знаний, что он не получил вузовского образования.

— Ничего, ничего, — говорил Тишин, хитро улыбаясь, — ты вот что: пиши домой, чтобы тебе прислали больше руководств, учебников — не фельдшерских, конечно, а институтские: патофизиологию, физиологию, внутренние болезни. И вот, зимой вечерами будет посвободней, мы с тобой вместе подзаймемся.

Лева не замедлил написать маме, чтобы ему купили и прислали руководство для врачей. Скоро он получил желанную посылку. Книгам был рад и Тишин.

И вот наступили вечера, когда в комнате доктора Тишина стали аккуратно заниматься.

— Ты не думай, что я врач и все хорошо знаю. Учился я в Томском институте, но так, чтобы только сдать. Мой основной интерес в жизни — это гулять и наслаждаться. Ведь жизнь дается только один раз. Ну, и жил я, нужно сказать тебе, весело. Девчата на каждом шагу.

Скоро на занятиях по патофизиологии Лева убедился, что действительно врач как бы заново проходит эту дисциплину. Но Леву особенно радовало, что в результате этих занятий его медицинский кругозор расширялся и углублялся.

Иногда Тишин прерывал занятия и начинал рассказывать о своих похождениях. Лева старался его не слушать, но он понимал, что Тишину делиться кроме него было не с кем, а его, Леву, он считает своим другом и поэтому рассказывает о себе в полной мере откровенно. Знал ли врач, кто такой Лева? По всем данным знал, но не подавал виду. Лева же со своей стороны молчал. Это было позорное молчание, но в те годы была такая атмосфера, что все верующие, повсюду, за исключением разве отдельных светочей, совершенно молчали, тихо делились друг с другом при встречах. Это состояние лучше всего можно выразить стихами 38-го псалма (2—8 ст.):

"Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе несчастный предо мною".

"Я был нем и безгласен и молчал даже о добром; и скорбь моя подвигалась".

Лева не беседовал ни с кем, был совершенно замкнут в своей внутренней духовной жизни. Единственной отрадой был для него приезд агитбригады, когда он мог иметь несколько часов братского общения с дорогим братом Жорой.

Лева знал, что одним из фельдшеров в больнице был молодой священник, разумеется бывший. Остриженный, как все, в арестантской одежде, он ничем не напоминал собою священника, но был сдержанным, задумчивым, аккуратным в исполнении, и Лева нередко представлял себе, что он про себя молится. Но подойти и сказать ему хотя бы несколько слов, спросить Лева не решался. Ведь кругом были "пшики", и каждый подобный разговор могут расценить как религиозную пропаганду, а она в условиях лагерей тогда особенно преследовалась.

Доктор Тишин не скрыл от Левы, что он жил с медсестрой Раей, и не только с ней одной, но, посещая другие колонны, имел там связь с другими женщинами.

— Я не могу, не могу, — говорил он. — Ведь это единственное удовольствие в жизни. Ну, еще десять лет проживу, и это кончится. Нужно пользоваться тем, что есть.

На все подобные рассуждения Тишина Лева молчал. Он понимал, что люди, впавшие в грех, не могут иметь и не видят в жизни ничего лучшего, светлого.

За зоной находилась большая прачечная. В ней работали заключенные женщины. Лева изредка, по поручению Тишина, ходил проверять за зону качество санобработки и стирки. Другим фельдшерам, которые это делали, врач не совсем доверял и для контроля посылал Леву. Бывая в прачечной, Лева среди прочих заметил одну молодую девушку, краснощекую, круглолицую, которая не шумела и не кричала, как прочие, в ответ на его замечания, но была как-то особенно молчалива.

— Вы откуда? — как-то спросил Лева.

— Из-под Москвы.

— А за что попали сюда?

— Нам приписали контрреволюционную организацию и агитацию, — ответила она, потупив глаза.

— Так что же вы, и в самом деле боролись с Советской властью?

— Нет, мы совсем не против власти.

Девушка отвернулась и стала прилежней стирать. Лева отошел в сторону и стал разговаривать с армянином — заведующим прачечной, но мысли его были прикованы к девушке. Что-то подсказывало ему, что это, вероятно, верующая сестра.

Выбрав удобную минуту, когда около нее никого не было, он подошел к ней и прямо поставил вопрос:

— Вы верующая? Вы сестра?

Девушка задрожала, испугалась, однако не посмела отречься и тихо сказала:

— Да, я из евангельских христиан-баптистов.

— Не бойтесь, — тоже тихо сказал Лева, — я брат ваш, тоже люблю Иисуса. Как вы бодрствуете?

Девушка покраснела и, не поднимая головы, ответила:

— Не совсем. Молюсь Богу, прошу сил, но кругом мир, давно не вижу верующих.

— Родители ваши верующие?

— Да, верующие, у нас была хорошая небольшая община. Я с детства возрастала, ходила в церковь. Была молодежь.

— Много вас арестовали?

— Да, мы собирались, несколько человек взяли старших и меня с моей подружкой.

— А где ваша подружка?

— Она отбывает срок в другом лагере.

— Ну, бодрствуйте, сестра, молитесь. Вон идет ваш заведующий, я пойду...

Снова наступила холодная зима. Больница была переполнена, для больных были выделены еще дополнительные помещения.

Неожиданно приехал начальник санчасти. Он обошел помещения больницы. Врач Тишин всячески хвалил Леву, и начальник на этот раз остался доволен им.

— У нас очень много слабых больных, — говорил Тишин. — Нужно их прокомиссовать и сактировать, они совершенно балласт для нашего лагеря.

— Хорошо, — сказал бородач. — Я сейчас позвоню, к нам привезут сюда врача Рогге, и мы прокомиссуем.

Для Левы было большой радостью увидеть вновь дорогую Ольгу Владимировну, хотя для разговора с ней у Левы совершенно не было времени, приходилось напряженно работать, отбирать для комиссии самых слабых, подготавливать их истории болезни. Ольга Владимировна также не имела ни минуты свободной. Она с Тишиным осматривала больных и составляла акты. Но уже одно то, что Лева видел Ольгу Владимировну, слышал ее голос, было для него праздником.

Комиссовку кончили ночью. Несмотря на свою старость и усталость, Ольга Владимировна по-прежнему была со всеми заключенными больными особенно ласкова, заботлива, все так же каждого называя "голубчиком".

"Вот, — думал Лева, — она провела в заключении многие годы. Казалось бы, можно огрубеть, очерстветь. Но нет. Несмотря на усталость и старческие годы, она вся светится любовью и состраданием к людям. И это потому, что она истинная христианка. Любовь Христа делает ее таким чутким, настоящим врачом".

Начальник санчасти, словно угадывая мысли Левы, сказал:

— У нас Ольга Владимировна особый человек. Некоторые считают, что она просто чудачка. А я считаю, что она — воплощение неземной доброты. Мы ее, конечно, на амбулаторные приемы не ставим, иначе она всех от работ освободит. Всех жалеет, каждого симулянта считает больным.

— Да, да, — подтвердила Ольга Владимировна. — Если человек симулирует, значит, он болен. Нормальный, здоровый человек не будет симулировать, он будет работать.

— Но так или иначе мы возбудим ходатайство о досрочном освобождении Ольги Владимировны. Вот придет суд, и дела лучших работников будут пересматривать, а их освобождать. И среди лучших работников администрация утвердила Ольгу Владимировну, а мы дали ей отличную характеристику.

— Она достойный человек, — сказал доктор Тишин, — И я вас, Ольга Владимировна, заранее поздравляю с досрочным освобождением. Я уверен, что вас освободят.

Лева ничего не сказал, только в душе помолился: "О, Господи, Ты Добрый Пастырь, и Ты можешь сделать, и Ты сделаешь, чтобы Ольга Владимировна была свободна".

В своем медицинском дневнике Лева записал: "Ольга Владимировна исключительный человек. Восхищаюсь ее терпением и внимательностью к людям. На прощанье она дала мне такие советы: помогать больному человеку, уткнуться в книги и быть хорошим помощником людям. Как-то отрадней становится, загораешься снова после общения с нею. Да, это исключительный человек. Итак, воспитывать в себе любовь к книге, неуклонно стремиться к приобретению знаний и с большим вниманием относиться к людям и к их недомоганиям. Он поможет, все в Нем!"

Это свидание с Ольгой Владимировной было у Левы последнее.

Лева был постоянно занят, тем более что доктор Тишин часто отсутствовал, был в разъездах. Однажды к нему пришел начальник колонны и сказал, что ему нужно поговорить с ним по секрету. Когда они остались одни, начальник сказал, что требуется медицинская помощь, но такая, чтобы это осталось в тайне. Лева, конечно, дал обещание ничего не разглашать.

— Дело такого рода, — сказал начальник. — У нас неблагополучно в прачечной. Во всем виноват, конечно, зав.прачечной. Оно и понятно. Ну, там женщин много, и, конечно, не устоишь. И вот, он сошелся с одной, и она забеременела. Пришел он ко мне с повинной и говорит: "Что хотите делайте, но помогите". Одним словом, нужно сделать аборт. Сейчас аборт запрещены, так что это надо сделать потихоньку. Беременность, говорят, небольшая, может быть, вы дадите хины, это подействует.

Лева оказался в самом неприятном положении. Он начал говорить, что он абсолютно не специалист по абортам и не гинеколог и что хины вообще он дать не может, всем распоряжается доктор Тишин.

Спустя некоторое время Лева узнал, что Ольга Владимировна была освобождена и уехала в Ленинград. Прошли годы. Однажды Лева читал газету "Медицинский работник". На последней странице была заметка: "Суд. Преступление врача". В Ленинграде врач скорой помощи, которая несла обязанности старшего врача, на вопрос по телефону: "Что делать с больным, у которого болит живот?" — дала советы, но не выслала к больному машину скорой помощи. В результате больной умер. Суд обвинил врача в преступной небрежности и признал виновным в смерти больного. Суд приговорил врача к тюремному заключению. Врач этот была Ольга Владимировна Рогге. Эта статья ошеломила Леву. Как? почему? Это Бог допустил? И это случилось с самой чуткой, с самой любящей! Непостижимо, непонятно! Лишь в начале войны 1941 г., когда Ленинград оказался в голодной блокаде, Лева понял, что если Ольгу Владимировну, как заключенную, вывезли из Ленинграда, то где бы она ни была, она будет жива, будет продолжать жить и оказывать любовь людям, пока не наступит для нее срок — перейти в лучший мир и оказаться, по словам Левы, "у ног Иисуса".

Начальник встал и сказал, что он пришлет эту женщину в больницу и надеется, что все-таки ей окажут помощь.

К вечеру эта прачка пришла в больницу. На кушетке перед Левой сидела, заливаясь слезами, его сестра из Подмосковья.

— Как же, как же так получилось? — сокрушался Лева. Она ничего не отвечала, а только плакала, плакала.

— Что же, вы хотите делать аборт? — спросил он.

— Нет, ни в коем случае. Это будет второй грех, — всхлипывая, отвечала она.

Когда немного успокоилась, она рассказала, что этот армянин так приставал к ней, так обещал не оставить ее, жениться на ней, так ласкал ее, что в конце концов она не устояла.

— А вы знаете, ведь он обманывал вас, ведь, несомненно, он женатый человек.

— Не знаю, не знаю, только он обещал меня не оставить...

– Значит, вы не хотите делать аборт? Это лучше. Я так и скажу начальнику, что нашей помощи здесь не потребуется.

– Так и скажите. Я не хочу еще грех на душу принимать — убивать ребенка.

– Вы молитесь?

— Молюсь, молюсь. Но как мои папа и мама узнают? Община? — И она снова залилась слезами.

Лева молчал. Он ничего не мог ей сказать. Сказать ей: "Кайся"? Но он видел по всему ее состоянию, что она глубоко сокрушается и оплакивает свое падение. Думать, что Бог не простит ее или оттолкнет ее, он не мог, он знал, что Иисус тот же. И как на земле Он прощал и исцелял всякое сокрушенное сердце, так и ей, конечно, сможет протянуть только руку милости. Лева не представлял, чтобы кто-нибудь из верующих мог бросить камень в нее, несчастную. Ведь Сам Христос сказал этим лжеправедникам, когда они привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии: "Кто из вас без греха, первый брось в нее камень". И даже надменные фарисеи, книжники не смогли после этих слов поднять на нее руку. Думать о том, что мы без греха и не согрешаем в мыслях, чувствах, делах, — это, как говорит ап. Иоанн, обманывать самих себя. И Лева знал себя, свои недостатки, падения, и Слово явно говорило, что тот, кто согрешил перед Богом в чем-либо одном, одинаково неповинен перед Ним. И только скорбь, глубокое сочувствие и соболезнование наполняли его душу, когда он смотрел на эту плачущую сестру. Он дал ей несколько медицинских советов в отношении ее здоровья и сказал, что у Бога много милости, — гораздо больше, чем у людей, и молитвы Он слышит.

Из дома Лева получил письмо от мамы и открытку. В ответ писал:

"Приветствую вас словами мирной надежды, которая дана нам в словах: "Вы примите силу", и бодрая радость наполняет сердце от сознания, что любящий Господь не оставил нас сиротами. "Да не смущается сердце ваше". Не вечно нам быть бессильными, не приносящими пользы. Сила рождается в труде...

Жизнь мало радости несет тебе, мама. Кажется, все это сон и хочется встряхнуться. Было и у меня подобное состояние в начале первых уз. А теперь привык и не вздрагиваешь, а спокойно смотришь на жизнь. Да, так нужно, такой путь, и хорошо, что я здесь. Ну, представьте, что я у вас дома. И фактически всеми оставленный: и семейными, как ты пишешь — Лиля ушла в парк культуры, Леля в театр, Веня не возвращается из школы; ты одна, и я был бы один. Хорошо бы нам провести время вместе, как на горе, но Он ведет нас долиной, и в этом суть жизни. Нет ничего лучше, как довольствоваться Иисусом и не искать своего. Он усмотрит все. — Дядя Петя сидит в Астрахани. Возможно, это лучше для его детей. Обо мне не беспокойтесь. Здесь много черемши, это трава, по вкусу наподобие чеснока. Собираем, едим с супом — источник витамина С. Эту траву заготавливаем и на зиму в бочках.

С любовью непрестанно вспоминаю о вас, утешаюсь, что это временная разлука — ничто в сравнении с нескончаемым свиданием, которое мы будем иметь. Крепко целую. Лева".

На колонну прибыл этап.

Среди прибывших был старый знакомый Лёвы, "пахан", вор-повар, который раздавал суп в той, первой колонне, куда Лева был направлен вместе с другими отбросами лагеря. Звали его "Фан Фаныч".

– Ну, как поживаете, Фан Фаныч? — спросил его Лева.

– Да так вот, едва выбрался к вам.

– А что такое?

– А вот, поссорился со своими жуликами, и они поклялись меня убить.

И тихо на ухо Лёве он добавил:

— Меня проиграли в карты.

Когда воры выносят приговор — убить кого-либо, они играют в карты и проигравшему поручают совершить убийство. Если он не сделает этого, его самого убивают. Таков один из воровских "законов".

Шли дни. Лева не имел ни минуты свободной, так как ему поручили еще участие в лагерных разводах и медицинскую проверку отказчиков на работу.

Как-то после развода Лева зашел в контору. Там было несколько человек. Счетные работники сидели над бумагами за своими, столами. Несколько человек ожидали у дверей кабинета начальника. Лева подошел к телефону, чтобы передать в управление сводку о количестве освобожденных от работы, как вдруг заметил вошедшего Фан Фаныча. Он был как-то по-особенному бледен и присел у стола. Вдруг один из стоявших в очереди к начальнику выхватил из-под рубашки маленький топорик и, размахнувшись, ловким, сильным ударом рубанул Фан Фаныча по шее. Он упал, хлынула кровь. Лева бросился к раненому. К счастью, позвоночник перерублен не был. Удар оказался скользким и перерезал шейные мышцы сзади с одной стороны. Главные сосуды были целы. Хирурга на их участке не было, и всю амбулаторную хирургию, требующую неотложной помощи, делал Лева.

Раненого перенесли в амбулаторию, и тут Лева пришлось сшивать мышцы, кожу и затем поместить пострадавшего в районную больницу. Отправить Фан Фаныча в центральную больницу управления начальство не решалось, так как о нем было сообщено везде и его везде могли убить.

Здесь же убийца был изолирован, другие жулики не были уполномочены убивать его: не проигрались.

Раненый температурил, но все-таки выжил. Рана зажила первичным натяжением (без нагноения). Лева знал, что как только он оправится, его спецэтапом отправят в другой лагерь, где он неизвестен, и жизнь его будет в безопасности. А здесь он все время ожидал смерти.

В чем была его вина перед жуликами? Нарушил ли он воровские законы или продался оперуполномоченному и стал "сексотом" (доносчиком), — Лева не знал. Видя его положение, как загнанного зверя, он не мог не сострадать ему. Казалось бы, Лева нужно было сказать ему о Спасителе, о Христе, о том, что Христос прощает всякий грех и дает новую жизнь, но Лева молчал. И ведь в это время не только этот Фан Фаныч, но и все находящиеся в заключении были во многих отношениях обреченными, отверженными и так нуждались в Спасителе. Но ни он, ни другие братья не проповедовали Христа Спасителя. Если М.Д.Тимошенко делал это, привел ко Христу грешников и получил за это теперь новый срок, то, как говорил об этом брат Жора, за последнее время и он замолчал в благовестовании Евангелия.

Страшные, жуткие годы как кошмар нависли над многомиллионной страной. О верующих не слышно, общины закрыты, осталась только одна община евангельских христиан в Москве. Ее возглавлял брат Орлов, он один вел собрания, один проповедовал, пользуясь особым уважением власть имущих. И никакой вести о спасении.

Казалось, неверие, атеизм торжествовали. Церкви, общины не существуют. Никто не проповедует Евангелие... Да, бывают в истории народов темные ночи, о которых Христос сказал: "Приходит ночь, когда никто не может делать" (Иоанн, 9,4).

И души людские гибли, гибли навеки.

Фан Фаныча отправили. В колонну прибыло много преступного элемента. Преступный мир жил своей жизнью, своими законами. Старые воры — "паханы" командовали ворами и бандитами. Их начальство ставило бригадами и вынуждено было с ними считаться. Через них оно старалось приучить воровской мир к труду. Лева знал их всех, и они (воры) знали его и знали, что он отбывал не первый срок. Так или иначе все вопросы с ним старались улаживать мирно. Приезжавшие же новые воры часто пытались брать Леву "за горло", но он не чувствовал страха перед ними и делал что мог, а там, где

нельзя, прямо говорил "нельзя". Лева знал, что и волос не упадет с головы без воли Отца, и действовал смело.

Как-то в лагерь прибыл один вор. Ему здесь не понравилось, и он пришел в амбулаторию и потребовал, чтобы его выписали в этап, который как раз собирался к отправке.

— Иди к начальнику, — сказал Лева, — он выписывает, у него формуляры заключенных, а мы только проверяем здоровье.

— А я говорю: включите меня в этап! — грозно сказал бандит и сверкнул глазами.

— Не могу.

— Не можешь?! — И, показывая нож из кармана, направился к Лева.

Лева не испугался. Он бросился к бандиту и сказал:

— На, режь! Ты знаешь, что ты делаешь? Мы все делаем, чтобы поддержать ваше здоровье, лечим, кладем в больницу, а ты хочешь наплевать в тот колодец, из которого пьешь. Подумай! — твердо произнес он, смотря прямо в глаза бандиту.

Тот спрятал нож, выругался и ушел.

Грех, злоба, страдания — пропитывали все.

Вернулся Тишин из командировки и включился в медицинскую работу. Он проводил медицинские осмотры женщин лагеря. Вечерами, когда Лева сидел у него и читал учебник "Внутренние болезни", Тишин делился своими похождениями.

Осматривал я женщин в прачечной. И вот там есть одна беременная. — Ты знаешь об этом?

— Знаю, — ответил Лева.

— Ничего, хорошенькая. Аборт делать не хочет. Ну, это ее дело. Я ей говорю: я, как врач, тебе во всем помогу и от работы освобожу, — только живи со мной. А она так и не согласилась.

— Да для чего она вам? — спросил Лева. — У вас женщин и так хватает.

— Нет, с ней безопасней. Ведь она беременная, значит, от меня не забеременеет, а другие могут. И тогда только лишние переживания. Вот мне рассказывали недавно: в одном лагере Сиблага один врач жил с одной воровкой, она и забеременела. Не захотела делать аборт, а потом ходила и, указывая на свой живот, говорила: "Это от доктора, от доктора". Он не знал, куда от стыда деваться.

"Бедный и грязный душой, — думал Лева. — Несмотря на то, что доктор Тишин морально разложился, с ним приходилось работать. Так было и в первые века, когда христиане жили среди людей. И ап. Павел говорит: "...Иначе бы нам надлежало выйти из мира". Но мы призваны быть среди них. Быть солью, осолять, нести свет. Но, увы! В эти жуткие, темные годы мы не светим, не осоляем..."

Медсестру Раю — ту самую, с которой жил доктор Тишин, — вызвал за зону уполномоченный. Что с ней там было, никто не знает. Но вернулась она оттуда совершенно пьяная и долго кричала и плакала на весь лазарет: "Мама, мама!" Била себя в грудь и снова, снова заливалась пьяными безутешными слезами.

И все это был грех, и кругом был грех.

Те газеты, которые удавалось Лева прочесть, убеждали его, что строительство растет, и люди изменяются, становятся новыми, необыкновенными, "человек меняет кожу". Так писали газеты. "Может быть, — думал Лева, — только здесь, у нас, так темно и беспросветно, а там, на воле, под влиянием новых идей, люди преобразуются, становятся чистыми, светлыми, прекрасными? Нет, этого не может быть! Без Христа человек во всех условиях, даже самых прекрасных, остается бедным, несчастным грешником".

На фоне этой жизни Лева особенно оценил то, с чем он познакомился с самого детства — дивное Евангелие Христа, которое по-прежнему светило ярким светом в его душе. В своем очередном письме к матери он писал:

"Тебе, мама, я должен быть особенно благодарен, что с детских лет ты познакомила меня с тем, что есть у людей самое великое — это познание истины. Ты с детских лет

через чтение книг, заронила в меня искру тяготения к науке. Ведь даже учиться читать, как я помню, я начал с книги "Интересные птицы". А главное — ты познакомила меня с Книгой книг. Да, такое столь полноценное воспитание вряд ли кто может не оценить. Правда, из меня ничего не получилось. Жизнь, непогода и опять непогода. Лучшие порывы и стремления смяты. Однако причин для уныния нет никаких. Ты, дорогая мама, сделала, что могла, и теперь нечего беспокоиться. Он верен, и написано: "Никто из уповающих на Него не погибнет". Весьма рад что у вас все благополучно и вы здоровы, нехорошо только то, что ты, мама, расстраиваешься из-за меня. Надеюсь, что папа успокаивает тебя и ободряет именем Того, Кто сказал: "Я успокою вас".

Дорогой папа! Я верю, что с мудростью, дарованной тебе, ты заботишься о бодрости домашних, и никакое облачко не нарушит нашего семейного спокойствия и счастья..." Иногда Лева задумывался: почему его папа, дядя Петя и другие верные служители Бога или сидят в тюрьмах, или, пребывая на положении ссыльных, не распространяют Евангелие. И ответом было одно: ночь объяла всех. Ему вспомнилось, как в свое время отец сказал ему, что наличие семьи, детей, о которых он обязан заботиться, удерживало его от большой жертвенной работы на нивах народных. Он говорил, что он с радостью принес бы себя в жертву на большую проповедь Евангелия среди людей, но годами должен был растить детей, заботиться о них, так как это было поручено ему от Господа.

И вот теперь, мы, его дети, равно и дети дяди Пети (а их у него немало) — куда и как оказались годными? Они растили нас для служения Спасителю, вкладывали столько сил, любви и заботы, — а что получится из нас?

Глава 18. Всегда с Иисусом

"Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас".

1 Петра, 5:7

Зима 1936/37 года. Страшная зима, унесшая столько безвинных жизней. В скольких душах она убила веру в справедливость, в торжество правды! Для Левы, однако, она пролетела незаметно. Опять наступили теплые дни, таял снег, оживала природа. Приезжавшее начальство как из санчасти, так и другое очень удивлялось, что районную больницу заведует фельдшер, и решало — прислать врача. Действительно, спустя некоторое время с этапом прибыл седоватый, пожилой врач Букацик. Он должен был работать под руководством районного врача Тишина. Но, как говорит пословица, два медведя в одной берлоге не живут. Недолго между ними были хорошие взаимоотношения. Вначале руководство больницей Тишин целиком поручил Букацику, Леве же дали отдельную палату, в которой лежали сифилитики; он ее должен был вести под руководством Букацика, который был специалистом по кожным и венерическим болезням. Леву это нисколько не огорчало. Наоборот, он был даже доволен, что будет иметь опыт и знания в лечении сифилиса. Он верил, что его Лучший Друг Иисус все устраивает для него только к лучшему. И он нисколько не огорчился, что его отстранили от ведения терапевтических больных.

Врач Тишин, периодически приезжая в районную больницу, проверял работу и давал указания. Но вот ему кто-то шепнул, что за медсестрой Раей, которая была ему близка, ухаживает Букацик. Это произвело на него впечатление разорвавшейся бомбы. Он тут же начал делать обход больных в больнице, проверять истории, болезни, санитарное состояние и в результате при всех накричал на Букацика, как на якобы "ничего не понимающего" врача, отстранил его от ведения больных, оставив ему только венерических больных, а терапевтических поручил опять целиком Леве.

Лева оказался между двух огней. Ему от души хотелось, как учит этому Святое Писание, жить в мире со всеми людьми. Но между двумя врачами началась война.

Нужно отметить, что больные в стационаре были рады, что Лева опять вел их, но Лева было чрезвычайно неудобно перед врачом Букациком, и он говорил ему, что он совсем не хочет вести районную больницу и что это временно, ведь он только фельдшер. Букацик косился на Леву, но, убедившись в его добром отношении к нему, явно не делал против Левы никаких выпадов. Кроме того, со всех колонн стали направлять мужчин и женщин, больных и переболевших сифилисом — к ним, так что Букацику было много работы.

Лева вел не только терапевтических больных, но на нем же была и палата с гнойной хирургией. В то время физически люди были ослаблены и было много абсцессов, флегмон, фурункулеза.

Наступила весенняя распутица. Водой сорвало мост. Работы на трассах продолжались по-прежнему. Лева кончал обход, когда его срочно вызвали в амбулаторию. Из-за зоны прибежал экскаваторщик. Левая рука его, замотанная в рубашку, была вся в крови. Его рука попала между барабаном и тросом. Все пальцы и часть ладони были совершенно разможжены, уцелел только большой палец. Что было делать? Немедленно нужно было отправить пострадавшего в управление, где был хирург. Но, увы, начальство сказало, что дорога размыта и отправить больного или привезти сюда хирурга нет никакой возможности. (Вертолетов тогда еще не было.)

Что было делать? Висели сухожилия, обрывки ткани... О, если бы была операционная! Лева, конечно, со спокойной душой мог бы прооперировать больного, но здесь не было никаких приспособлений. Как быть? Лева внутренне помолился, обратился к Иисусу и получил твердую уверенность, что он должен оперировать. Он сам приготовил и простерилизовал раствор новокаина, сделал хорошую футлярную анестезию в нижней трети предплечья и приступил к операции. Помогал ему санитар. Стерильный материал был только в индивидуальных пакетах, шелк использовали из ампул. В своей работе на Беломорском канале, а также по хирургии в Самарской больнице им.Пирогова Лева знал все тонкости асептики (обеззараживание всего, что соприкасается с операцией) и постарался сделать все, чтобы было стерильно. После мытья своих рук он сделал на них йодные перчатки. Он оперировал, глубоко сокрушаясь в душе, что не проходил операционную хирургию.

Заживление прошло без нагноения. Когда Лева впоследствии направил больного на консультацию к хирургу в управление, тот похвалил его и сказал, что кожный лоскут наложен правильно и операция произведена на должном уровне, с полным сохранением функции большого пальца.

Приезжавший в больницу начальник санчасти удивился, что Лева опять ведет больницу, но Тишин доказывал ему, что это самое лучшее для дела, а Букацик не претендовал на терапевтических и хирургических больных.

Наступило лето. Тихие, ясные дни. Лева за зоной бывал редко, но так хотелось ему побыть среди природы. "Какой бы найти предлог?" — подумал он. Трассу на производстве проверяли другие фельдшера.

Осмелившись, он сказал начальнику:

— У меня к вам большая просьба: говорят, в речке водится рыба. Разрешите мне по утрам выходить за зону и ловить рыбу.

Начальник засмеялся, подумал и сказал:

— Ну, попробуй. Все-таки это улучшит наше питание.

И вот Лева первый раз в жизни превратился в рыболова. Рано утром он выходил за зону и сидел у речки, где она делала залив, сидел среди кустарников и ловил удочкой. Тишина утра, зеркально чистая вода в заливе, в ней видна и рыба. Природа, казалось, сама входила в душу Левы и приносила тишину и покой. Здесь у него были тихие минуты молитвы. Рыба ловилась, и он торжественно входил в больничную кухню со своим уловом. Повар жарил ее, и ею можно было угостить несколько человек. Лева угощал и тяжелобольных.

Пришло предписание — направить его на Бузанчинский тракт. "Что это, почему?" — думал Лева. Сердце волновалось, но он успокаивался, вспоминая дивные слова: "Все ваши заботы возложите на Него, ибо Он печется о вас".

Его вызвали в кабинет начальника.

Пришло предписание из управления — направить вас в особую экспедицию. Это займет не больше недели, а потом вы вернетесь к нам, на старую работу, — сказал начальник.

— Почему же именно меня направляют? — поинтересовался Лева.

— Это я вам сейчас объясню, и вы увидите, что вам выражают особое доверие. Вы поедете вместе с представителем отдела снабжения, как представитель медсанчасти по проверке пригодности продуктов, которые в свое время были заброшены на Бузанчинский тракт. Нужно будет составлять акты, списывать негодное, активировать. Об этом с вами подробно поговорит начальник санчасти по телефону, поедете вы без конвоя, вернее — придется идти пешком, потому что местами дороги совсем нет, только тропинки.

Что же это за Бузанчинский тракт? — спросил Лева.

Раньше планировали Горно-Шорскую дорогу вести по этому тракту. Выстроили там среди леса на большом протяжении бараки для колонн, забросили туда провизию, но последние исследования изыскательно-геологической партии показали, что есть лучший путь, по которому следует прокладывать дорогу, и теперь она пойдет другим направлением. А Бузанчинский вариант признан вредительским.

Слушая эти пояснения, Лева невольно вспоминал о брате-геологе и о той ответственной работе, которую вела эта исследовательская партия. И в то же время ему стало страшно за тех инженеров и геологов, которые утверждали Бузанчинское направление. Что будет с ними? Возможно, они просто ошиблись в своих изысканиях и расчетах, но в те жуткие годы каждая подобная ошибка рассматривалась как вредительство. Естественно, что они могли быть жестоко наказаны.

На следующий день Лева выдали продукты питания, на вахте он встретился с женщиной, которая была представительницей от отдела снабжения. Она тоже отбывала срок. У нее был маршрут, схема пути, по которому им надлежало двигаться.

Беседа дорогой, Лева узнал, что эта женщина, лет тридцати, уже прожила большую жизнь. Годы ее в основном прошли за границей. Жила в Китае, в Японии, вращалась среди высшего света, а потом, как русская, решила перебраться на родину, в Россию. Здесь, само собой понятно, следствие установило, что она — шпионка, и ей дали соответствующий срок "наказания". Попав в лагерь, будучи образованной, она стала работать в отделе снабжения управления. Как работницу ее высоко ценили. Вот и поручили ей совместно с Левой предстоящую им работу.

Погода стояла чудесная. Установились теплые дни, природа уже расцвела во всей своей весенней красе, наступило лето. Дорога шла в основном лесом. Вначале были трассы, где трудились сотни заключенных с лопатами, ломками, кувалдами или перевозили грунт на тачках. К вечеру они приблизились к долине между двумя высокими зелеными горами; отсюда-то, собственно, и должно было начинаться Бузанчинское направление.

Здесь было несколько домиков, в которых жил сторож, охраняющий их, — тоже из заключенных. Он приветливо встретил их, они предъявили бумаги, из которых можно было усмотреть, что они не являются беглецами из лагеря, но направляются сюда по делу.

— Вы без конвоя, значит, начальство вам доверяет, — сказал старик, поглаживая бороду. — Ну, и тем более я вам, конечно, доверяю. Ночью бывает прохладно, и ночуйте у меня, в сторожке со мною, я вечером подтапливаю железную печку.

Он заварил чай, гости выложили свои продукты и с аппетитом принялись за них.

— А скоро ли нас будут освобождать? Не слышать ли там, в управлении? — спрашивал старик.

— Пока ничего не слышно, — отвечала женщина из управления. — Одно ясно, что все мы должны хорошо, добросовестно работать, а начальство увидит само, что мы честные труженики и ничего плохого не говорим и не желаем, и освободят.

Старик закурил махорку и, пуская дым в горящую железную печку, пробурчал:

— Я и так вечный труженик и ничего плохого не говорил, а вот ни за что ни про что запичужили. И при царе был честным, и при Советской власти честным был, уважаемым. А тут вот оказался преступником. Чудно!

Лева, проводивший все месяцы внутри зоны лагеря, отвыкший от длительных переходов, чувствовал себя после этой дороги чрезвычайно усталым, а когда поели, у него просто слипались глаза.

— Иди ложись, — сказал старик. — Ты, видно, здорово устал.

Лева кратко помолился, смотря в окно, сквозь которое виднелось уже потемневшее небо, лег и сразу уснул. Проснулся он рано, но солнце проснулось еще раньше и уже поднялось высоко, но еще не жарко, а нежно согревало землю. Лева отправился на берег речки, умылся. Никого не было. Тишина. Лишь только щебечут, поют птицы. Он преклонил колени и стал молиться. Здесь, в кустарнике, его, кроме Бога, никто не видел. Он был рад, что мог преклонить колени; ведь в условиях лагеря этого делать не приходилось. Он молился стоя, сидя, лежа... В то время он почти не встречал братьев, которые молились бы на нарах, преклонив колени. Жуткие были годы!

Он весь отдался молитве. Молился с открытыми глазами, смотря в небо и видя в то же время дивный узор гор, синеющих вдаль. "Возведу очи мои к горам, откуда придет помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю" — невольно вспомнился ему стих из псалма. Это была минута истинного отдыха. Потом он открыл Евангелие и стал читать. Перелистывая еще и еще страницы псалмов, Лева остановился на словах: "Тебя от ранней зари ищу я, по Тебе томится плоть моя в земле сухой, иссохшей и бесплодной..."

Он оглянулся кругом. Эта земля была отнюдь не иссохшей. Вот у ног его струилась горная речка, берега ее были покрыты зелеными цветущими травами, и везде леса — леса зеленые. Это была земля не бесплодная, не пустая. Каждое дерево, каждый кустарник, каждая травка — все приносили свои плоды, семя по роду своему. И в то же время Лева чувствовал себя как в огромной пустыне. И эта пустыня была в людях. Среди них, как среди заключенных, охраняющих их больных, так и среди местных жителей — шорцев, не текла живая река слова Божия. Души не цвели, не благоухали радостью, любовью и миром. Проволока, штыки, сторожевые вышки, неволя. А те, кто вне этой неволи — разве живут? Разве счастливы? Вот эта женщина, с которой они шли вместе, этот старик? Все это — земля пустынная, сухая, бесплодная. Но почему он, Лева, который держит в руках источник воды живой, сердце которого живет любовью к Богу и людям, — почему он не поделится этим источником, который способен превратить пустыню в цветущий сад, с другими, которые не имеют и понятия о чаше живой воды?

Это потому, что в те дни и годы в нем не было силы для свидетельства, не было огня, лишь в сердце мерцал скрытый свет... А Христос заповедовал: "Так да светит свет ваш перед людьми..." И еще: "Вы — соль земли". Но этого не было. Это были жуткие годы...

Они позавтракали и снова двинулись в путь. Теперь уже не было большой проторенной дороги, была тропинка, местами заросшая травой. В одном месте путь им преградила речка. Она была небольшая, но все же ее пришлось переходить вброд. Лева не искупался, а только освежил свои ноги. Дорогой путники говорили, беседовали обо всем. Лева так хотелось рассказать этой женщине о Христе, спросить, верующая ли она. Но он не решался. Кто знает: работает в управлении, возможно, дала подписку осведомлять Особый отдел обо всех разговорах, настроениях заключенных, с которыми она, соприкасается. И тогда, конечно, она передаст, что он остается горячим верующим. Казалось бы, что в этом особенного? Но все-таки тут Лева молчал.

В те годы был день, когда проводилась всесоюзная перепись населения, и Лева, находясь в этом лагере, знал, что придется ответить на вопрос: верующий ли или же атеист. Многие заключенные перешептывались между собою и говорили, что это страшная анкета, что тех, которые сообщат о себе, что они верующие, будут держать на особом учете, а потом "примут меры". И тогда в страхе некоторые люди отрекались, как Петр, и давали о себе ложные сведения — "неверующий", хотя и верили в Бога. Когда дошла очередь заполнения анкеты до Левы, он попросил записать: "верующий" — "баптист". Заполнявший анкету пожилой работник штаба вскинул на Леву глаза и с недоумением спросил: "Баптист?"

— Да, баптист, — ответил Лева.

— Я лучше запишу просто — "верующий". А то как бы вам не попало, что вы остаетесь баптистом.

— Пишите — баптист, — настойчиво сказал Лева. — Это славное имя христиан, которые, стремясь жить по учению Христа, много страдали в прошлом и страдают за истину и теперь. Я до конца останусь под этим именем христианина, что бы отсюда ни последовало...

— Ну, смотрите, смотрите, — сказал производивший перепись и написал: "Верующий — баптист".

Лева был счастлив тогда, что он исповедал имя христианина, крещенного по вере. Но в обычной жизни Лева всегда молчал о своих убеждениях. И тут, в этом путешествии, он так и не решился побеседовать о своей вере.

Они подошли к большой колонне. Это были большие бревенчатые бараки, огороженные проволокой. Около зоны поднимались строения складов, здания для охраны и — ни одной души. Как будто вымерло все. Но здесь еще никто и не жил. Это были здания, приготовленные для принятия заключенных, которые должны были строить здесь трассу железной дороги Бузанчинского направления.

Наконец они разыскали охранника, который в то же время был заведующим складами. Это был молодой человек с небольшим сроком, которому было поручено находиться здесь. Он был очень рад пришедшим.

— Я просто здесь одичал без людей, неделями никого не вижу.

— Вы голодаете? — спросил его Лева.

— О нет. Здесь столько завезенных продуктов, и все они начинают портиться.

— Вот мы для этого сюда и явились, чтобы проверить их качество и активировать.

Работы предстояло много. Был целый склад с бочками, наполненными капустой. Вскрывали бочки. Это, должно быть, была прекрасная кислая капуста, но сейчас вся она почти была испорчена. Составляли акты на испорченные продукты питания. Заведующий складами оказался очень гостеприимным и угостил пришедших прекрасными, вкусными мясными щами.

Так прошли они несколько колонн, активируя испортившиеся продукты. Все было сделано честно, добросовестно, на совести Левы было спокойно.

Возвращались той же дорогой. Одно мучило Леву — что он не сказал этой женщине, с которой проработал несколько дней, ничего о Христе.

Последнюю ночь перед возвращением в свою колонну они ночевали в амбулатории одной работающей колонны. Долго не ложились спать. Лева рассказывал о своих надеждах поступить учиться в институт, о стремлении посвятить свою жизнь науке по примеру Луи Пастера, академика И.П. Павлова.

— Мечтать никому не запрещено, — сказал фельдшер этого участка. — А вот мои годы ушли, я уже двигаюсь к старости, и одно желание — освободиться и пожить со своими детками, с женой, и больше ничего.

Женщина из управления, откинув со лба свои светлые волосы, сказала:

— И у меня уже нет мечты, кроме освобождения. Здоровье некрепкое, думать о том, чтобы создать семью, уже поздно. Выйду, освобожусь, как в пустой двор. Приехала в

Россию, а никого у меня здесь нет: ни родственников, ни близких знакомых. Родина, тосковала я, хотела увидеть родную землю, вот и приехала... чтобы получить срок. Но и впереди никаких перспектив. Особенно печально, что это клеймо — бывшая заключенная — будет преследовать меня всюду.

Лева снова включился в прежнюю свою работу. Эта поездка была для него своеобразным отпуском. Он выключился на время из привычной обстановки и теперь с новыми силами принялся за работу.

Врач Букачик, здороваясь слевой, двусмысленно улыбался:

— Ну, тебе повезло, повезло. Значит, отвел душу и тело с этой представительницей. Только смотри, не заразился?

— Мне смотреть нечего, — сказал Лева. — Какое может быть заражение, когда я абсолютно не касался ее.

Тишин тоже улыбался и пожимал ему руки.

— Ну, ты, конечно, там тово...?

Эти разговоры были Левае чрезвычайно неприятны. Но, видимо, то, что они были на этой работе вдвоем, и дорогой только вдвоем, — это и дало повод к подобным разговорам и грязным намекам. Перед Богом Лева был абсолютно чист, хотя он ощущал близкое присутствие женщины, но и в мыслях не допустил никакого греха с нею. И это объяснялось не тем, что он хорошо воспитан. Многие люди получают хорошее воспитание, но потом падают. Здесь причина, что он остался чист, была только в том, что он был с Иисусом, он молился. И когда замечал, что эта сотрудница в их работе минутами была особенно расположена к нему, он особенно обращал взор свой к горам, откуда приходит помощь. И только поэтому в данном случае он избежал искушения и падения.

Но из этого случая Лева особенно отчетливо понял, как нужно не давать повода ищущим повода. Он припомнил, как ему рассказывали о бывшем еще до революции пресвитере Самарской общины Всеволоде Ивановиче Петрове, память о котором глубоко чтит все знавшие его. Однажды он как-то шел после посещения с юной сестрой, и она предложила ему пройти через Струковский сад, где было обычное гуляние. И хотя их путь в самом деле пролегал через этот сад, Всеволод Иванович сказал:

— Нет, лучше пройдем мимо сада, малютка, чтобы не давать повода, чтобы не подумали, что мы с тобой гуляем в саду.

Лева вспомнил прекрасного семьянина Николая Александровича Левинданто, который был особенно строг к тому, чтобы не подавать никаких поводов, и старался никогда не оставаться наедине с отдельными сестрами и даже когда дорогой он встречал кого-либо из молодых сестер, то здоровался и спешил удалиться, чтобы не вызывать каких-либо лишних разговоров. "Не лучше ли было бы и мне, — размышлял Лева, — отказаться от участия в экспедиции, чтобы не вызывать двусмысленных улыбок этих врачей?"

Лева был особенно благодарен Богу, что Он сохранил его от искушения, и на душе его было спокойно и чисто. Да не подумает никто, что Лева сохранялся в чистоте своею силой. Нет, это результат того, что в эти дни он был близок к Иисусу, и это его сохранило. Тогда, когда он духовно охладевал или впадал в суету и не имел глубокого внутреннего общения с Иисусом, — пыль, грязь окружающего проникали в душу. Проникали грязные мысли, и он вел себя так, что приходилось оплакивать, и лишь опять прикосновение Иисуса очищало и прощало, давало силы идти вперед, не оскверняясь от мира.

Глава 19. Своими путями усмотрит Сам Бог

"Что Я делаю, уразумеешь после... теперь ты не знаешь"

Иоанн 13,7

Лева по-прежнему продолжал работать в районной больнице на лагпункте. Начальник санчасти — "борода" и его жена — врач куда-то уехали. Санитарной частью Горно-Шорского отделения Сиблага стала заведовать вольная, сравнительно молодая женщина-врач. Она энергично взялась за работу и, как все новые начальники, сделала кое-какие изменения в личном составе. Так, в частности, она перевела доктора Тишина в другую часть лагеря.

— До свиданья, до свиданья! — говорил Тишин, пожимая Лева руку. — Не поминай лихом!

— Желаю счастья! — искренно сказал Лева. — Вы мне плохого ничего не сделали, от вас я имел только хорошее...

Врачу Букацику работы прибавилось, и он поручил Лева вести стационар, заявив, что он вполне доверяет Лева это дело, хотя Лева и фельдшер. Медработников не хватало, медсестру отправили в дальний этап. Через некоторое время прислали из управления другую, молодую женщину — москвичку Валю Данилевскую.

— Здравствуйте! — сказала она Лева, приветливо улыбаясь. — Я о вас слышала.

— От кого?

— От Жоры-скрипача.

— Вы с ним знакомы?

— О да, я с ним познакомилась еще в Москве.

Лева обрадовался и стал расспрашивать приехавшую о ее знакомстве с Жорой. Она рассказала, что ее отец — известный скрипач Большого театра, и он играл вместе с Жорой. Жора иногда бывал у них, они делали сыгровки.

И вот, когда меня арестовали и привезли сюда, я увидела здесь Жору и поразились. Как! Он, такой хороший человек, и мог попасть сюда!

— А вы-то как попали? — спросил Лева.

— Просто по недоразумению. У нас была веселая компания: девчата, ребята. И вот, представьте себе, один парень сказал что-то неуважительное в адрес Сталина, нас всех и забрали.

— Да, действительно, это по недоразумению, — сказал Лева.

— Сейчас этих "недоразумений" в Москве сколько угодно, — сказала, хмурясь, Валя. — Захочет кто-нибудь расширить свою квартиру за счет соседа, возьмет "стукнет" на него и подпишет показания, что он сказал что-то против власти. Того — "в конверт", семью на выселение. И сосед расширил свою жилплощадь. Но вот — Жора, он такой человек, он лишнего слова не скажет. Все его любили. Неужели нашелся такой негодяй, что наклеветал? Впрочем, я вам по секрету скажу, только вы никому не говорите: ведь он верующий, баптист. Вот из-за этого, видимо, и попал.

Лева понял, что хотя Жора и говорил о нем, но не сказал, что он верующий. И Лева решил молчать о себе.

Работали вместе. Валя была аккуратной, старательной, и Лева не мог ею не восхищаться. Кроме того, нужно сказать, как говорили заключенные между собой, по красоте в Горно-Шорском лагере Данилевская занимала второе место, — первое место отводили какой-то женщине из Ленинграда. Доктор Букацик всячески приглашал Данилевскую к себе в кабинет в свободное время, но она предпочитала проводить свободные минуты с Левой.

"Господи! — молился внутренне Лева. — Научи меня, как поступить, чтобы не впасть в искушение". И ему стало ясно, что он должен сказать ей, кто он, за что фактически страдает и к чему стремится. И он рассказал Вале, что он христианин, так же, как Жора, что Христос для него дороже всего. Он рассказал ей, как от ранней юности он отдался Христу и пошел этим путем. И вот уже второй раз в заключении.

Она слушала, и чувствовалось, что после всего того, что сказал ей Лева, как бы смотрела на него другими глазами.

— Так, значит, по-вашему, и никакой грех недопустим? — спросила его Валя.

— Да, да, — сказал Лева. — Христос прощает грехи, но в то же время Он говорит: "Иди, и впредь не греши". И когда мы со Христом, мы не только знаем, но всем сердцем понимаем, что даже если смотреть на женщину с вожделением, это значит — согрешать, быть преступником.

— А у меня вот получилось нехорошо, — тихо прошептала Валя. — Я ведь из хорошего дома. Воспитание было отличное. Мой отец, например, может обедать, только если он будет есть суп серебряной ложкой. Но о Христе не говорили. И вот, когда я попала сюда и была в центральной колонне, со мной сблизился один инженер. И вот, представьте себе, он меня соблазнил. Я ему отдалась. Он уже освободился и уехал в Москву, пишет, что считает меня своей женой. Это хорошо, но я даже не знаю, люблю я его или нет. Это произошло как-то неожиданно.

После этого разговора Лева свободно делился с Валею мыслями о Спасителе, о своих стремлениях. Теперь всякое искушение ушло от него в сторону. Между ней и им как бы стоял Христос.

Неожиданно в их колонну приехал из управления фельдшер в военной форме — в шинели — Синявский. Он был взят прямо из армии. Лева думал, что он приехал работать к ним, но оказывается — в командировку.

Наедине он признался Леве, что безумно любит Данилевскую, и приехал для того, чтобы только взглянуть на нее.

— Как вы относитесь к Вале? — спросил он Леву.

— Только как к хорошему товарищу по работе, и все, — ответил Лева.

— Тогда прошу вас, храните ее от всяких людей. Она достойный, хороший человек, но уже один раз, как бабочка, обожглась с одним инженером.

Колонна расширялась, прибывали новые этапы. Было много жуликов, были больные, были отказчики. Лева старался добросовестно лечить людей и освобождал от работы действительно больных. По утрам списки освобожденных по болезни часто вызвали бурную реакцию у начальника колонны, которому нужно было во что бы то ни стало вывести больше людей на трассу. При виде списка освобожденных он страшно расстраивался и, схватив его, бежал в амбулаторию.

— Ты что наосвобождал? Это все больные?

Начальник, пожилой человек, весь трясся от гнева и, потрясая палкой, на все объяснения Левы, словно бешеный, кричал:

— Фашист, фашист! Я тебе покажу, фашист, столько людей освобождать от работы!

Лева требовал комиссии и доказывал, что люди действительно были больные.

Из управления лагеря поступали все новые и новые директивы о поднятии производительности труда, о борьбе с отказчиками от работы, о большем выводе заключенных на работу за зону.

Начальник явно волновался. По утрам всех отказчиков с помощью надзирателей собирали к вахте и под особым конвоем отдельной бригадой выводили на производство. Но отказы от работы не уменьшались. Не привыкшие к работе воры явно не хотели трудиться. Наиболее старые главари просто сидели на верхних нарах и, когда приходило начальство с проверкой, нахально смотря в глаза начальнику, говорили:

— Иди сам работай, начальничек, а нас не трогай.

Начальник кричал надзирателям:

— Взять их!

Надзиратели начинали брать, но это было не так легко. Тогда помогал сам начальник. У него была палка-подожок. Он ловко крючком этого подожка поддевал за шею сидевшего на нарах урку и сбрасывал его на пол. Это падение со вторых нар не обходилось без ушибов. Урки нещадно ругались, ругалось начальство, и при сценах этого адского развода по своей должности фельдшера всегда присутствовал Лева.

Доходяги, урки и другие физически ослабевшие заключенные прятались во время развода под нары, разбирали полы и залезали в подпол, их трудно было найти. Тогда

начальство решило применять собак, которые охраняли лагерь снаружи и сопровождали этапы в пути следования. В зону по утрам, когда кончался развод, приходил проводник с собакой. Это был молодой военный. Он ревностно старался выполнить порученное задание и шел с надзирателями разыскивать скрывавшихся. Собака находила их под нарами, под полом, и не только находила, но и кусала. Искусанные приходили в амбулаторию к Леве на перевязку. Лева с содроганием смотрел на эти раны, записывал каждый случай в амбулаторный журнал и составлял акты. Записывать и составлять акты ему никто не поручал, но вся его душа возмущалась против этого, и он только отмечал правду того, что происходило.

"Что будет дальше, как быть?" — думал он, перевязывая покусанных.

И вдруг грянул гром. Явилась большая следственная комиссия. Начальника колонны арестовали, проводника собаки тоже. Начались допросы, многих надзирателей не было уже видно. Вызвали Леву и предложили дать показания. Он беспристрастно рассказал обо всем, что было, и представил следственным органам акты на покусанных. Его привлекли к делу как свидетеля.

Не прошло и несколько дней, как к Леве прибежал начальник из УРЧ (учетно-распределительная часть) и сказал, что его, вероятно, отправят в этап.

— В чем дело? — спросил Лева.

— Не знаю, не знаю. Вообще-то сейчас всех лиц 58-й статьи начали собирать в отдельную колонну.

Неожиданно отправили Валю Данилевскую и некоторых других — тоже в этап. Через несколько дней вызвали на этап и Леву.

— С кем же я буду работать? — разводил руками врач Букачик.

— Вам пришлют новых медработников, — уверял его новый начальник колонны.

И вот Лева в этапе. На душе и беспокойство, и в то же время детская вера. Ведь Отец все знает, у Него свои пути, и Он сделает то, что мы хотя в данный момент и не разумеем, но уразумеем после.

Лева прибыл в центральное управление лагеря. Там ему сказали, что его сюда вызвали как свидетеля. Что здесь, в тюрьме, находятся арестованные начальник колонны, проводник собаки и другие, что скоро будет суд.

В ожидании суда Леву водили на общую работу, на трассу. Вечером же он был счастлив. Он встречал дорогих, близких братьев. В портновской мастерской он расцеловался с дорогим братом пресвитером Сызранской общины Семякиным. Его громогласные проповеди Лева помнил еще с детства, когда он проповедовал в молитвенном доме на Крестьянской улице в Самаре. Этот брат хотя и был небольшого роста, но обладал удивительным сильным голосом и во время проповеди придерживался стиха: "Взывай громко, не удерживайся! Он был рад видеть Леву, так как очень любил самарских верующих и хорошо знал его отца и мать.

— Ты уж меня, брат, извини, — говорил он, усаживаясь на большой портновский стол. — Я буду шить и говорить, задание очень большое. Я почему-то уверен, что когда апостол Павел шил свои палатки, он тоже и трудился и беседовал.

Они вспоминали минувшие дни. Брат Семякин рассказывал о своей юности, которую он отдал Христу, работая в юношеском кружке общины и развиваясь духовно.

— А теперь нам и пострадать пришлось за Христа. А то пели, пели:

"Лучшие дни нашей жизни, свежие силы весны молодой мы посвятим Иисусу в дар для Него дорогой..." Он задумался, а потом продолжал:

— Да, пели.

"Пусть нас постигнут гоненья, смерть за Христа не страшна..." Вот гонения постигли, а готовы ли мы теперь умереть за Христа? Вот я шью, а сам все часто размышляю: "Готов ли я умереть за Христа?" Готовлюсь.

— Я думаю, что Господь еще сохранит нас от смерти, — сказал Лева. — Хорошо быть дома, у Отца, но оставаться нужнее.

– Не знаю, брат, но тучи сгущаются, и как бы не пришлось мне, многим смертью прославить Бога.

Лева в лазарете встретил фельдшера Синявского.

— Идем, идем, поговорим, — беря Леву под руку и выводя из лазарета, сказал он.

Они сели на скамеечку за баракком. Никого поблизости не было. Смеркалось.

– Ну, расскажи мне о Вале, как она там была. Я уже слышал, ее отправили в другую колонну.

– Все было хорошо. От отца она письма получала аккуратно, а также от того инженера.

– И она отвечала ему?

– Да, отвечала. Она делилась со мной своими переживаниями. Но все же я хочу сказать, что все люди в лагерях грубеют.

– А что такое? — спросил Синявский.

– Да она — такое чудное, нежное создание, но тоже так, привыкла к умирающим и смерти. Когда мы ходили в морг вскрывать трупы, то в ожидании доктора она была в состоянии, стоя на гробах, улыбаться и танцевать.

– Времена черствые, времена особые, — сказал Синявский и вздохнул. — Вы не знаете, что происходит? — Он наклонился к уху Левы. — Сколько военных арестовано, и каких! Старые, ответственные большевики гибнут! Что творится! Вот недавно одна приезжала сюда на свидание. Она рассказала, что в Москве жены партийных арестованы: ходили к Крупской Надежде Константиновне, рассказывали ей обо всем, просили заступничества. А она чуть не плача говорит им, что ничего поделать не может. И это говорит жена Владимира Ильича Ленина! Что творится! Наше лагерное высшее начальство не знает само, что будет завтра. Недавно меня вызвали в управление ночью и говорят: "Забинтуйте ногу женщине". Я смотрю: ни раны, ни ушиба нет. Стал бинтовать, а они под бинт положили какой-то пакет с письмом, и я забинтовал его. Видимо, куда-то посылают, о чем-то кому-то хотят сообщить.

Лева встретил своего дорогого Жору.

– Как давно я тебя не видал, почему не приезжал? — воскликнул Лева.

– Меня сняли с агитбригады. Все, кто имеет 58-статью, сняты на общие работы. Вот посмотри на мои руки.

Лева взглянул. Руки Жоры, пальцы и ладони, которые были так нежны (он всю жизнь держал в руках только смычок скрипки и был виртуозом-скрипачом), — теперь эти пальцы были покрыты мозолями, трещинами и были явно неспособны держать смычок скрипки.

– Теперь ты не сможешь играть! — сказал Лева с болью в сердце, смотря на его руки.

– Да, для искусства я теперь погиб. Я уже не смогу играть, как раньше, пальцы стали какие-то словно не свои. Ведь я теперь долблю пласты угрюмых скал, делаю ручное бурение.

Лева знал, что это очень тяжелая работа. А Жора к физической работе был совсем не приспособлен.

— Но не грусти обо мне, Лева, — сказал Жора, увидев, как потемнело лицо друга. — Знаешь, Христос стал ближе, как никогда в жизни. Ведь я душой ежедневно мучился в агитбригаде, видя и слыша дела незаконные. А теперь меня Бог от этого избавил. Плоть страдает, но это временное по сравнению с тем вечным, что откроется. Теперь я молюсь, как никогда не молился, и ощущаю особую близость Господа.

— Я радуюсь за тебя, Жора, за твое духовное состояние. Но все-таки больно, что тебе приходится так тяжело. Весь ты как-то осунулся, исхудал.

Подошли еще несколько братьев и стали рассказывать о своих переживаниях. И все радовались о хорошем вечном и печалились, что сейчас так темно в народе без Евангелия.

Леву вызвали на суд. На предложение судьи правдиво рассказать все, чему он был очевидец, Лева без утайки передал всю виденную им картину. Он особенно подчеркнул

при этом, что отказчики не поддавались уговорам и что начальство дошло до полного истощения нервной системы и в результате вынуждено было прибегнуть к противозаконным методам.

В глубине души Леве было очень жаль и начальника колонны, и проводника собаки. Ведь они оба были грешники, как и все, и не имели познания в истинных путях направления человека. А без Бога кругом грех и грязь.

Это тот самый подонок, который применял начальник? — спросил судья Леву, указывая на лежащее "вещественное доказательство".

Он самый, — подтвердил Лева.

Суд вынес приговор: начальника колонны, проводника собаки приговорили к заключению с отбывтием наказания в исправительно-трудовых лагерях.

Прошло еще несколько дней, и Леву снова вызвали в этап, состоящий из заключенных, отправляемых из тюрьмы. И Лева зашагал в одной партии вместе с теми, которые были осуждены 'при его участии как свидетеля.

Казалось бы, осужденные должны были обрушиться на него с гневом, но вот они, наоборот, благодарили его, что он на суде показал, чем вынуждены были их поступки, и это способствовало смягчению приговора.

— Я не понимаю только, — сказал бывший начальник колонны, — как это они могли вас, свидетеля, направить вместе с нами. Ведь вы должны были вернуться на свою прежнюю работу.

Но на прежнюю свою работу Лева так и не попал. Его направляли вместе с другими осужденными на тяжелые физические работы.

Казалось бы, любой человек на месте Левы должен был возмущаться, протестовать, писать заявления, отказываться идти в этот этап. Но Лева решил все принимать как из руки Божьей. Он твердо верил, что его любящий небесный Отец знает все, и хотя тяжело и непонятно, но он после уразумеет. И действительно, не прошло и нескольких дней, как Лева понял, что это было — от Господа. А прошло еще несколько недель, и Лева понял, что это был особый знак Божий.

А когда прошло чуть более месяца, как он уразумел и увидел воочию, что этими путями Всевышний спас его от, казалось бы, неминуемой смерти, которая постигла многих и многих. Видимо, он еще нужен был на земле для дела Божия, или еще не был готов для неба, и Господь оставил его для того, чтобы он шел дальше узким, тернистым путем...

Глава 20. Лютые беды

"На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; преклони ухо Твое ко мне и спаси меня. Боже мой! Избавь меня из руки нечестивого, из руки беззаконника и притеснителя".

Пс.70,1-4

Этап остановился в колонне, где сосредоточивали людей, осужденных по 58-й статье. Еще когда подвели их к зоне, Лева узнал, что это та самая колонна, в которой находится брат Михаил Данилович Тимошенко. Как только Лева был освобожден после санобработки, он пошел его искать. Их встреча была больше чем радостная. Михаил Данилович сильно постарел, волосы на голове были белые, но держался он все так же прямо и бодро, работая на тяжелых земляных работах.

Особой радостью для Левы было то, что его поместили в тот барак, где находилась та бригада, в составе которой был и Михаил Данилович. Вечерами, когда бараки запирали на замок, Лева стелил свою телогрейку рядом с постелью брата и они несколько часов проводили в беседе. Не прошло и недели, как Лева крепко полюбил своего собеседника.

Он был христианин необыкновенной веры и надежды. Несмотря на большой страдальческий путь (он был в тюрьме и при царском режиме), несмотря на многие ссылки и тюремные заключения в последние годы, он был полон небесного оптимизма. "Лева, верь, — говорил Михаил Данилович, — придут времена необыкновенной свободы для Евангелия в нашей стране. В самых больших зданиях, в самых больших залах будет проповедано Евангелие для народа. Вот мы сейчас страдаем, унижены, выброшены, как сор, из жизни народа, но придет время — будут наши братские музеи, где будут выставлены документы страдальцев за Христа. Эти музеи будут самыми популярными в нашей стране. Храни письма, храни все, что связано с заключением, всякие бумажки об освобождении, об обысках, ведомости на обмундирование, — все это нужно будет для истории, для музеев. Люди будут знать, как Бог вел детей своих, давал им силы переживать все и прославлять Его святое имя".

Но не только о будущем говорил брат Тимошенко. Он часто вспоминал и минувшее. Свою деятельность, старых братьев и, не стыдясь перед Левою, раскрывал свои ошибки и сердечно каялся в них.

— Вот мы спорили, воевали со стариками, с Голяевым Ильей Андреевичем и другими. А напрасно было так поступать, и даже нехорошо. Надо же всем иметь кротость, снисходительность, а этого у нас с Николаем Александровичем не хватало. Были ошибки у меня лично, и вот Господь направил в это горнило, чтобы очиститься, быть драгоценнее огнем очищенного золота. Это Его милость.

Какие именно были у него лично ошибки, Лева старался не расспрашивать, и то, что они были у Михаила Даниловича, ничуть не уменьшало восторженное отношение к нему Левы.

Михаил Данилович рассказывал также о своих литературных трудах, о работе в редакции журнала "Слово истины" и своих планах и намерениях.

— Только бы Господь открыл дверь благовестия в нашей стране, и все бы, все служили Иисусу. И это будет, — утверждал он.

Лева слушал, и вся его душа горела горячим желанием увидеть эти славные дни, когда любовь, мир и радость Христовы рассеют тьму злобы, ненависти, греха и беззакония.

— А когда это будет? — спрашивал Лева.

— Не знаю. Я-то не доживу. Ты, возможно, доживешь... Утром, как всегда, зловеще звенел металл — били кувалдой по подвешенному рельсу, начинался подъем, заключенные спешили в столовую, а затем на развод.

Приближалась осень, но погода стояла еще жаркая. Строились бригады у вахты. Стоя в рядах своей бригады, Лева наблюдал, как Михаил Данилович, одетый в арестантскую рубаху и брюки, с узелком хлеба подходил к своей бригаде, останавливался, смотрел на небо и что-то пел. Тихо напевая гимн, он выходил на работу. Конвой окружал бригады, и люди выходили на трассу.

В основном здесь были земляные работы. Работать приходилось в одних трусах. Пот лил градом. В бочках подвозили воду для питья. Лева без привычки сильно уставал. Придя в зону, бригады шли на обед. После обеда Лева обыкновенно выходил вместе с Михаилом Даниловичем на травку, растущую на площадке между бараками. Получив посылку из дома, Михаил Данилович угощал всех близких чаем. На траву стелили большой платок, вокруг которого усаживались. Платок служил столом, на него ставили чашки, кружки, приносили большой чайник с кипятком. Его заваривал Михаил Данилович. На платок же он клал полученные печенье, сахар. Он возносил благодарственную молитву за милости Господни, и начиналось братское чаепитие. Каждый брал по кусочку сахара и с наслаждением вприкуску пил ароматный напиток. После работы, во время которой терялось много воды, чувствовалась большая потребность в ней, и частенько выпивали не один чайник.

Н. А. Левинданто был близким другом Тимошенко, когда он жил и работал в Москве, в Союзе.

Михаил Данилович когда-то, в былые времена, угощал братьев в Москве вместе со своей женой, и теперь с тем же гостеприимством и любовью он говорил:

— Все, все берите по печению. Кому еще подлить чайку?

Братья вспоминали прежние вечера любви и делились каждый теми радостями, какие были. Михаил Данилович, по своему обыкновению все заглядывая вперед, говорил о тех будущих вечерах любви, которые не ведал, не знал русский народ; но которые будут, когда люди будут жить по Евангелию, приближаясь к первохристианам.

Эти тихие вечера-чаепития были отрадным воспоминанием Левы на долгие годы.

Вдруг приехало несколько следственных комиссий. Это были какие-то особые представители особых следственных отделов. Начались ночные допросы, беспрерывно водили заключенных из всех бараков и все допрашивали.

— О чем вас допрашивают? — спросил Лева одного, который был на ночном допросе.

— А вот все говорили: скажи да скажи, кто о чем говорит. "Вас много, а конвоя мало". — "Не говорил ли кто — вот разоружить конвой, захватить оружие, да получить еще оружие?"

Однажды, когда кончилась работа на трассе и бригады выстроились, чтобы идти домой, Лева ввиду жаркого дня пошел в одних трусах и белой рубашке. Когда он подошел к мосту, вдруг двое молодых парней вырвались из строя и бросились вниз по насыпи, надеясь убежать. Грянул выстрел: ложись! Все бригады опустились на землю. Люди сели, кто прилег, несколько конвоиров бросились бежать за беглецами. Несмотря на то что те делали все усилия скрыться от погони, дорога была неровная, путь преграждала речка, и их быстро поймали. Конвой вытащил их на насыпь, где находились бригады, и принялся зверски избивать беглецов. Лева находился как раз в конце колонны заключенных, и перед ним была эта картина ужасного избиения. Не помня себя, как будто в его костях был огонь, он вскочил, поднял руку и закричал: "Кто вам дал право избивать?" К его крику присоединились другие заключенные: "Кто вам дал право избивать?" — кричали многие. Грянули выстрелы, засвистели пули.

Ложись, ложись! — кричал начальник конвоя. Он подошел к тому месту, где был Лева.

— Кто тут организатор бунта? — спросил он. Несколько конвоиров указали на Леву.

— Проходи в голову колонны, — приказал начальник.

Леву поставили в первый ряд. Пришли к вахте. Сердце Левы трепетало. Он несколько не раскаивался в своем порыве. Благодаря этому избиение было прекращено. Лева физически не мог переносить картины, когда один зверски избивает другого. О том, что будет, он не думал. Он знал одно, что, правда, на его стороне. Он знал ясно и твердо, что законом не разрешается избивать и уродовать бежавших из лагеря. Но добьется ли он здесь правды?! О, Боже милосердный! Ведь сколько он ни искал правды, справедливости он не находил ее. Неужели теперь предстоит погиб-путь? Притом как бунтовщику, ни за что ни про что?.. Нет, если даже и придется и страдать и умереть, то это за дело любви, за дело сострадания к этим несчастным бежавшим уркам. Ведь Христос положил душу свою за грешников. Разве не должны и мы полагать душу свою за этих несчастных?

Начальник конвоя доложил что-то высшему начальству, в результате чего Леву вывели из строя, передали надзирателям, а те отвели его в "кондей" (тюрьма для заключенных, которые совершили в лагере тот или иной проступок или отказались от работы).

В "кондее" были голые нары, сидели два отказчика от работы. Лева быстро вытащил из мешка свою одежду и оделся.

— Ты за что сюда попал? — спросили карцерники. Лева рассказал.

— Эге, это ты крепко попал! Если бунт припишут — пропал, погиб.

Лева сам чувствовал, что положение его было очень серьезным. И он молился, вспоминая любимый 70-й псалом:

"На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. По правде твоей избавь меня и освободи меня: приклони ухо Твое ко мне и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрыться".

"Господи, только ты можешь защитить и избавить!" "Кондей" — это бревенчатая избушка, расположенная около зоны. Охранявший "кондей" часовой с вышки не допускал другим заключенным близко подходить к нему. Окно в карцере было большое, с решеткой, и через него можно было видеть бараки и разговаривать с подходившими близко. Подошел поближе Михаил Данилович Тимошенко.

Ну, как же это, Лева, ты попал? Я это все видел. Конечно, ты поступил героически. Но теперь — как спать-то будешь? Ничего нет.

Да, ничего нет, — крикнул Лева. — Но ничего, не беспокойтесь. Бог поможет, молитесь.

— Я вот сейчас пойду поговорю с надзирателем, может быть, передам тебе телогрейку.

Прошло немного времени. Михаил Данилович вернулся с надзирателем, которому передал телогрейку, а тот, пройдя в "кондей", вручил ее Лева.

— Это по просьбе твоего друга-старика. Уважаю его.

Эта телогрейка очень пригодилась Лева. К утру в "кондее" было очень холодно, и без нее Лева пришлось бы очень плохо.

На следующий день, делая обход по лагерю, в "кондей" зашел фельдшер колонны. Он сказал Лева, что осматривал избитых и дал следствию справки об их повреждениях, но начальник конвоя утверждает, что никаких избиений якобы не было, а что это они сами поушибались, когда падали с насыпи во время побега.

Лева ясно убеждался, что правду хотят скрыть и во всем обвинить его, как "возбуждителя бунта". Что было делать? У кого искать защиты? Он молился, молился, излагая свою скорбь перед Всемогушим.

Прошло несколько дней. Его никуда не вызывали. По вечерам, возвратившись с работы, Михаил Данилович и другие братья издали стояли напротив окна карцера. Конвой с вышки не разрешал приближаться и переговариваться. Чтобы повидать Леву, подходила одна молодая женщина. Это была Валя Данилевская. Она здесь работала на общих работах, и, когда Лева прибыл сюда, они встречались. Она пригласила Леву принять участие в местной агитбригаде в качестве суфлера. Это для того, чтобы они могли вечерами встречаться и беседовать. Но Лева отказался. Они встречались очень редко, случайно. Теперь же Валя знала, как и все заключенные, что случилось с Лева, и переживала за него.

Стоя вдали, смотря в окно карцера, в котором находился Лева, она пела:

"Что стоишь, качаясь, горькая рябина,
Головой склоняясь до самого тына...
Но нельзя рябине к дубу перебраться,
видно, сиротине век одной качаться..."

Это песнопение навевало на Леву грусть. Но в то же время ему отраднее было сознавать, что за него переживают не только его близкие друзья, но и знакомые. В душе, а иногда и вслух, вполголоса, он напевал гимн, который теперь особенно стал для него близок:

"В пустыне греховой земной,
где неправды гнетущий обман,
я к Отчизне иду неземной

по	кровавым		стопам	христиан.
В	край		родной,	неземной
от	обмана		мирской	суеты
я	иду		и	приду
к	незакатному		Солнцу	Любви.
Темнеет			вечерняя	мгла,
длится	тяжкий	и	скорбный	мой
но	не	гаснет	надежда	моя.
Я	в	Отчизне	родной	отдохну.
Иди	же		смелее	вперед,
за	Христом,	не	пугаясь	врага.
Скоро	кончится	путь	твой	земной,

засияют Сиона врата".

Как-то утром пришел фельдшер и сообщил Лева, что конвой, который проводил избиение, удален из охраны колонны. В тот же день вечером Лева вызвали в следственную часть, попросили рассказать все. Потом ему сказали, что дело его прекращено, он признан невиновным и освобождается.

Как радостно освободиться из заключения в заключении! Хотя Лева по-прежнему остается тем же заключенным, но теперь он все-таки в относительной свободе. Всей душой благодаря Господа, Лева побежал в барак. И бригадир, и все собригадники, радостно приветствовали его.

— Ну, и пережили мы за тебя! Думали — пропадет парень ни за что...

Радостные объятия, поцелуи с братом Михаилом Даниловичем и другими братьями. Был сразу же организован "чай на травке", где все вознесли благодарственную молитву за избавление Господом Левы от страшной опасности.

На другой день Лева ожидала еще большая радость: в колонну приехала врач — начальник санчасти. Лева подошел к ней.

— Смирнский! Где вы пропали, просто провалились. Нам нужны медработники, и вдруг вы исчезли, никак не могли найти.

Лева рассказал о своих приключениях.

— Сейчас же иду звонить в управление, — сказала начальница санчасти, — чтобы оформить по телефону наряд на перевод вас опять в райбольницу.

Она позвонила и сообщила Лева, что он завтра же будет отправлен на прежнее место своей работы.

— Лева, я так за вас переживала! — говорила Валя Данилевская. — Ну, слава Богу, все хорошо, и вы возвращаетесь на прежнее место работы.

— Да, слава Богу! — сказал Лева. — Господь защитил, и люди разобрались.

— Желаю вам успеха, освобождения, учебы в Москве. Вот мой адрес московский. Я скоро освобожусь, пишите, приезжайте...

Трогательно было прощание Левы с дорогим братом Михаилом Даниловичем и с другими братьями.

— Как хотелось бы встретиться с вами на земле, на нивах Божиих! — говорил Лева.

— Благослови тебя Бог в путь на труд для Него. Встретимся ли здесь, на земле? — задумчиво сказал Михаил Данилович. — Не знаю, но у Господа встретимся. Там будет то, чего нет здесь: вечное, непреходящее...

Глава 21. Сохранен

"Я хочу, чтоб он пребыл..."

Иоанн. 21,22.

Лева с радостью ехал работать в районную больницу. Он соскучился по медицине, ведь это было призвание его жизни — оказывать помощь больным, способствовать восстановлению здоровья человека. То, что он работал на трассе, копал глинистую землю и отвозил на' тачке под откос, было тоже неплохим делом. Ведь строили железную дорогу, которая будет способствовать передвижению людей. Сидеть без работы — это самое страшное,

Освободившись, Лева начал переписываться с Валею, но вскоре переписка между ними прекратилась, и о дальнейшей ее судьбе Лева ничего не знает. В своем последнем письме к нему из Москвы Валя писала: "Я вышла замуж. Поздравлять с сыном или дочерью еще рано и вряд ли придется, так как я этих "цветков" не хочу. Насчет твоего поступления в мединститут: Лева, ты большую ошибку сделаешь, если не поступишь в Москве. Забудь на время свое положение и поступай в Москве. Я уверена, что ты поступишь. Таких толковых, преданных своей работе и учебе людей мало. А есть много чего порассказать..."

Средней Азии, в Каттакургане, он был безработным и ходил отмечаться на биржу труда. Всякая честная работа хороша, если она по силам и здоровью человека, но иметь призвание — это драгоценно. Лева же, по его вере, имел призвание от Бога, и поэтому ему теперь было особенно приятно, что опять займется лечебной работой.

Он вошел в районную больницу и радостно приветствовал всех: санитарок, санитаров, фельдшеров. Большинство из них были новые.

— Не знаю, найдется ли здесь для вас место? — говорил лаборант, здороваясь с Левою.

— Полагаю, если начальник санчасти направил, — возразил Лева, — следовательно, в работниках нужда.

Из своей комнаты вышел заспанный доктор Букачик и как-то холодно поздоровался. Лева пошел на кухню. Старый повар-китаец, которого он лечил от сифилиса, очень обрадовался приезду Левы и на его вопрос "как поживаете?" покачал головой и сказал:

— Ни как при вас, ни как при вас.

Из дальнейшей беседы с ним Леве стало ясно, что медперсонал сжился друг с другом и все лучшее тащит с кухни; в этом же участвует и врач Букачик. Когда здесь был Лева, он, проверяя состояние кухни, особенно следил, чтобы ни медработники, ни хозобслуга ничего лишнего не тащили из продуктов питания.

Лева пошел к Букацику поговорить о своей предстоящей работе. Тот, потупив голову, сказал, что нужно подумать, куда пристроить прибывшего. Лева был с ним в хороших отношениях, хотя, вероятно, этот старый врач не мог забыть, как доктор Тишин ставил Леву выше его. Но, с другой стороны, между ним и Левою не было ничего общего. Если с Тишиным Лева имел то общее, что они занимались вместе изучением медицины по присланному Леве руководству, то с Букачиком он ни в шахматы, ни в шашки не играл и никогда не сидел празднично, слушая разные анекдоты. В то же время Букачик должен был бы, казалось, быть благодарным Леве, так как было время, о котором никто не знал, когда он приглашал Леву и просил лечить его от "малярии" вливаниями норарсенола. Лева отлично понимал, что у доктора никакой малярии нет, и ее тогда не было ни у кого, но эти вливания были прямым следствием того, что он заразился сифилисом. Об этом Лева никогда никому не говорил. (Теперь это не имеет значения, так как по возрасту Букачик давно уже оставил наш мир.)

— Ну, хорошо, — сказал Букачик, — мы тебя направим на обслуживание слабосилки: будешь их перевязывать, лечить, следить за их санитарным состоянием. А чтобы лучше за ними наблюдать, заодно и жить с ними будешь.

"Слабосилка" помещалась в самом дальнем, запущенном бараке. Это было длинное темное помещение с деревянными, нарами вагонной системы. В углу его была отгорожена небольшая комната, где помещался бригадир слабосилки. Там поместился и Лева.

Ему выдали кое-какие медикаменты для перевязок и медицинского обслуживания этих истощенных, ослабших людей.

Лева сознавал, что здесь он пришелся "не ко двору" и по всему видел, что ни Букацик, ни фельдшера его не желают. Морально ему было тяжело.

— Господи, ты все видишь, все знаешь, — молился он внутренне. — Не дай мне роптать, но смиряться.

Проходили дни. Все оставалось по-прежнему. В воздухе же между тем чувствовалось приближение осени. Местами листва на деревьях пожелтела. Это был особенно тихий день. Бригады ушли на работу, в бараках дневальные проводили уборку. После того как слабосилка пообедала, Лева направился к вахте, чтобы договориться с дежурным надзирателем о бане для своих подопечных. Но не успел он приблизиться к вахте, как несколько человек военных, держа в руках пистолеты, вошли в зону. Это было необыкновенно. Обычно в зону с оружием не входили. Эти люди вместе с надзирателями направились к баракам райбольницы. Надзиратели встали на определенных наблюдательных пунктах, а вооруженные вместе с некоторыми надзирателями вошли в больницу.

Прошел томительный час. Лева попытался войти в больницу, но его не пустили. Потом он увидел, как, бледный, трясущийся, вышел с вещами доктор, Букацик, за ним все фельдшера, лаборант и часть санитаров. Их окружили надзиратели и вооруженные и вывели за зону.

Леву вызвали к начальнику колонны.

— Органами разведки и следствия в больнице раскрыта контрреволюционная организация, — хмуро сказал начальник. — Все они арестованы и направлены в особую тюрьму для продолжения следствия и суда. Вы назначаетесь заведующим больницей.

— Но как же я могу работать, если нет никаких помощников? — спросил Лева. — Ведь больных-то побольше сотни.

— Осталась одна медсестра из воровского мира и некоторые санитары, они будут вам помогать. Я же позвоню начальнику санчасти, и она приедет.

Лева пошел в больницу. Там была настоящая паника. Больные волновались, шумели. Каждый думал: "Не ожидает ли и меня такая же участь?"

Лева позвал медсестру, небольшого роста, плотного телосложения девушку, сказал, чтобы она смочила сулемой полотенце, взяла доску назначения и направилась с ним в обход. Девушка охотно взялась помогать Лева. Она знала Леву уже давно и лечилась у него от сифилиса. Входя в палату, Лева прежде всего успокаивал больных, говоря, что следствие разберется, и если персонал не виновен, то он будет быстро возвращен в больницу. Если же не будет возвращен, то в ближайшие дни начальник санчасти пришлет другого врача, лаборанта и фельдшеров.

Многие больные знали Леву и были рады, что он делает обход. Усталый, измученный, Лева кончил свой трудовой день поздно ночью. Ввиду того, что в больнице лежали очень тяжелые больные, некоторые безнадежные, Лева перебрался на жительство из барака слабосилки в комнату доктора Букацика.

Ночь. Однообразно тикают часы. За тяжелых больных он спокоен. Медсестра обещала вовремя давать камфору и в случае ухудшения обещала его разбудить. Но Лева спать не мог. Картина происшедшего стояла перед глазами. До него доносились слухи, что то же самое происходит и в других колоннах. Везде, днем и ночью, как тихонько рассказывали приезжающие с этапами, во всех городах и селах арестовывают людей. И большинство из них исчезает бесследно — "без права переписки". Сердце Левы сжималось от сострадания к тем братьям, которых он оставил в колонне, где был Михаил Данилович Тимошенко. Как-то теперь сам он и другие с ним? Как Жора, брат Семякин и все, кто в центральном лагере? Прошел час, другой, а Лева все еще не мог спать. Наконец после глубокой молитвы он уснул тревожным, беспокойным сном.

Прошло несколько дней, и приехала начальник санчасти.

– Смирнский, ну что творится? Кто бы мог подумать, что здесь, в районной больнице, контрреволюция свила такое гнездо? Я все доверяла Букацику и другим, а оказывается, все они готовили что-то страшное. Почему вы мне ни слова не сообщили о них?

– Я ничего не знал, о чем они говорят и чем живут, — ответил Лева. — Когда я приехал, то пришелся, словно не ко двору.

– Я это знаю, — сказала врач. — Вот поэтому вы и уцелели, что даже не присутствовали при их разговорах. И знаете — то, что с вами там случилось, вы заступились за этих избиваемых беглецов, вам послужило во спасение. Ведь там тоже открыли целый ряд организаций, которые готовились. И все они арестованы. И это произошло тогда, когда вы сидели в карцере. Теперь их всех прибирают к рукам.

– Здесь нужен врач, — сказал Лева. — Больных очень много, я один не справлюсь.

– Где же я возьму врачей? Я уже писала в управление Сиблага, чтобы из распредов врачей направляли к нам. Как их ни арестовывают, все равно врачей в лагерях не хватает.

Начальница уехала, обещая устроить Лева командировку в управление за медикаментами, в которых чувствовалась острая нужда. Через несколько дней под конвоем Лева поехал за медикаментами. В центральной колонне, получая медикаменты, он узнал от воронежского брата, который был крупным специалистом по телефонной связи всего лагеря и свободно разъезжал везде по проверке связи, что многие и многие братья взяты в особые тюрьмы, так же как и другие заключенные.

Лева сильно желал увидеть дорогого брата Жору-скрипача, но его не было. Он был взят. От воронежского же брата Лева узнал, что Петя Фомин также был взят.

Находясь на этом лагпункте, Лева неожиданно встретился с сестрой, которая работала прачкой. По ее виду можно было сразу понять, что до родов остается немного.

— Меня отправляют на Яйу (там был большой лагерь для женщин), и, вероятно, я сегодня уеду с этапом.

– Как вы себя чувствуете духовно? — спросил Лева.

– Я верю, меня Бог простил, я молюсь, но верующие здесь от меня отвернулись. Ваша тетя Тереза со мной и разговаривать не хотела, как с блудницей. — Она заплакала.

– Не расстраивайтесь, — сказал Лева. — Это вредно для ребенка, которого вы носите в себе.

– Начальство говорит, что меня после родов вскоре освободят и отпустят домой, — говорила она, всхлипывая. — Но как я вернусь домой, к папе, к маме? Если бы я приехала с ним и сказала: "Вот это мой муж", то хотя он и неверующий, но все же легче было. А теперь я не знаю, как будет.

— Господь вас простил, — сказал Лева, — а братья и сестры простят, жалеть будут.

Он говорил об этом, а в душе этому не верил. Он знал, что многие верующие забыли всепрощение и милосердие Господа и, не видя бревна в своем глазу, готовы, как фарисеи, презирать и бросать камни в тех, кто споткнулся, пал.

– Знаете, я думаю, — сказал он ей на прощание, — что Бог не без милости, а ваши родители не без Христовой любви. Они вам все простят и попрекать не будут. Ведь один Бог знает, сколько мук вы пережили, и вы уже достаточно наказаны. А братьев и сестер вашей общины вряд ли теперь увидите. Ведь сейчас многих арестовывают, и те, кто остается на свободе, боятся даже видеть друг друга.

– Молитесь, молитесь обо мне, — сказала сестра и, тяжело дыша, направилась к своему барaku.

Лева вернулся в больницу с медикаментами. Старался делать все для того, чтобы облегчить страдания больных и способствовать их выздоровлению.

Листья опали. Зеленели лишь ели да сосны. Выпал первый снег. А потом вдруг сразу заглодало, забуранило.

Наконец прислали нового врача. Это был молодой, юркий врач, уже видавший виды, и голова его была наполовину лысой. Он энергично принялся за дело. Многие порядки, расписания, которое ввел Лева, он изменил. Это нисколько не обидело Леву, но когда он

стал выписывать из больницы больных, которые еще явно нуждались в стационарном лечении, это возмутило Лева. Он решил наедине поговорить об этом с врачом. Как Лева ни доказывал необходимость поддержать некоторых сердечников и почечников на коечном лечении, врач на это не обратил внимания и резко сказал:

— Вы фельдшер, и я в ваших советах и консультациях не нуждаюсь.

Это взорвало Лева. До сих пор к нему все относились с определенным уважением и не попрекали, что он фельдшер.

— Если так, — закричал Лева, — я с вами работать не буду. Я забочусь не о себе и не о своем авторитете, а о восстановлении здоровья людей. — И он, громко хлопнув дверью, ушел. Ушел. А совесть мучает, не дает покоя: какой же ты христианин, как же ты побеждаешь зло добром? Ведь надо же было все-таки найти подход к этому врачу, а не поступать так резко. Бегут мысли: что, если пойти позвонить начальнику санчасти, чтобы перевели в другое отделение, что с этим врачом работать нельзя? Он молился, и буря в душе утихала. Ему становилось все более и более стыдно за себя. Ведь, как верующий, он совсем не должен хлопать дверью. Ведь нужно быть кротким, терпеливым, рассудительным. Что же, пойти к нему, извиниться? Подумает — испугался. Нет, не пойду...

Прошло более часа. "Как же это я не буду работать? А больные-то? Кто будет делать им перевязки? Ведь эти прибывшие два фельдшера не справятся с объемом работы по всей больнице. Имею ли я право оставлять медицинскую работу из-за того, что врач поступает неправильно? Нет! Нужно работать, нужно идти просить извинения и подойти к врачу так, чтобы он в конце концов понял свои ошибки".

— Простите меня, я погорячился, — сказал Лева, входя в кабинет врача.

— О, ничего, ничего, это пустяк! — сказал врач. — Садись. Ты уж меня тоже извини, я тебя напрасно фельдшеризмом упрекнул. Я тут навел справки, говорил с начальником колонны; все говорят, что ты знающий, опытный, не хуже врача. Я думаю, у нас дело наладится.

Действительно, не прошло и нескольких недель, как Лева и этот врач вполне сработались, понимали друг друга, и дело пошло гладко. Лева благодарил Бога, что Он помог ему не проявлять никакой гордости, но с помощью Его достигать успеха. И, в конце концов, получилось так, что какие бы мероприятия ни предлагал Лева на пользу дела, врач соглашался, и все было хорошо.

Наступила зима. В лаборатории работал старичок-лаборант, седой, изможденный болезнью. У него был облитерирующий эндартериит. Пальцы на правой ноге омертвели, были черны, как уголь, и сухи. Он мучился от нестерпимых болей и, садясь на стул, беспрерывно покачивался, чтобы как-то заглушить нестерпимую боль. Курил он непрестанно.

— Разве вы не знаете, что при вашей болезни курить нельзя? — говорил ему Лева. — Ведь никотин — страшный сосудистый яд и ведет к дальнейшему омертвлению стопы.

— Не могу, не могу! — говорил несчастный. — Столько пережито, столько следствий; одно у меня утешение — табачок. И вот, когда курю, кажется, и боль не так сильно чувствуется.

— Вы могли бы, конечно, применять немного наркотиков, — сказал Лева. — Это разрешается делать таким больным.

— Не хочу, не хочу! — сказал старик, страдальчески смотря вдаль. — Наркотики — это уже смерть, верная наркомания. Я все еще надеюсь: может быть, освободят, сактируют, ведь все знают: я безнадежный больной. Только, говорят, 58-ю статью теперь перестали активировать. И даже многих, у кого кончается срок, не отпускают на волю.

— А вот что я вам хочу сказать, — начал Лева. — Чувствую себя больше не в состоянии молчать. Во всяком горе, беде помогает Христос. Силой Его вы можете освободиться от табака. Он прощает все и дает большую перспективу, чем освобождение на волю. Он дает вечную жизнь.

— Я слышал, что ты верующий. Я знаю, что тебе легче живется, чем мне. Но я не могу, к сожалению, верить. С юности у меня созрело материалистическое мировоззрение, шагал в ногу с передовыми, а потом вот выбросили, посадили, и теперь у меня нет никакой веры, никаких убеждений — пустота и одно страдание. Вот умру, буду кучей навоза, и все.

Тут пришли за анализами, разговор прекратился. Проверая связь, в колонну заглянул воронежский брат. Лева был счастлив встретиться с ним. Брат был очень печален, и какая-то затаилась грусть, почти ужас таились в его глазах.

— Вы что-то очень переживаете? — спросил Лева.

— Да, ты прав. Никому не скажу, но с тобой поделюсь. Только смотри, никому ни слова, пропадешь. Конечно, всех этих арестованных куда-то вывозят. Есть особые вагоны, которых никогда раньше не было. — Он замолчал.

— Я, когда ездил за медикаментами, — подтвердил Лева, — тоже видел какие-то особые пультмановские вагоны. Внутри они разгорожены толстыми решетками.

— Да, некоторых, видимо, в этих вагонах куда-то увозят. А вот многих-то... — он замолчал опять, посмотрел кругом, никого поблизости не было. — Вот когда я проверял связь, линию, приходилось пробираться через леса, и я видел бугры, видел свежие сожженные вещи заключенных. Да, их, конечно, расстреливают...

Редко, редко кто возвращался из этих следственных тюрем. Но вернулся Букацик. Он страшно постарел, был истощен до неузнаваемости.

— Что же с вами было, — спросил Лева.

— Все допросы, — уклончиво ответил он. — Все допрашивали, почему у меня нерусская фамилия, не связан ли я с Польшей и в каких организациях участвую по свержению Советской власти...

Скоро Букацика куда-то отправили.

Кончился срок Левы, но его не освобождали. Как и многие другие, он сидел теперь в заключении без всякого срока. Это называлось — отбывать наказание "до особого распоряжения".

Заключение свыше срока нисколько не огорчало и не расстраивало Леву. Спешить было абсолютно некуда. И по тем письмам, которые Лева получил от матери, и по всей обстановке он знал, что дело Божие полностью разгромлено. В Куйбышеве закрыли часовню — ту самую, которую многие звали "ловушкой", и всех братьев, активно принимавших участие в деле Божьем, арестовали и убрали "без права переписки".

Общин не существовало. Настала жуткая ночь, когда никто делать ничего не может. Что творилось по всей стране! Можно ли измерить всю меру ужасов? Сколько братьев и сестер было взято в узы, и сколько приняли мученическую смерть — об этом знало лишь одно Верховное Руководство жизни.

— Почему Господь оставил меня? — недоумевал Лева. — Ведь то, что я оставлен, просто чудо. Ведь это событие с беглецами и их избиением не случайность. И то, что я был вызван на суд как свидетель по поводу произвола в лагере, тоже не случайность. И то, что я вернулся в райбольницу, и сразу обнаружилось, что я пришелся как бы не ко двору, — не случайность. Все эти "случайные" на вид совпадения различных обстоятельств допущены и устроены Небом, чтобы, пройдя эти огни и воды, я был живым свидетелем, как темно без Бога и как дивно светит свет Его и во мраке, и что Он силен сделать так, чтобы остаться и быть Его тружеником. Так предусмотрено в Его планах.

"О, Господи! — молился Лева. — Если Ты дашь мне увидеть свободу, если будет какой рассвет, — а он должен быть! — то помоги мне, чтобы уста мои возвещали правду Твою, всякий день благодеяния Твои, ибо я не знаю им числа" (Псал. 70).

Сибирская морозная зима продолжалась...

Глава 22. Освобождение

"Знаю, что Ты все мажешь, и что намерение Твое не может быть остановлено"

Иова, 42, 4

Прошел и Новый год. Наступили первые дни 1938 года. Каждый житель нашей страны ждал лучшего и, поздравляя друг друга с Новым годом, люда желали счастья, но счастья не было видно. Многие семьи оплакивали взятых и не вернувшихся. Тревога, ожидание чего-то неизвестного наполняли души.

Лева, как и другие заключенные, слышал, что на "воле" происходят большие события. Народный комиссар (нарком), возглавляющий Комиссариат внутренних дел СССР, Ягода, вместе со многими другими был объявлен врагом народа. В лагере, где находился Лева, было очень тревожное настроение, так как высшие руководители Сиблага, старые партийные работники, были арестованы и обвинены в контрреволюции. Тем более каждый заключенный не знал, что с ним будет завтра. То, что многих перестали освобождать, несмотря на то что срок их заключения закончился, явно показывало, что обстановка очень напряженная.

Лева совершенно не знал, что ожидает его завтра. Может быть, вызовут и отправят "без права переписки" или без всякой вины и причины дадут новый срок наказания. Он жил так, как это было в ранней юности: "Будь готов, всегда готов, ко всему готов". Многие, срок заключения которым истек, тяжело переживали, не могли спать, писали заявления, страшно волновались. Лева молился, горячо молился Всевышнему, Который решает судьбы. И это вносило тишину в его сердце. Он спокойно продолжал трудиться в больнице. Так же, как всегда, регулярно ел и спал. Он верил, глубоко верил, что Иисус поведет его лучшей дорогой.

Он только что окончил обход больных и пошел за анализами к лаборанту, как прибежал работник УРЧ.

– Собирайтесь, срочно собирайтесь! — кричал он Леве.

– Как, куда собираться? — спросил Лева.

– Собирайтесь со всеми вещами, вы уезжаете совсем. Вас направляют в центральный лагерный пункт.

– Что может быть?

Работник УРЧ покачал головой и сказал:

— Все может быть, ничего не могу сказать.

У вахты уже ожидал конвой. Даже не пришлось как следует увязать свои вещи, — надзиратель очень торопил. Их, несколько человек заключенных, погрузили в грузовую автомашину. Там встали с винтовками в кузове трое охранников в черных полушубках, и они поехали.

Это был январь. Мороз стоял около 40 градусов. Хорошо, что на Леве были казенные валенки и теплые рукавицы, иначе в кузове без движения можно было промерзнуть насквозь.

Прибыли в центральную колонну, впустили в зону. Лева побежал искать братьев и сестер. Но, •увы, никого не было. Все куда-то отправлены.

В лазарете он встретился с фельдшером Синявским.

— Очень рад тебя видеть, — говорил Синявский, пожимая ему руку.

Он накинул шинель, и они вышли из больницы.

— Ну и дела теперь! — хмурясь сказал Синявский. — Сколько людей исчезло, сколько людей пропало! Я слежу за газетами, и, кроме того, здесь некоторые были на свидании. Даже всех руководителей здравоохранения, облздравов — безобидных врачей — всех пересажали без права переписки, объявили "врагами народа". Вот теперь появилась новая личность в "органах" — некто Ежов. Как утверждают, он является самым близким другом Иосифа Виссарионовича Сталина и теперь возглавляет все. Может быть, наведет порядок, невинных людей освободят, кто уцелел и остался жив, и все будет... как бы тебе сказать? Законно.

– А вам скоро освобождаться? — спросил Лева.

– Осталось немного, но о свободе не думаю. Пока правосудие и справедливость доберутся до нас из Москвы, можно попасть в положение "без права переписки".

– Вы здесь, Смирнский? — кричал посланный из УРЧ. — Идите, вас начальник вызывает.

С тревожно бьющимся сердцем Лева направился к начальнику. Вошел в кабинет. За столом сидел осунувшийся пожилой человек. Увидев вошедшего Лева, он встал и протянул ему руку:

– Поздравляю вас, товарищ Смирнский! На вас пришло отношение из Москвы, вы свободны! Это редкий сравнительно случай в наше время.

– Да, до этого я был только "гражданин", — улыбаясь, сказал Лева. — А теперь, слышу, вы назвали меня "товарищем".

– Понятно, пока заключенные отбывают срок, они только граждане и не могут быть нам товарищами, — сказал начальник. — Идите, берите вот эти бумаги и оформляйтесь.

Лева пошел оформляться. Как ни странно, на душе его не было никакой радости. Он знал, что для Христа в эти годы не было совершенно свободы, и для него, как христианина, "воля" представлялась сущей неволей.

— Господи! — внутренне молился он. — Как быть, куда ехать, зачем?

И опять в его душе разгоралось то желание, которое было в нем, когда он был освобожден после первого срока: пойти к высшему начальству и сказать, что он отказывается от освобождения, что освобождение ему не нужно.

И вот, вместо того чтобы идти в каптерку и сдавать вещи, он направился в кабинет начальника управления лагеря, но начальника не было. Лева решил ждать. Прошел час, другой — начальника не было. Секретарь сказала, что начальник выехал с утра в одну из колонн и, возможно, сегодня не вернется.

Как быть? Лева внутренне молился: "Боже! Я готов страдать за Тебя дальше, я готов засвидетельствовать всем этим людям, что я — Твой последователь и что если нет места на воле в нашей стране для Тебя, то нет места на свободе и для меня". Но обстоятельства явно не складывались так, чтобы Лева хлопотал о продлении заключения. Помощник начальника лагеря, к которому он пытался обратиться, сказал, что он очень занят, и отказался принять Лева.

Лева побрел в каптерку.

— А валенки вы сдайте, — сказал помощник начальника снабжения. — У нас их очень мало, и мы освобождающихся заключенных отправляем только в ботинках.

Лева надел большие грубые лагерные ботинки. Хорошо, что они были большие. Ноги свои он обмотал ватными портянками которые не сдавал, работая в больнице. Так было тепло и в ботинках.

Ему выдали справку, что он — уроженец Самары, осужденный Особым Советом при НКВД СССР 20 февраля 1935 года по статье "КРГ" (контрреволюционная группировка) к заключению в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях) на 3 года, освобожден из сибирских трудовых лагерей; что ему выдано денежное пособие 10 рублей. Следует к избранному месту жительства — г. Куйбышев, б. Самара.

Выдано денег на питание в пути 7р. 10 к. и на билет 78 р. 80 к. Лева вышел за зону. У него с собой был чемоданчик и небольшой узелок с личной постелью. Чемоданчик был довольно тяжел: в нем были медицинские книги. Отойдя от зоны, Лева вынул из кармана старенькое поношенное Евангелие, открыл Псалтырь и молитвенно прочел:

"Правда Твоя, Боже, до превыспренних; великие дела соделал Ты; Боже, кто подобен Тебе? Ты посылаешь на меня многие и лютые беды, но и опять оживляешь меня, из бездн земли опять выводил меня..." (Пс. 70, 19 — 20).

Нужно было идти к железной дороге. Она была в стороне, за лесом, где был маленький полустанок. Нести чемодан было тяжело, Лева привязал к нему две дощечки, приделал веревку и повез, как на салазках. Когда он прибыл на полустанок, уже темнело,

мороз крепчал. В маленьком помещении сидели несколько военных работников лагеря, одетых в тулупы.

— Э, ты, парень, належке! — сказал один из них. — В таком бушлатике, телогрейке, да в ботинках. Не мерзнешь?

Лева не успел ответить, как другой в тулупе ответил за него:

— Эти заключенные — удивительный народ. Такой мороз, мы в тулупах коченеем, а они ничего, даже редко обмораживаются.

Наступила ночь. Проходили составы, груженные лесоматериалами и другими строительными материалами. Они не останавливались. Военные начали волноваться:

— Этак мы и не уедем!

Было темно. Издали показались огни паровоза. Шел товарный поезд.

— Ну, мы его сейчас остановим, — сказал один военный. И как только поезд стал приближаться, военный, вскинув винтовку, стал палить из нее вверх, стоя на железнодорожном пути. Поезд остановился. Военные вскочили в полупустую платформу, а с ними и Лева. Поехали.

Это было страшное путешествие. Вышла луна. Мороз крепчал. Они ехали на открытой платформе. От движения поезда возникал ветер, и Лева казалось, что его продувает насквозь. Он все время был в движении, притопывал, ни, казалось, холод готов проникнуть в самое сердце.

— Господи, не дай обморозиться, не дай замерзнуть! — внутренне молился Лева.

Хотя он был в ватных брюках, особенно коченели коленки. (После этого путешествия Лева несколько лет ощущал боли в коленных суставах.) Ехавшие в тулупах все дивились на него.

Прибыли к станции, от которой шли пассажирские поезда. Здесь, в битком набитом станционном зале, Лева наконец-то согрелся, достал из сумки хлеб, кусочек селедки, налил кружку кипятку и с особым аппетитом поел.

Последнее время в лагере кормили неплохо, и он не голодал. Но теперь этот аппетит напомнил ему тот голод, какой испытывал он в первые годы своего заключения.

Купил билет. Подошел поезд. Сел в вагон. Кажется: так давно не ездил он в вагонах, в которых обычно ездят люди. Пассажиров было мало. Лева взобрался на верхнюю полку. На нижней полке напротив ехала молодая девушка. После дороги на открытой платформе и мороза Лева быстро заснул. Проснулся. В вагоне было тихо. Ночь, полумрак. Лева спустился и сел. Девушка, видимо, еще не ложилась спать. Лева взглянул на нее. Глаза грустные, грустные.

— Вы, видимо, из заключения? — спросила она, первая начав разговор.

— Да, из заключения, — ответил Лева. — Слава Богу! Освободили, еду домой.

— У вас родные есть, к ним едете?

— Да, мама меня ждет, папа, брат, сестры.

— Вы счастливый человек, что к родным едете, а то, я знаю, бывает, освобождаются — никого нет, негде голову приклонить.

— Простите, я хочу у вас кое о чем спросить, — сказал Лева. — Вот я был более трех лет в заключении, оторван от внешнего мира. Так вот, по газетам, по книгам слышно, что идет везде большое строительство и, работая, созидая, люди изменяются. Человек становится новым, прекрасным; как это говорится, "человек меняет кожу".

— Да, это верно, строительство идет колоссальное, везде. Это вы видели и сами, участвуя в строительстве Горно-Шорской железной дороги. Но человек, по всем данным, остается тот же.

Она замолчала и тяжело вздохнула.

Лева взглянул на нее, и ему стало ясно, что у нее какое-то большое горе.

— А вы скажите мне, за что вы сидели? — спросила собеседница.

Лева, обычно не рассказывающий о себе подробно, тут же прямо сказал ей, что он верующий, решил жить по учению Евангелия, и вот из-за этого всего пришлось уже второй раз быть в тюрьме.

Девушка широко открыла глаза и с удивлением посмотрела на Лева.

– Вы, молодой, и верите в Евангелие, в Христа?

– Да, да, — сказал Лева. — Это самое дорогое в моей жизни. Я верю, что только Христос есть путь, и истина, и жизнь.

Девушка с интересом слушала его объяснения.

— А я вот верить не могу, — сказала она. — Отец, мать, хотя инженеры и знают много старого, но в Бога не верят, а в школе я была сама в кружке воинствующих безбожников и другим разъясняла, что Бога нет.

Лева стал рассказывать ей, как хорошо было бы, если бы все люди верили в Бога, как в Отца, любили Христа, — тогда все были бы братьями и сестрами, не обижали бы друг друга, не было бы греха и зла...

Увлечшись своим повествованием, Лева не заметил, как девушка опустила голову. И вдруг он услышал: она плачет.

– Что с вами? У вас, видимо, какая-то беда?

– Да, я так несчастна, так несчастна! — проговорила она сквозь слезы. Отца тоже арестовали, и он пропал. Но не в этом дело. Это мы пережили. Вот учусь в институте, хочется хорошего, чистого... Ну, скажу вам откровенно: дружила я с одним парнем, он хороший студент, общественник, я тоже не из последних студенток. И вот он так полюбил меня, а я его. Решили вместе жить, строить жизнь, зарегистрировались в загсе. Нам дали комнату. И вдруг, представьте себе, вся его любовь ко мне исчезла, стал относиться ко мне даже не по-животному, а прямо скажу — по-зверски! Узнала — гуляет с другой студенткой. Это так поразило меня, так убило, что я не могу прийти в себя. Я верила в людей, а теперь мне страшно. Нет ничего. Вот, вы думали, я девушка, а я не девушка и не жена теперь...

Она молчала. Молчал и Лева.

– Скажите, возможно, у вас только несчастный случай, — спросил Лева. — А многие живут очень счастливо и становятся новыми людьми?

– Не говорите мне про новых людей! — воскликнула девушка с какой-то тоской. — Это не только со мною. Разводов кругом сколько угодно. Отцы бросают маленьких детей. А пьянка! Что за пьянка идет! А на производстве, — вот я на практике была, — сплошной мат стоит, и только о женщинах говорят...

– Так я вижу, что на воле ничего нового, положительного нет, — сказал Лева, — и народу по-прежнему нужен Христос. Без Христа не может быть чистой, светлой жизни.

– Не знаю, не знаю, — ответила девушка. — Только тяжело, очень тяжело. Все мечты, самые лучшие девичьи, втоптаны в грязь. Хорошо, что я еще не забеременела...

– Доставайте Евангелие, познакомьтесь с ним, — одно только я вам и могу пожелать, — сказал Лева.

В Новосибирске она сошла.

О, как хотел бы Лева, чтобы Евангелие, любовь Христа, стали известны многим и многим, и молодежь, озаренная Божьим светом, могла радостно, чисто жить и трудиться и строить новую, светлую жизнь без греха, злобы, ненависти... Без разврата...

Но, увы, была ночь, глухая, темная ночь. Были жуткие годы.

Вот и родной Куйбышев!

По улицам, занесенным снегом, спешит Лева в дом, в который он возвращается во второй раз после своих испытаний.

Материнские объятия, слезы родная семья... Преклонили колени, сердечно благодарят Бога, снова вернувшего Лева в семью. Плача от радости, горячо молится мать:

— Господи! Ты услышал мою молитву, ты вернул родного сына. О, благослови! Помоги, защити....

Нужно начинать жизнь. Мысли, думы плывут, наполняют сердце Левы, волнуют душу...

Глава 23. В Иродовой бездне

"Нет разумевающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их — открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их; уста их полны зловонья и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их".

Рим. 1, 3, 11-18

Мама поведала Лева, что времена пришли тяжкие. И с тех пор как арестовали братьев и закрыли часовню, верующие прекратили встречи друг с другом. По словам матери, получилось:

— Что где кто ни скажет: собраться ли для молитвы, помочь ли кому, — все тут же известно. Вызывают. А как это происходит? Уж некоторые братья думали, что все это через электрическую лампочку, током передается к особым аппаратам, и они все знают, все слышат.

Лева отлично понимал, что здесь никаких аппаратов нет, а все устроено так, что если кто не предаст другого, будет предан сам.

Из сообщения мамы Лева узнал, что окончил срок и вернулся и Николай Александрович Левинданто.

— Как же, мама, — спросил Лева, — вот Николай Александрович, наш родственник. Неужели он, освободившись и вернувшись в Куйбышев, не пришел навестить тебя со своею женой, твоей племянницей?

— Нет, что ты! Он ни с кем не встречается.

Для того чтобы уяснить себе обстановку, Лева решил читать не только Библию, но и газеты. Читая их, он узнал, что правая рука великого Сталина, Николай Иванович Ежов, совершает большие дела: раскрывает преступления, утверждает справедливость. По улицам, на столбах, было расклеено много афишек, которые восхваляли Ежова, как "твердокаменного большевика". Например, рисунок: рука в ежовых рукавицах раздавливает гидру, и подпись к этому: "Гидра контрреволюции в ежовых рукавицах".

Везде продавались портреты Н.И.Ежова, начиная с формата открытки и кончая большим размером.

"Кто такой Ежов? — думал Лева. — Ему дана теперь вся сила. Это Божий слуга, высший представитель власти, который под руководством Сталина совершает правосудие".

И Лева проникся уважением к этому власть имеющему человеку, купил его портрет и повесил дома, в кабинете. В этой комнате, которая была когда-то кабинетом отца, расположился по приезду Лева. Отец работал за городом, редко приезжал, и его Лева еще не видел.

Прошло несколько дней, как Лева приехал и отдыхал, окруженный заботой матери. А она все старалась угостить вернувшегося любимого сына мясными щами, пирогами и другими домашними кушаньями.

— Я все же, мама, хочу сходить к Николаю Александровичу.

— Сходи, — согласилась мать, — но только будь осторожней, не задерживайся, много не говори.

Вечером Лева пошел к своему родственнику. Николай Александрович сидел в кругу своей семьи. Они только что пообедали.

— А, Лева, Лева, проходи! — заулыбался он своей бодрой, радостной улыбкой. — Ну, как, жив, вернулся?

После расспросов о здоровье мамы, сестер и брата Лева и Николай Александрович сели у большой старинной печки, которая излучала тепло. Был январь, морозно, и в комнате было прохладно. Лева в нескольких словах рассказал о встрече с Тимошенко и с другими, и что все они пропали.

— Знаешь что? — сказал Николай Александрович. — На меня братья сетуют, называют отступником, а отступник я или нет, один Бог знает. Только я тебе скажу, что когда пришли ко мне Путилин, Волков, — они дорогие, искренние братья, — и предложили участвовать в служении и иметь общение с верующими, я категорически отказался. И вот, только благодаря этому и остался жив, а то бы упекли "без права переписки". Один Бог знает, что сейчас творится. Мне один знакомый партиец сказал, что каждый из них не знает, будет ли он завтра на свободе или же нет. Каждому задание дано — выявлять врагов, и если не донесешь и не выразишь двух-трех, то сам попадешь под подозрение.

Лева хотел поговорить о духовных вопросах, но Николай Александрович махнул рукой и сказал, что теперь все кончено, и о будущем на земле мечтать не приходится.

— А вот Михаил Данилович Тимошенко, — заметил Лева, — верил в великое духовное пробуждение в нашей стране.

Взятый М.М.Путилин и другие не вернулись. Ни одной весточки от них не пришло. Впоследствии они были посмертно реабилитированы и с их семей снято многолетнее поношение (семья "врага народа"), которое они терпели из-за невинно осужденных.

— Да, он был увлекающийся христианин, — покачал головой Николай Александрович. — Но только где он теперь? Пропал он, пропали его мечты.

— Люблю я Михаила Даниловича, — продолжал Левинданто, — искренний и пламенный был христианин, но не для нашего времени. А теперь, Лева, мы должны иметь мудрость Христа: молчать и молчать, как молчал Он перед людьми, когда начались страсти Его.

Лева собрался уходить. Его не удерживали и не приглашали заходить еще, как это бывало раньше, когда он в юности посещал этот дом.

Дома Лева коротко рассказал о своем посещении родных.

— Какое же духовное состояние Николая Александровича? — поинтересовалась мать.

— Не знаю какое, — ответил Лева.

— Вот он все же мудрый брат, — заметила мама. — И тебе теперь тоже нужно быть осторожным, не лезть на рожон, как раньше, сидеть спокойно, и будешь жить дома. Иначе вот, как папа, придется быть вне города. А он и теперь все равно молчит.

Была поздняя ночь. Лева помолился, открыл Библию и прочел: "Всякий, кто исповедует Меня перед людьми, того и Я исповедую перед Отцом Моим". Лева вспомнил рассказы дяди Пети о первых христианах-исповедниках. Когда было страшное гонение, то массы христиан молчали, скрывались от власть имущих; были верующие во Христа и в дворцах, и среди рабов, но они молчали. В то же время находились христиане-исповедники, которые открыто заявляли, что они — христиане, говорили о Христе, помогали гонимым в тюрьмах и шли на верную смерть.

И вновь и вновь горел и разгорался в сердце Левы огонь: положить душу свою за друзей своих. К Сталину проникнуть невысказано, но к Ежову возможно. Предстать перед ним, рассказать ему свою жизнь, стремление к правде, доказать, что верующих гонят несправедливо, что дети Божьи — это не враги, не контрреволюционеры, а верные граждане — свет и соль земли русской; что сам он лично хочет учиться, быть полезным, ученым и в то же время — быть верным последователем Христа.

Утром он сказал матери:

— Мама, я уезжаю в Москву, к Ежову, руководителю НКВД. Буду искать правды, буду говорить правду, постараюсь доказать, что верующие страдают несправедливо. Они не враги, ты это сама знаешь.

— Что ты, что ты! — всплеснула руками мать. — Ты погубишь себя! Никакой справедливости там нет! Столько всякого народа пересадили, и я уверена — никакой там контрреволюции нет. Люди только хотят, чтобы их не трогали. Тут что-то страшное...

М.Д.Тимошенко, брат Жора (Георгий) Слесарев, брат Семькин и все другие с тех пор, как, находясь в лагерном заключении, были вторично взяты, арестованы "ежовцами" — исчезли. Больше никаких вестей, писем от них никто не получал. И не нашлось людей, которые могли бы засвидетельствовать, что встречали их. Было ясно, что они приняли мученический венец. "Но их вера в будущее дело Божия у нас, в России, не была бесплодной, — резюмирует Лева. — Бог чудесным образом воскресит наше братство".

Но как мать ни уговаривала Леву, он был непреклонен.

— Я должен положить душу свою за братьев, я попрошу, чтобы убедились на мне самом, что можно верить в Христа и в то же время быть верным, полезным гражданином.

Мать плакала, мать металась. Вытирали слезы на глазах его сестры и брат. Лева собрался. Помолился, попрощались.

И вот — поезд мчится в Москву, столицу нашей великой страны. Невесело, нерадостно на душе у Левы. Все время перед глазами стоит плачущая мать. Он молится. И перед ним Иисус, Который оставил все: не пожалел своей матери, своих близких и пошел, чтобы страдать ради правды, ради спасения людей. И если Лева — последователь Иисуса, то какой же путь ему избрать? Ни тени сомнения не проникало в его душу, что он поступил неправильно. Он не боялся грядущих страданий, он верил, что Иисус не оставит его, и если вывел его из заключения, то силен, если он нужен, вывести его из того места, куда он идет. А кто знает: может быть, правда, справедливость восторжествуют? Займутся, разберутся и перестанут притеснять, гнать христиан, разрешат, откроют молитвенные дома, церкви, и построение новой жизни будет вполне совместимо с тем добрым, вечным, что возвестил Христос.

Ночь в вагоне спал спокойно. На душе спокойно, хотя и немного грустно. Полное доверие Иисусу. Вышел на вокзал. Незнакомый огромный город, масса людей. Какое движение! Хорошо, что приехал утром. Присел на скамейку, подкрепился положенным матерью пирогом. Сдал в камеру хранения чемоданчик, в котором было несколько книг и пара белья. Подошел к милиционеру: — Скажите, как добраться до УМВД СССР? Милиционер объяснил.

Нелегко было двигаться непривыкшему к большому городу Леве среди потока людей. Внутренне молясь, чтобы не запутаться, спрашивая прохожих, Лева добрался наконец до большого здания. Разыскал приемную. Вошел. Много всякого народа, сидят, ожидают. У всех лица грустные, задумчивые, тревожные. Горе, горе светилось в глазах каждого.

Когда дошла его очередь, он подал заявление, в котором писал, что просит Николая Ивановича Ежова принять его по особо важному секретному государственному делу. Спустя некоторое время Леву пригласили в комнату, которая была рядом с приемной. Там несколько военных пытались узнать от Левы, что это за "секретное, особо важное дело", и сказали, что без изложения сути дела Ежов его не примет. Лева сказал, что дело настолько секретное и важное, что сказать он не может никому, а только скажет самому Ежову.

Допрашивающие Леву не стали настаивать, но только попросили его рассказать о себе, кто он такой. Лева кратко рассказал. Ему предложили ожидать.

Проходит час, другой. Время уже за полдень. Народу много. Кто ждет, кто уходит. Вдруг Лева заметил, что чьи-то внимательные глаза наблюдают за ним. Он всмотрелся: немолодая женщина внимательно смотрит на него. Что-то вроде знакомое уловил он в чертах ее лица. Где он мог ее видеть и когда? Не вспомнить... Но вот далекие годы. Детство. Он в собрании, большое собрание на Крестьянской ул., 173, в молитвенном доме. И она сидит среди других сестер и, не спуская глаз с говорящего, слушает проповедь. Сидит с края скамейки. Да, это она! Лева встает, идет к ней и садится рядом. Она смотрит на него, все смотрит. Но вот лицо ее проясняется, она улыбается и говорит:

— Вы, Лева, из Куйбышева. Я помню вас мальчиком. Вы сын Анны Ивановны и Сергея Павловича?

— Да, да! — восклицает Лева. — Я помню вас, как вы сидели на собрании и слушали проповедь.

— Я самая. В те годы я жила в Самаре, это моя духовная родина. А потом я переехала в Москву и являюсь членом Московской церкви.

— Почему же вы здесь? — спросил Лева.

— Я пришла хлопотать о Якове Ивановиче Жидкове. Его арестовали. Он наш пресвитер. Я хорошо его знаю: ни в чем неповинный человек. Впрочем, сколько сейчас арестовано невиновных братьев и сестер! Но за Жидкова я решила хлопотать, доказать, что он не виновен, чтобы освободили, или хотя бы добиться передавать ему продукты с передачами.

— О, благослови вас Бог, что вы в такое трудное время заботитесь о заключенном! — с восхищением сказал Лева. — Ведь теперь даже вольные братья боятся вольных.

— А как вы сюда попали, зачем? — поинтересовалась сестра.

— Ищу правды. Недавно освобожден из второго заключения и убежден, что верующие не виновны, не государственные преступники. Я этот вопрос исследовал, и это так.

— Верно, это так. Но можно ли добиться правды у людей неверующих в Бога? — спросила сестра. — А где вы остановились, к кому заехали?

— Ни к кому не заехал. У меня адресов верующих нет. Сестра задумалась:

— К себе я вас пригласить не могу: работаю как служанка, переночевать негде, и дать вам адрес кого-нибудь из верующих тоже не могу. Все напуганы — перепуганы, боятся.

— Об этом не беспокойтесь. Господь все усмотрит. В это время кто-то подошел к Лева:

— Вы Смирнский?

— Да.

— Следуйте за мной.

Лева выписали пропуск, и он вошел с этим человеком в огромное здание. Длинные коридоры...

— Скажите, как это вы снюхались с этой сектанткой? Так быстро. Уже сидят и беседуют.

Лева молчал.

— Святым духом, что ли, познакомились?

Сестра эта была Евдокия Аполлинариевна Егорова (Дуся Егорова). Она много потрудилась для братьев. И ныне, будучи старушкой, притом инвалидом, живет и бодрствует в Москве. Добиться справедливости в отношении Якова Ивановича Жидкова ей не удалось. Его осудили и отправили на Колыму.

Лева молчал. Они поднялись на следующий этаж и опять шли длинным коридором. Сколько, сколько кабинетов! Все за номерами. Сотни, сотни комнат, в каждой из них сидят следователи и работают день и ночь. И в результате эта огромная "фабрика правосудия" выдает продукцию — эшелоны приговоривших людей, несчастных, оторванных от жизни и семей. И сколько горя, слез матерей, осиротевших детей породили эти кабинеты! Сколько мук, страданий испытывают здесь обвиняемые! И вот здесь где-то, в подвалах или в других зданиях, за решетками сидят братья. Сидит Яков Иванович Жидков и другие. А вот он, Лева, на свободе. И, движимый какой-то особой силой, пришел и проник в это место бездны страданий.

Леву ввели в кабинет. Уже смеркалось. В комнате было светло от ярко горевших электрических лампочек. За столом сидели двое.

— А, Лева Смирнский! Давно ли вы прибыли из Горной Шории в Куйбышев? — спросил один из сидящих.

Другой назвал дату, когда Лева приехал в Куйбышев, и начал рассказывать все данные о нем и об его отце. Когда отец был в Мелекесе, куда уехал и где сейчас находится.

Лева был прямо ошеломлен. Какая изумительная информация и как быстро! Все знают о нем! Ему стало ясно, что у них при УНКВД СССР имеется замечательная картотека всех бывших под судом и следствием и "подозрительных" людей. И они могут быстро навести справки о каждом.

— Так скажите, зачем вы к нам пожаловали?

— Я это не могу сказать. Я это могу сказать только самому Ежову.

— Но Николай Иванович так занят! Ведь он не только руководит нашей работой, но возглавляет всю партийную организацию Москвы. У него нет ни минуты свободного времени. Мы вначале должны выслушать вас и, если будет нужно, доложить ему. И тогда, если он найдет необходимым, он вызовет вас.

Как ни старался Лева доказать, что этот вопрос особый и нужно ему лично изложить его Николаю Ивановичу, они говорили, что это невозможно, что устроить свидание с ним они не могут, и что Ежов дал им полное полномочие рассматривать все особо важные дела.

Внутренне молясь, Лева решил, что можно исповедовать Христа и перед ними и искать истину, начиная с них, так как, судя по знакам различия, они занимают большие посты.

— Кратко говоря, суть дела заключается в том, — начал Лева, — что на протяжении многих лет, будучи два раза в заключении, я убедился, что к нам, верующим, относятся неправильно, считают врагами, вредными людьми, и многие осуждены. Я хочу представить материалы, и не только материалы других людей, но самого себя, чтобы убедились, что верующие во Христа — честные, трудолюбивые, могут быть и учеными, и что притеснять их несправедливо.

— Как вы сказали? — нахмурился один из них, — Притеснять? Вы еще скажите: на верующих у нас гонения. Вы должны отлично знать, что у нас полная свобода вероисповеданий и никаких гонений нет, а если арестовывают попов и сектантских проповедников, то не за веру, а за контрреволюцию.

— И если закрываются молитвенные дома и церкви, — добавил другой, — то это только потому, что народ отходит от религиозного мракобесия, верующих становится все меньше, и народ требует закрытия пустующих храмов и разрушения этих зданий — притона лжи и беззакония.

— Я пришел к иным выводам, знаю многих верующих, они совершенно не враги Советской власти, они достойные труженики, они только верят в Бога, и это делает их лучше, честнее и вернее.

Наступило молчание. Потом один из них, видимо старший, сказал:

— Вы просто не понимаете, молодой человек, основных истин: ни Христос, ни какая религия нам не по пути. Само Евангелие контрреволюционно, хорошо делают те, кто разоружается, отказывается от Бога. Если этого нет, то мы действуем так, как известно: "Если враг не сдается, его уничтожают". Мы не можем допустить антисоветчины. Разве Евангелие — это советская вещь?

Лева всячески стал объяснять и доказывать, что истинное Христово учение драгоценно для всех веков, что это — мир, братство, счастье для всех людей, что только Бог является любовью, спасением и прощением. Один из сидящих вскочил.

— Бросьте, бросьте говорить нам о вашем Боженьке! Все это мракобесие. Стыдно вам, вы молодой! Знайте, что мы не боимся никакого Бога, что мы сейчас караем и караем, и кто может остановить нас? Мы сильнее всякого Бога, никакого примирения с религией быть не может, только борьба и уничтожение ее. Мы не скрываем, мы не останавливаемся ни перед чем и готовы быстро расстреливать тех, которые идут против нашей идеологии и активно поддерживают ваше Евангелие. Он хотел было выругаться, но, сдержавшись,

замолчал. — Для того чтобы установить истину, я предлагаю сделать опыт на мне. Я верующий. Вы оставьте меня в Москве, я буду жить и учиться в высшем учебном заведении под вашим пристальным наблюдением, в полном личном контакте с вами, буду трудиться, а вы наблюдайте, смотрите, и тогда сделаете вывод: может ли искренно верующий человек быть врагом народа или, наоборот, он полезен обществу, он отстаивает все передовое и лучшее. Наблюдая, вы придете к выводу, что люди, стремящиеся жить по Евангелию, полезны и необходимы для грядущего светлого будущего.

— Нет, нет, мракобесие и наука несовместимы. Вся ваша вера — сплошная ложь. А это у нас правда и справедливость. И я вам хочу не губить вашу будущность, а открыть путь вперед. Мы понимаем, что вы, хотя и молоды, но не можете сразу распротиться с вашими религиозными предрассудками. Давайте работать с нами, давайте работать вместе, и у вас будет блестящее будущее.

— Согласен, — сказал Лева. — Моя специальность фельдшер. Я буду работать с вами, лечить и обслуживать больных заключенных в ваших тюрьмах и одновременно учиться в Москве.

— О, это нам совсем не нужно. Нам вот что нужно, и мы делаем вам серьезное предложение: давайте вместе бороться против контрреволюции в сектантстве. Мы будем давать вам задания, вы поедете по верующим на Украине, по другим областям. Вы уже сидели, никто не будет даже догадываться, что вы наш сотрудник. Вы будете давать нам нужные материалы, мы оценим вашу искренность, верность, преданность нам, и у вас будут хорошие перспективы.

— Этого быть не может, — сказал Лева. — Так как я еще раз утверждаю, что верующие никакой контрреволюцией не занимаются, они чужды политике и жаждут лишь того, чтобы жить по-Божьи, всех любить, делать добро, славить Бога, то я думаю: вот если этот вопрос рассмотрит Ежов и посоветуется со Сталиным, отношение к верующим изменится.

— Не будьте наивным: и Сталин, и Ежов, и вся партия думают так, как мы говорим. От верующих остались только жалкие остатки, и скоро эти религиозные пережитки будут совсем искоренены в нашей стране. А вы, видимо, неисправимый верующий?

— Да, я хочу до конца следовать за Христом, и та свобода, в которой недопустим Христос, мне не нужна. Вот мой паспорт. Прошу арестовать меня. — И Лева положил на стол свой паспорт.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись они. — Вот чудак нашелся! Все на свободу рвутся, а он в тюрьму.

Старший из них взял телефонную трубку и стал звонить приятелям: "Зайдите к нам в кабинет, тут у нас человек от свободы отказывается".

Пришли несколько военных.

— Так это тот, которого мы решили из Горной Шории освободить? — спросил один из них. — Да, напрасно мы, выносили решение об его освобождении. Надо было оставить его в лагере навечно, как неисправимого.

— Нет, он одумается, одумается. Верно, молодой человек, одумаешься? — спросил главный из них и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Подумай хорошенько! Вот отдадим сейчас тебе твой паспорт, выйдешь, иди в гостиницу, переночуй, подумай, а завтра приходи к нам, поговорим по душам. Зла мы тебе не желаем, только добра. Освободишься от своего Христа, вздохнешь свободнее и будешь радостно строить вместе с нами социализм.

— А может быть, он сейчас одумается? — сказал один из них. Позвонили по телефону, и официанты принесли горячий чай, печенье, бутерброды, яблочки, лимоны. Все стали закусывать, не обращая внимания на одиноко сидевшего Леву. Он чувствовал себя страшно уставшим, голодным. Тяжелое горе, что он правды не добьется и в центре Москвы, у высших властей, сдавливало грудь. Очень хотелось пить, но они не угощали его. Лева понимал все: стоило сейчас ему дружелюбно улыбнуться, сказать, что он

согласен сотрудничать с ними, как его не только угостили бы, но и снабдили деньгами... Лева молился.

— Ну, ладно, молодой человек, — ласково сказал начальник. — Твое дело еще не пропащее. Бери свой паспорт, иди сейчас в гостиницу, отдыхай, а завтра приходи к нам. Мы ждем тебя, желаем тебе добра и во всем поможем, когда ты будешь хорошо сотрудничать с нами.

Часть 6. ВЕТЕР БУРНЫЙ (1939-1944)

".. Лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный..."

Мф. 14, 24

Глава 1. Темнеет

"Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу".

Рим. 8, 28

Лева учился в мединституте, все шло хорошо, но временами ему беспричинно становилось как-то особенно тоскливо. Небо было безоблачно и, казалось, не было никаких симптомов, указывающих на приближение грозы. Но сердце почему-то предчувствовало что-то тяжелое, неотвратимо надвигающееся. И сам не зная почему, Лева временами, как говорится, не мог найти себе места.

Внезапно началась финская война. Стали набирать в армию пополнение, и многие студенты-первокурсники получили повестки — явиться в райвоенкомат. Вместе с парторгом института они направились на призывной пункт. Это еще не был призыв в армию, но их брали на учет для того, чтобы через некоторое время они могли пройти медицинскую комиссию и, возможно, быть направленными в действующую армию.

О, этот военный вопрос! С момента обращения ко Христу Лева соприкоснулся с ним и, видя, что в братстве нет единодушия в его понимании, глубоко изучал его. Он молился, искал правду, истину, желая поступить так, как учит Христос. Так, чтобы все было по воле Божией.

Получалось так, что на его маленькой карманной Библии, которую подарили ему родители, он на первый лист приклеил очень красивый печатный текст:

"Удерживайтесь от всякого рода зла" I Фес, 5, 23.

Этот самый текст, когда Лева размышлял, невольно стал для него ключом для решения военной проблемы. Если многие братья в прошлом свой отказ от оружия мотивировали заповедью "Не убий", то Лева подошел к этому с другой стороны: война безусловно есть зло — это неоспоримо. Она, как говорил еще академик Павлов, есть звериный способ разрешения человеческих вопросов. Леве было совершенно ясно, что война началась тогда, когда брат поднял руку на брата — Каин убил Авеля, и пролилась человеческая кровь. Родной брат от руки брата стал безжизненным трупом.

В те годы и дни, когда Лева последовал за Христом, в братстве было большое брожение:

— Принимать ли военную службу "как оброк", нести ее, а если нести, то как: в меру ли совести каждого или же наравне со всеми гражданами, то есть отбывать военную службу с оружием в руках.

Одни считали, что на войне можно и убивать, и не будешь ответственным перед Богом; так, например, в Писании сказано, что Ирод обезглавил Иоанна, а не воин, непосредственно отсекавший ему голову. Воин, утверждали они, тут ни при чем, он не несет никакой ответственности.

Другие, наоборот, полагали, что если мы за каждое праздное слово несем ответственность перед Богом, то тем паче, убивая человека, проливая кровь, мы являемся полностью ответственными.

Лева много читал. Он знал, что предшественники баптистов — анабаптисты (перекрещенцы) — отрицали военную службу, так же как и многие из родственных христианских движений — меннониты, квакеры — не участвовали в войне и не служили.

Изучая материалы Первого Всемирного конгресса баптистов (1905 г.), Лева узнал, что первые баптисты отрицали военную службу, а последующие признавали ее в такой степени, что из среды баптистов выдвинулись даже генералы, которые водили армии и лили человеческую кровь, сея смерть и опустошение.

Лева, далее, изучал материалы XXVI съезда братства баптистов, когда власть потребовала, чтобы они несли военную службу наравне со всеми гражданами. И старшие братья, на основании некоторых данных из истории христианства и Библии, "неопровержимо" доказывали, что нужно, подчиняясь власти, брать оружие и применять его "для защиты".

Лева молился. Он долго мучился над разрешением этого вопроса, и когда в школе, в которой он когда-то учился, ввели военизацию, как учебный предмет, он отказался учиться воевать, написав заявление, что он, как христианин, не может учиться отвечать злом на зло, и что если бы ему по военизации поставили отметку "хорошо", это означало бы, что он хорошо научился отвечать на зло — злом. И это для него, как христианина, будет позором.

Его тогда освободили от военизации. Потом все-таки были бури из-за этого. Ни мать, ни старшие братья по руководству Союзом баптистов, такие, как Одинцов Н. В., не советовали ему так поступать. Но он не мог, не мог поступить иначе... Ношение оружия и употребление его было, в глазах Левы, несовместимо с любовью Христа. Он не мог представить себе Спасителя, вооруженного винтовкой и вонзающего штык в грудь Пилата или первосвященников. Ему говорили:

— Ведь Христос все же вооружился бичом и выгнал предающих из храма.

На это Лева отвечал, что там была скотина для жертвоприношения, и Христос действовал бичом не против людей, а очищая храм от животных...

И вот теперь они шли на призывной пункт, и Лева думал и молился:

— Как быть? Можно было молчать и предоставить все дальнейшему течению; уповая на Бога, верить, что Он устроит все наилучшим образом. Хотелось думать, что все получится само собою и получится хорошо...

Но у Левы почему-то возникло горячее желание поведать людям, что он христианин, исповедать свою веру перед людьми. Ведь никто не знал, что он верующий, а разве это хорошо?! "Кто постыдится Меня и слов Моих в роде, сем прелюбодейном и грешном, того и Я постыжусь", — сказал Христос. — "Зажегши свечу не ставят ее под сосуд".

Вот почему на призывном пункте, когда дошла его очередь, Лева сказал, что он верующий баптист, готов служить в армии и, если нужно, просит призвать его в действующую армию, но только по своей специальности фельдшера.

— По своим убеждениям, — продолжал он, — как последователь Христа, оружие я в руки брать не могу, равно как и присягу принимать не буду, так как клятва запрещена Христом.

Это признание Левы было, как говорится, подобно разорвавшейся бомбе, оно вызвало всеобщее изумление. Парторг института был просто ошеломлен и никак не мог прийти в себя, никак не понимая, что вдруг студент мединститута оказался баптистом. Заявление Левы было воспринято так, как будто он заявил о себе, что он болен проказой. Никто из присутствующих даже не пытался разубеждать Леву, только вызвали фотографа, чтобы его сфотографировать.

Леве было сказано, что дело его будет передано в прокуратуру, а пока он может идти и продолжать учиться, так как в сущности их в армию еще не призывают, и это (то есть призыв) есть дело будущего.

Лева вернулся в общежитие, продолжал учиться, заниматься, но отношение к нему сразу резко изменилось. Вечером в общежитии в его комнату не вошел, а вбежал пожилой студент-коммунист, друг Левы. Он вызвал его в коридор и, смотря на него беспокойными глазами, как будто узнав, что Лева поражен раковой опухолью, спросил:

— Скажи, ты на самом деле баптист?

— Да, баптист, — спокойно ответил Лева.

— Ну что ты, ну что ты! На твоём месте я бы лучше стал бандитом, чем баптистом. Где у тебя отношение, что ты член комиссии по столовой? Выдвинули мы тебя, а не знали, кто ты такой. Вот беда!

Лева отдал бумажку. Звания старосты группы его тоже лишили, однако учение продолжалось по-прежнему, администрация его не вызывала. Только парторг пригласил к себе и в краткой беседе расспросил, как и когда он уверовал, почему он баптист.

И на этом все стихло.

"Что может быть плохого? — думал Лева. — От военной службы я не отказываюсь; в сущности, нас в армию-то и не призывают еще..."

Однако на сердце, там, в глубине, особенно как-то болело. Лева подсознательно чувствовал, что надвигается страшная буря.

Леву вызвали в прокуратуру. Прокурор, сравнительно еще молодой человек, отнесся к Леве очень внимательно и всячески убеждал его взять его слова назад.

— Вы поймите, — говорил прокурор, — ваши понятия не только не современные, но просто ни с чем не вяжутся. Раньше у нас был закон, по которому освобождали от военной службы по религиозным убеждениям, так как, как вам известно, мы — враги религиозных притеснений. Но потом, как, вероятно, вы также знаете, на одном из съездов нарком обороны К. Ворошилов заявил, что в течение ряда лет от религиозников не поступают заявления об отказе от военной службы по религиозным убеждениям, и поэтому в этом законе нет надобности, ввиду чего он и был упразднен. Только для вас один выход: если только вы не согласитесь принимать присягу и брать в руки оружие, — вам один только путь открыт: в тюрьму. И поймите, это неразумно. Вы — студент мединститута, у вас все впереди; вам, может быть, и не придется брать в руки оружия... Однако мы ведь это дело оставить не можем...

Прокурор вызвал его еще раза два, а потом, не сказав ничего определенного, оставил его в покое.

Лева продолжал заниматься, как вдруг на первом курсе мединститута ввели военное дело. Представитель армии знакомил студентов с общими положениями военной службы, обещая в скором времени приступить к изучению винтовки.

Лева посещал те занятия, на которых излагались общие положения. Ходили студенты также в парк и там обучались, как нужно ходить при марше, бегали, ложились в укрытия. Лева уже много лет имел при себе маленькую аптечку, которая не раз помогала ему быть "милосердным самарянином". В аптечке был индивидуальный пакет, йод и еще кое-что для оказания первой помощи. Для того чтобы было удобнее носить аптечку при себе, Лева приспособил кожаный футляр от велосипеда, в котором обычно хранятся инструменты, и прикрепил его к ремню. Отправляясь на занятия в парк, Лева пристегивал аптечку к ремню. Его выдвинули взводным, и некоторые из студентов полагали, что это у него собственное индивидуальное оружие.

Наступил новый, 1940 год, в Уфу приехала жена Левы — Маруся, встречать вместе с ним Новый год. Евладовы пригласили их к себе. Встреча Нового года в этой большой семье проходила торжественно. Было много приглашенных родственников, друзей. На столах стояли вина. Выпивали, как и везде. Все это было не по душе Леве, и Александра

Евграфовна, понимая его, предоставила им маленькую комнатку, в которой они могли бы вместе встретить Новый год и отдыхать ночью.

Что принесет грядущий год? Он полон загадок. Маруся обещала непременно переехать в Уфу; о квартире была уже полная договоренность. Все, казалось, должно быть только хорошо. Встречали Новый год в молитве, на коленях.

— Да будет воля Твоя! — молился Лева. Он верил и был убежден, что верующим все содействует ко благу, и ободрял Марусю, которая была сильно встревожена его беседами с прокурором.

— Бог силен все устроить к лучшему, — говорил Лева. Вскоре Маруся уехала. Лева усиленно готовился к сдаче экзаменов на предстоящей сессии.

Но внезапно Леву вызвали в камеру следователя Ждановского района г. Уфы. Следователь была женщина, она разговаривала слевой свысока, раздраженно, как с человеком, совершившим преступление.

— Мне из прокуратуры передали ваше дело, и я должна заняться им, — сказала она.

Обычное заполнение листка допроса, биографические данные. Лева всячески пытался доказать, что он от военной службы абсолютно не отказывается и искренно рад бы служить в Красной Армии. Но следователь неумолимо утверждала, что, не желая брать в руки оружие и отказываясь принимать присягу, он, Лева, тем самым "уклоняется от военной службы".

Все эти допросы отзывались пагубно на настроении Левы, вселяя в его сердце грусть. Но — что бы ни ждало его впереди, нужно было заниматься и сдавать экзамены. Лева молился, не опускал руки, продолжал усиленно заниматься, и в его "зачетке" появились уже первые оценки сданных экзаменов. Все шло хорошо.

Но вот на одном из уроков военного дела принесли оружие. Студентам надлежало изучать винтовку.

— Что угодно, но я этого не могу.

Лева даже представить себе не мог, что ради того, чтобы продолжать учиться в мединституте, он научится стрелять, будет учиться, как пользоваться штыком.

Все это было для него страшно, как для христианина. Он не мог спокойно даже думать об этом. Временами даже ему хотелось бы умереть, нежели учиться нести смерть другим.

Казалось, словно какое-то кольцо суживается вокруг него. С одной стороны — вот это, что он не мог принять ни под каким видом; с другой стороны — допросы следователя. Эти допросы были, конечно, не пустой забавой и предвещали страшную развязку.

Когда было слишком тяжело, Лева молился, открывал Евангелие, читал, а потом в республиканской читальне брал томик стихотворений С. Я. Надсона и читал их как что-то родное, близкое, обнадеживающее. И опять, как в прошлые годы страданий, его внимание жадно привлекали слова поэта:

"Друг	мой,	брат	мой,	усталый,	страдающий	брат,	
Кто	б	ты	ни	был,	не	падай	душой:
Пусть		неправда	и	зло	полновластно	царят	
Над		омытой		слезами		землей.	

Пусть		разбит	и	поруган	святой	идеал
И		струится		невинная	кровь	—
Верь:		настанет	пора,	и	погибнет	Вaal,
И		вернется	на		землю	Любовь!

Не	в	терновом	венце,	не	под	гнетом	цепей,
Не	с	крестом	на	согбнных	плечах,		—

В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.

И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескrestных могил, ни рабов,
Ни нужды беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов.

О, мой друг, не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись: зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!

Мир устанет от слез, захлебнется в крови,
утомится безумной борьбой, —
и поднимет к любви, к беззаветной любви
очи, полные скорбной мольбой!.."

Лева читал, и из глаз капали слезы. Было уже поздно, читальня становилась почти пустой. Он заметил, что недалеко от него сидит девушка, и что-то усердно читает, переживает. На глазах ее тоже временами искрятся слезы.

– Что вы читаете? — спросил Лева.

– Мопассана "Милый друг", — ответила она.

"У каждого свое, — подумал Лева. — О, если бы она знала о Спасителе!.."

Студентов стали вызывать в военкомат. Вот и медицинская комиссия. Долго слушают его сердце. Результат — зачислили в нестроевые.

Большинство студентов направили в действующую армию на финский фронт.

Лева сдал успешно все экзамены, начались каникулы. Поехать бы домой, — но с него взяли подписку о невыезде. Дело передано в суд.

"Пойду к судье, — подумал Лева. — Попрошу разрешения до суда съездить домой, к семье".

И он пошел.

Глава 2. Непогода

"... И увидел их бедствующий в плавании, потому что ветер был им противный..."

Марк, 6:48

Идти к судье — дело нелегкое, и прежде чем решиться на этот шаг, Лева снова и снова молился и размышлял.

Несколько дней назад его неожиданно вызвали в органы НКВД. Видимо, и туда донеслось, что в мединституте обнаружили баптиста. Там приняли его очень вежливо и попросили рассказать, какие связи он имеет сейчас с баптистами. Кто был сам Лева, им было уже известно. В то время, как, впрочем, и всегда, все у них было организовано очень четко, и о каждом "большом" преступнике они получали исчерпывающую информацию в течение нескольких минут.

Лева сказал, что никого из сектантов здесь, в Уфе, он не знает; слышал только, что когда-то здесь была община, а теперь все исчезло.

— Да, — сказал беседовавший с ним сотрудник органов Комиссариата внутренних дел, — все течет, и верующие отходят от религии. По нашим данным, никто уже не стремится собираться здесь, у нас в городе, для молений. И вам, студенту, стыдно

придерживаться еще каких-то религиозных убеждений. Все это устарело и давно оставлено даже стариками.

Лева на беседе больше молчал. Его отпустили, сказав, что они к нему никаких претензий не имеют и что дело его будет рассматриваться в обычном суде, где решат, отказывается ли он от военной службы или, наоборот, хочет служить в армии, как он утверждал.

Прежде чем идти к судье, Лева еще раз прочел копию обвинительного заключения, которую вручил ему следователь. На простой бумаге зелеными чернилами, размашистым почерком было написано:

"Обвинительное заключение по делу № 116/1 по обвинению Смирнского Л. по статье 59-4, ч. 2, УК РСФСР". Вот текст этого обвинения:

"Прокурору Ждановского района г. Уфы через прокуратуру БАССР из военного комиссариата БАССР поступил материал на гражданина Смирнского Л. об уклонении от обязательной военной службы. Произведенным по делу предварительным расследованием установлено, что Смирнский Л., по социальному происхождению из семьи служащего фельдшера, родители Смирнского Л. были сектантами, Смирнский Л. не призывался в ряды Рабочее – Крестьянской армии до 1934 года по причине того, что отбывал срок наказания по приговору суда за совершенное преступление, предусмотренное статьей 58-10 УК; будучи в 1934 году освобожденным досрочно, Смирнский был призван в городе Куйбышеве для прохождения обязательной военной службы в РККА, но, однако, от отбытия военной службы в рядах РККА Смирнский Л., как сектант, отказался. И на основании ст. 271 и 272, действовавшего до 1 сентября закона о всеобщей военной повинности, согласно вынесенного определения судебной кассационной коллегии СВКА от 10 декабря 1934 г. был освобожден. В 1935 году Смирнский был снова осужден Особым совещанием НКВД за контрреволюционную группировку на три года и срок наказания отбыл на строительстве Горно – Шорской железной дороги Западной Сибири.

В сентябре месяце 1939 года Смирнский Л. был призван на основании закона о всеобщей военной обязанности от 1 сентября 1939 г. в ряды РККА. Явившись на призывной пункт, Смирнский заявил, что службу в РККА он считает своим долгом, но просит, чтобы в армии он был использован по своей специальности фельдшера, так как он, являясь баптистом, по своим религиозным убеждениям оружия брать в руки не может. Помимо этого Смирнский заявил, что военную присягу он принимать тоже не будет, так как, являясь христианином, не может клясться; тем Смирнский уклонился от обязанности обязательной военной службы, нарушая статьи 136 и 137 Конституции РСФСР, п. п. 1 и 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. о принятии военной присяги и статью 3-ю закона о всеобщей военной обязанности от 1 сентября 1939 года. Однако, виновным себя в предъявленном обвинении по ст. 59-4, часть 2-я УК, Смирнский не признал и показал, что от военной службы я не уклонился и принципиально не против службы в армии, но службы лишь по своей специальности фельдшера, в силу своих религиозных убеждений оружия в руки я не возьму ни при каких обстоятельствах, военную присягу произносить не буду, так как, будучи последователем Христа, я не могу клясться.

На основании имеющихся в деле материалов обвиняется Смирнский Л., 1911 года рождения, по национальности русский, по социальному происхождению — сын фельдшера, родился в г. Куйбышеве, образование имеет среднее, по специальности фельдшер, женат, дважды судим по статье 58-10 на 5 лет лишения свободы в 1930 году и особым совещанием НКВД за контрреволюционную группировку в 1935 году на 3 года лишения свободы.

Беспартийный, в настоящее время студент 1-го курса Башмединститута, проживает в общежитии мединститута по ул. Яналиф, № 2, комн. 63, в том, что, уклоняясь от обязанности военной службы в составе Вооруженных Сил СССР под предлогом религиозных убеждений, нарушил ст. 136 и 137 Конституции РСФСР, п. п. 1 и 2 Указа

Президиума Верховного Совета СССР от 3 января 1939 года в порядке принятия военной присяги и ст. 3 закона о всеобщей военной обязанности от 1 сентября 1939 г., то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 59-4, ч. 2-я УК РСФСР.

Дело на основании статьи 208 УПК направить в прокуратуру Ждановского района г. Уфы для направления по подсудимости.

Нар. следователь Ждановского района Трифонова. Копия верна: секретарь (подпись)".

... Итак, Леву не понимали, считали, что он под прикрытием религиозных убеждений не хочет служить в рядах Красной Армии. Когда в прошлом его освободили от военной службы по религиозным убеждениям, он, в сущности, был также не понят, так как по своим убеждениям он не мог служить в армии и считал, что как христианин, будучи "милосердным самарянином", он может быть полезным в армии во, всякое время, оказывая помощь больным и раненым. Но, увы, ветер был противный для верующих, и все их проявления не принимались и расценивались как вредные.

И теперь, идя к судье, Лева не ожидал, что его поймут, но все-таки все решит суд, а пока, возможно, Бог расположит сердце, и судья разрешит ему во время каникул съездить домой, к родным, до суда.

Хотя Лева уже много пережил и всегда держался принципа: "Будь готов, всегда готов, ко всему готов", но на этот раз он оказался не готов. Все вещи в общежитии он оставил так, как будто через час вернется, и все будет в порядке. Если и начнется гроза, размышлял Лева, то только после суда, когда будет вынесено решение, и если его не оправдают, то возьмут под стражу.

Суд находился в небольшом доме. Комната секретарей со шкафами для дел, комната для суда, кабинет судьи — все как обычно в районных судах. Посетители, ожидающие, машинистки...

Лева попросил, чтобы его провели к судье.

— Вот в эту дверь постучите, и он вас примет, — сказала девушка.

Лева постучал, приоткрыл дверь. За столом сидел человек средних лет. Вид у него был раздраженный.

— Зайдите, — отрывисто сказал он. — Что вы хотите?

Лева рассказал, что ему известно, что его дело передано в Ждановский народный суд и он просит разрешения выехать на каникулы домой, в Куйбышев, пока еще нет суда.

Судья ничего не сказал, открыл шкаф, посмотрел папку, видимо с делом Смирнского, зло взглянул на него и отрывисто произнес:

— Посидите минуточку около секретаря.

И как только Лева вышел, он стал сразу звонить по телефону. Прошло несколько томительных для Левы минут.

"Что он хочет? — думал Лева. — Сразу бы сказал, что ехать нельзя, или же ему необходимо мой выезд согласовать с кем-нибудь?"

Вошел милиционер и прошел к судье. Это несколько не беспокоило Леву: мало ли милиционеров ходит здесь!

Дверь отворилась, и на пороге кабинета показался судья и милиционер. Последний держал в руках какую-то бумажку.

— Возьмите его, — сказал судья, кивнув на Леву, — и отведите в тюрьму.

— Вставай, пошли! — сказал милиционер, равнодушно смотря на Леву.

Лева вышел. Он чувствовал, что говорить было не с кем и не о чем. Девушка-секретарь, машинистка и другие как-то сочувственно смотрели на Леву. Он горько улыбнулся, надел шапку и вышел, сопровождаемый милиционером. Шли по улицам — знакомым улицам, но теперь все оборвалось. Захлопнулись двери свободы.

Лева отлично понимал, что правды не добьешься, что свобода совести хотя и должна быть, но он причислен к преступникам. Болезненно сжалось сердце от мысли, что все его мечты стать врачом, научным работником — брошены в пучину и лопнули, как красивые

мыльные пузыри. Он шел спокойно, но страшная грусть, тихая, безысходная, переполняла душу. Конечно, он понимал, что для него с такими убеждениями один путь — путь страданий. Он знал, что если бы даже не случилось того, что случилось, то все равно, когда бы ни предложили ему в институте изучать оружие и стрелять, он отказался бы, и произошла катастрофа.

Так или иначе, как на шахматной доске, шаг вправо и влево давал один и тот же итог — шах и мат.

Отказаться от того, что было свято для него — удерживаться от всякого рода зла — было для него невозможно. Он не осуждал и даже уважал братьев по вере, которые принимали присягу и даже брали в руки оружие. Он понимал, что им это не открыто и на их моральном уровне, возможно, их совесть и не осуждает: они убедили себя, что будут совершать убийства "в целях обороны", как это сделал богач Дей Иванович Мазаев, застрелив человека, пытавшегося посягнуть на его собственность или на жизнь. Бог судья каждому человеку, но Лева знал, что его будет судить не только суд гражданский, но и многие верующие также бросят в него свой камень и скажут: "Сам виноват! Не надо было лезть на рожон, поступать безрассудно..."

Леву, однако, менее интересовало то, что будут говорить другие, но он знал, какой ужасной раной будет случившееся для его жены, какой великой скорбью наполнится сердце его матери, которая и так уже столько перестрадала за него. Но иначе он не мог поступить. Он смотрел на Того, в Кого верил, и знал, что Иисус не упрекнет его. Если даже случится так, что все, все оставят его, — Лучший Друг Господь никогда не покинет его.

Как отнесется к его поступку родной отец? Лева был уверен, что он не осудит его. Всю жизнь, работая фельдшером, его отец всегда стремился делать только добро, как христианин.

Работая на железной дороге в годы первой мировой войны, он не был мобилизован на фронт. Во время гражданской войны, когда жители сами охраняли порядок в жилых кварталах от пожаров и грабежей, отец тоже нес ночную стражу. Однако Лева знал, что он, дежуря вместе с другими, не брал в руки оружия.

...И вот она, большая, старая Уфимская тюрьма. Милиционер сдал арестованного и, не прощаясь, ушел. Лева знал, что теперь он никому не "товарищ", а только "гражданин". Обыски, санобработка со стрижкой волос наголо, — все такое знакомое-перезнакомое, все хоженные-перехоженные тропы узника...

Камера — переполненная, вонючая, прокуренная. Зима, холод в коридорах и везде холод.

Лева сел на край нар; все, как обычно, обступили новичка: кто? За что? — обычные вопросы. Лева кратко отвечал. Все удивились, как студент, верующий и из-за веры попал в тюрьму!

Подошел старик, качая головой и покуривая свернутую из газеты сигарку, говорил:

— Ох, и глупый, ох, и глупый! Ты бы в душе верил да молчал. Подумай, и все прошло бы, и в армию, может быть, не взяли, или, может быть, и взяли, да сразу в лазарет попал, до винтовки и не дотронулся бы.

— Ну, в общем, — заключил старик, — ты самый настоящий дурак...

Другие как бы встали на защиту Левы и говорили, что он поступил как честный человек. Что есть, то есть, говорили они, — не может стрелять, значит не может. Не может клясться, значит — не может. Такая вера...

Завязалась беседа. Лева старался в простых словах объяснить, как он уверовал, что дает ему Христос, что когда люди будут жить по Евангелию, не будет зла, войн, воровства, матерной ругани и т. п.

Некоторые соглашались, другие смеялись; большинство из сидевших в камере принадлежало к категории всевозможных мошенников, спекулянтов, растратчиков. Настоящие воры, "шпана", как их называли, содержались в отдельных камерах, так как

они, несмотря на запрет, играли в карты и грабили в камерах всех, не принадлежащих к их воровскому кругу.

Принесли знакомую баланду — жидкую мутную водицу, в которой плавало что-то неопределенное. Хотя Лева еще не состоял на довольствии, ему все же налили миску этого "супа".

— Ты что-то, парень, заплошал, попал в тюрьму и даже с собой ложки не взял, — сказал сидевший с ним рядом заключенный. — Я просто удивился: с пустыми руками в тюрьму попал...

— Меня так неожиданно взяли, — сказал Лева, — что я даже ложки не успел захватить.

— На мою ложку!

— Да не нужно, — ответил Лева. — Суп такой жидкий, что его можно пить прямо из миски.

— На вот, возьми хлеба. Не стесняйся, бери. Я хорошие передачи получаю, сыт.

Лева взял кусок хлеба и, помолвившись, с аппетитом стал глотать горячую баланду.

Да, Господь не оставит. И вороны приносили хлеб Илье.

Пришло время вечерней поверки. Часть заключенных отправили, и Лева нашлось место на нарах. Он завернулся в пальто, подложил под голову руку...

Так началась его тюремная жизнь.

Засыпая, Лева молился о жене, о матери, о родных. Чтобы Господь утешил, успокоил их. Ведь все от Господа, и Он знает, каким путем ведет верующего человека и для чего.

Он знает сегодняшний день. Знает и завтрашний.

— Да будет воля Твоя! — молился Лева.

Глава 3. Сильные волны

"Ибо Ты был убежищем бедного, убежищем нищего в тесное для него время, защитой от бури, тенью от зноя; ибо гнетов дыхание тиранов подобно буре против стены".

Исайя, 25:4

Однообразно шли тюремные дни. В камере содержались те, кто ожидал вызова в суд. После сюда большинство приходило, как правило, осужденными. Их переводили в другие камеры, где содержались приговоренные к разным срокам лишения свободы. Лева, привыкший к бурной студенческой деятельности, научной работе, испытывал невольное, бездействие в тюрьме как нечто весьма мучительное. Он беседовал с другими заключенными, но нельзя же все время беседовать! Он много размышлял, молился, иногда тихо пел. В минуты, когда на душе становилось особенно тоскливо, он пел на старинный напев гимн, который пели первые русские братья — светочи Евангелия в страданиях и узах:

"Страшно		бушует		житейское		море,
Сильные		волны		качают		ладью,
В	ужасе	смертном,	в	отчаянном		горе,
Боже	мой,	Боже,	к	Тебе		вопию!"
Сжался	над	мною,	спаси	и		помилуй!
С	первых	лет	я	страшно		борюсь,
Больше	бороться	уж	мне	не	под	силу;
"Боже,	мой	Боже!"—	Тебе	я		молюсь.
К	пристани	тихой	Твоих			повелений

Путь мой направь и меня успокой,
И по пучине житейских волнений
К берегу выведи, Боже благой!"

Этот гимн в глазах Левы был как бы молитвой, и духовные взоры его обращались к небу. Он смотрел в окно, но там неба не было видно. Была зима, толстые слои льда покрывали стекла. От окна парило, потому что воздух в камере был сырой.

Очень хотелось сообщить родным в Куйбышев, что он находится в тюрьме. Те, кто получал передачу, давали ему листы из тетрадей. Не имея конвертов, Лева складывал их треугольником, на внутренней стороне листа писал краткое письмо жене, матери, на другой — адрес. Письма принимались надзирателем, проводившем проверку, но доходили ли они, было неизвестно. Лева все возложил на своего Лучшего Друга, Который среди этих волн стоял у руля его жизни.

Да, как ни тяжело будет жене получать удар за ударом, а все же его доят — ее известить. Ведь она уехала от него из Уфы срочно по телеграмме: в Куйбышеве умерла ее единственная сестра. Поехала хоронить.

Он писал Евладовым, прося узнать и сообщить семье, когда у него будет суд. Медленно, очень медленно тянулись дни. Воспоминания, одни за другими, проходили в сознании, словно легкие облака. Медленно проходили перед ним воспоминания: то как грозные тучи, из которых блистали когда-то молнии и слышались раскаты грома; то вспоминались дни ясного детства...

О, этот военный вопрос! Сколько с ним связано мук... Когда же люди перестанут учиться воевать? Он вспомнил, что такие сильные противники кровопролития, как Н. А. Левинданто, Мих. Тимошенко — и те после ряда ссылок надломились и решили признать необходимость участвовать в войне наравне со всеми прочими гражданами. Сколько раз Н. А. Левинданто беседовал слевой после этого и доказывал ему.

— Я сам удивляюсь, — говорил он, — как это я не понимал. Ведь без оружия нельзя обойтись. Ведь Слово Божие ясно говорит: "Начальник есть Божий слуга, который не напрасно носит меч".

— Да, это верно, — парировал удар Лева. — Власть имеет меч и свои функции. И это, то есть власть, Божье установление. Без него были бы анархия, грабежи и насилия. Но тем не менее Христос сказал: "Царство Мое не от мира сего", и мы, верующие, не можем быть под властью мира сего, так как свет не может быть тьмой. Существующие власти установлены от Бога, но они являются Христовыми учреждениями. Иисус сказал: "Отдавайте кесарю кесарево, а Божье — Богу". Мы выполняем все гражданские обязанности и военную службу. Но там, где касается Божьего — "Бог есть любовь" — во всяком деле наши руки простираются только на то, чтобы творить только любовь.

Лева вспомнил, как в ответ на эти слова брат Левинданто снисходительно улыбался и потом говорил:

— Я же так думал, но когда все братство стало думать иначе, я понял, что останусь в одиночестве, и решил лучше идти со всеми, нежели оставаться никому не нужным одиночкой. — Мало того, он еще и добавлял к этому обычный, набивший оскомину софизм:

— А вот, если твою мать будут резать бандиты? И ты будешь равнодушно смотреть? Не схватишь ли первое, что тебе под руки попадет, и будешь защищать ее? Или твою сестру будут насилловать хулиганы, а ты будешь смотреть или говорить о любви Божьей? Не следует ли тут принять меры, физически остановить насильников?

Лева знал много подобных примеров, доказывавших, что непременно, и в нужный момент, необходимо применить оружие. И вот теперь казалось, скажи Лева на суде, что он берет свои слова обратно, что он согласен на все, в том числе и поклясться в присяге. Как все будет хорошо! Но такие мысли даже ни разу не прилики ему в голову. Он все снова и снова вспоминал старинный стих нашего братства:

"Наш	меч	не	из	стали	блестящей,
Не		молотом		кован	людским;
Он,		пламенем		правды	горящий,
Дарован		нам		Богом	Самим.
Не	плоть	он		людей	поражает,
И	братскую	кровь	он	не	льет;
Он	душу	и		дух	проникает,
И	зло,	и		несчастье	сечет.
Он		цепи		греха	разрубают
И		пленным		свободу	дает;
Сквозь		дебри	он	путь	пролагает,
И	к	истине		путь	тот
					ведет.
Как		молнии		грозные	тучи
Пронзают		он		вражеский	строй;
От	Господа		меч	наш	могучий,
И нужен ли меч нам иной?"					

Сборник духовных песен ВСЕХБ, 1956.

Собратья по вере часто говорили Лева, что в духовном вопросе, в деле Божьем, конечно, меч иной не нужен. Но вот когда мы отдаем кесарю кесарево, то мы вооружаемся мечом и действуем как слуги кесаря.

Возможно, такая мысль и была для многих понятна и укладывалась в сознание, и тогда их совесть была свободна. Но Лева это никак уяснить себе не мог; и ему было вполне ясно — что он последователь Христа и должен поступать во всем так, как поступал бы Христос.

И теперь, в эти тюремные дни, ни малейшей тени сомнения не возникало в сердце Левы. Ал. Павел говорил, что всякий поступает "по удостоверению ума своего". И теперь Лева, находясь в тесных обстоятельствах, не получая передач, ощущая голод, имел защиту от бури в чудном образе Спасителя. Он вспоминал один из самых дорогих гимнов:

"О,		образ		совершенный
Любви		и		чистоты,
Спаситель,		царь		вселенной,
Пример	мой		вечный	Ты.
На	лик	в	венце	терновом
Хочу		душой		взирать;
Хочу		делами,		словом
Тебе лишь подражать..."				

И вот однажды днем Леву вызвали в канцелярию тюрьмы, где его ждал новый конвой. Тщательный обыск. Вооруженные милиционеры выводят его за ворота тюрьмы. Большая грузовая машина. Он садится в кузов, милиционеры стоят в кузове у кабины, машина тронулась.

— Везем вас на суд, — сказал начальник конвоя.

Улицы покрыты снегом. Мчится машина. И вот — здание мединститута, въезжают во двор: "В глаза Левы бросается висящее на стене объявление: "Показательный судебный

процесс над бывшим студентом мединститута Смирнским Л. Заседание суда в главном зале. Начало..."

Леву окружили милиционеры и повели. Знакомые коридоры, учеба, институт. И вот теперь он должен быть судим и приговорен. Огромный зал переполнен. Профессорско-преподавательский состав, студенты. Конвой проводит Леву вперед и усаживает внизу перед сценой. На сцене большой стол, покрытый красным сукном. Лева, стриженный, похудевший, для многих неузнаваем. Он оглядывается, смотрит кругом, видит знакомые лица и незнакомые лица. К нему подошел человек, одетый в гражданское.

— Я ваш защитник, — говорит он, обращаясь к Лева. Я знакомился с вашим делом и, чем могу, помогу. Мне кажется, нужно требовать, чтобы вам переквалифицировали статью, тогда будет меньше срок наказания. Думать о полном вашем освобождении не приходится, но я сделаю все, что могу, чтобы облегчить вашу участь.

— Я очень благодарен вам, — отвечал Лева. — Но я в защитнике не нуждаюсь.

— Если вы не можете оплатить меня, как своего защитника, то я готов вас защищать безвозмездно.

— Очень благодарю вас, — повторил Лева. — Но я верующий человек, христианин, и человеческая защита мне не нужна. Меня будет защищать Бог. И будет то, что лучше.

— Странный вы человек! Я вам добра желаю, но если не хотите, насильно я вас защищать не могу...

Он отошел. На сцене появились люди — мужчины, женщины. В зале наступила тишина. Всем было ясно, что члены суда занимают свои места. В центре сел судья, знакомый уже Лева по короткой встрече. Он выглядел сурово, угрюмо и старался показывать всем своим видом значимость свою и величие. Прокурор также выделялся среди остальных. Видимо, он чувствовал себя выше всех.

Судья огласил состав суда, перечислил народных заседателей, назвал прокурора, защитника. Потом он обратился к подсудимому с обычным вопросом, задаваемым в начале судебного заседания:

— Подсудимый, вы имеете какой отвод к составу суда?

— Да, имею, — ответил Лева.

Зал замер. Это бывало редко, чтобы подсудимый отводил кого-либо из членов суда. Для этого нужно было предъявить уважительную причину.

— Что вы хотите? — спросил судья.

— Прошу освободить меня от защитника, — громко и ясно сказал Лева.

— Как, почему вам не нравится этот защитник?

— Я отказываюсь от всякого защитника. Я верующий, последователь Христа. Христа судили без всякой защиты, и я категорически отказываюсь иметь защитника.

Лева говорил стоя и, когда говорил, оглянулся в сторону.

И кого же он увидел? Там, среди людей, стоявших у стены, кто-то торопливо пробирався вперед. Это был его отец. Видимо, весть дошла в Куйбышев, что в этот день Леву будут судить, и отец, оставив работу, приехал. Он, вероятно, только что с поезда, в шубе, с большим узлом в руках. Он смотрел на сына и старался пробраться поближе. Родное лицо отца, большой лоб, опущенные усы и глаза, полные любви и сострадания, устремленные на Леву...

В суде произошло замешательство; члены суда перешептывались между собой. Наконец вскочил прокурор и закричал:

— Судебный процесс отменяется, будет перенесен на другое время. Об этом будет сообщено отдельно. Конвой, немедленно уведите подсудимого.

Леву снова кольцом окружили милиционеры и вывели. Вели его мимо отца, он хотел остановиться, сказать папе самое лучшее, что было на душе, но его торопили, толкали. Отец только с какой-то особой любовью кивнул ему головой, и его провели мимо. Лева слышал, как отец просил разрешения передать ему передачу. Но — не разрешили.

Быстро посадили в грузовик, машина помчалась. Лева невольно вспоминал Тараса Бульбу, который пробрался для того, чтобы взглянуть на своего страдающего сына Остапа...

Да, это была последняя встреча Левы с отцом. Начались бури за бурями, проходили годы за годами. Только у ног Христа он снова встретил своего отца, с которым в последний раз мог только взглядом обменяться в зале суда...

Глава 4. Ветер бурный

"Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвродидон. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и они носились, отдаваясь волнам".

Деян. 27, 14-15

Леву привезли в тюрьму. Опять открылись перед ним железные двери. Опять эта зловонная, душная камера, и люди, люди, гибнущие, прокуренные, озлобленные, жаждущие свободы и ожидающие суда.

Лева сел на нары, опустил голову и задумался.

— Ну как, почему ты опять попал в нашу камеру? Не осудили, что ли? — спрашивали заключенные.

— Нет, суд не состоялся. Был опять в институте, в том большом зале, где я когда-то выступал на торжественной встрече профессуры с нами, поступающими. Но прокурор отложил суд, потому что я отказался от защиты.

— Как от защиты отказался? — изумились товарищи по камере.

— Да, отказался, — сказал Лева. — Хочу, быть всегда последователем Христа. Его судили без защиты, и мне она не нужна.

— Напрасно, напрасно, — заметили бывалые преступники. — При хорошем защитнике, глядишь, неполную катушку дадут по статье.

— У меня самый хороший защитник, — спокойно сказал Лева, — Бог, Он меня будет защищать.

И опять потянулись томительные, серые тюремные дни, ночи, полные тревоги и ожидания.

Лева отлично знал, что если дело санкционировано прокурором и переведено в суд — свободы не видать, как бы он ни старался доказывать свою правоту. Однако отчаяния, уныния в душе не было. Лева знал, что без воли Отца Небесного и волос с головы не упадет. И если все это произошло и буря разразилась, то все имеет определенное значение. С одной стороны, это испытание его веры и стойкости; с другой стороны — это определенные планы Божий.

Он был спокоен; только было больно, — страшно больно за несправедливость. В самом деле, он искренно хотел служить в армии и абсолютно не уклонялся и не отказывался, но хотел служить только так, как позволяла ему его совесть, быть "милосердным самарянином". И он знал, твердо знал и был уверен в себе, что он был бы полезен там. Но нет, люди не понимали или не хотели понять.

В один из этих дней ожидания суда Леву вызвали на свидание. Перед ним его жена Маруся, она обнимает, целует его. Глаза ее полны грусти, она старается сдерживать слезы. Лева понимает, насколько ей тяжело.

Лева старался выглядеть бодро и утешал Марусю надеждой на Бога.

— Тебе не холодно? Я вот привезла теплые вещи. Изголодался, наверное, побледнел, похудел...

Лева на все отвечал:

— Все хорошо и терпимо.

Маруся рассказала о похоронах своей сестры Музы, о своем посещении суда.

— Лева, ты все же возьми защитника, хотя бы бесплатно. Все-таки и я, и мама будем спокойны. Я уже говорила с одним из адвокатов, и мы найдем.

Лева, однако, отказался от этой услуги и просил только об одном: молиться за него.

Сейчас Леву волновал только один вопрос:

— Что решит суд?

Маруся отнюдь не пыталась говорить с мужем о том, что, может быть, ему следовало бы несколько изменить свои убеждения, как это сделали многие собратья по вере. Она хорошо знала, что в своих стремлениях и взглядах Лева был кристально чист и никогда не мог покривить душой, отступив от того, что он рассматривал как истину, как святое святых. С этой точки зрения внушать ему что-либо было бесполезным занятием.

... И вот пришел час, когда Леву снова вызвали в канцелярию тюрьмы. Те же милиционеры, обыск, и опять они выходят за ворота тюрьмы. На этот раз Леву не посадили в грузовик, а повели по заснеженным улицам города. Он понял, что его ведут не в институт. Ему стало ясно, что суд будет не при народе, а при закрытых дверях, чтобы молва о его взглядах не распространилась широко.

Действительно, его привели к зданию суда Ждановского района, где он впервые встретился с судьей. Состоялся суд, посторонних никого не было. Лева посматривал, не появится ли жена. Ведь она еще в Уфе. Ей, вероятно, неизвестен день суда. Но Маруся так и не появилась.

Судья, народные заседатели, прокурор — все как обычно. Судья очень злой, раздраженно смотрит на Леву, как на своего личного врага. Зачитываются материалы дела, в которых излагается, что Лева, будучи студентом, явившись на призывной пункт, заявил, что готов служить в армии, но только по специальности фельдшера. В руки оружия брать не будет, и клясться в присяге также не будет.

Вопросов к нему было мало. Все склонялись к тому, что под предлогом религиозных убеждений Лева уклоняется от военной службы.

Ему предъявили статью 59, пункт 4-й Уголовного кодекса, которая предусматривала максимальный срок — пять лет лишения свободы.

В заключительном слове Лева сказал, что искренность его религиозных убеждений установлена советскими законами и что он не уклоняется от службы в армии, а просит дать ему возможность служить по указаниям своей совести.

Секретарь суда, ведя протокол, с недоумением смотрела на Леву. В сущности, все понимали, что суд был сплошной нелепицей. Даже по состоянию здоровья медицинская комиссия призывного пункта зачислила Леву в нестроевые, и никто его в действующую армию призывать не собирался. Но машина суда уже завертелась и должна была выдать свою продукцию.

Суд вышел из совещательной комнаты. Лева и охраняющие его милиционеры почтительно встали. Определение суда гласило:

— Пять лет лишения свободы.

Леву увели в тюрьму и, как осужденного, поместили в камеру для приговоренных. Вскоре пришла на свидание Маруся, принесла передачу и очень жалела, что не попала на суд, — ей не сказали точно время суда. Она старалась утешить Леву, а Лева взаимно утешал ее. Пять лет — это не малый срок, это значительная часть жизни. За это время он мог с успехом закончить институт и стать врачом.

А теперь его ждала тюрьма, колючая проволока, лагерь... В камере Лева встретил некоторых, уже осужденных, с которыми вместе был в подследственном изоляторе.

— Ну, как, помог тебе Бог, защитил? Сколько дали?

— Пять лет дали, — отвечал Лева.

— Ого! А где же Бог? Вот так защитник! Ха-ха-ха... — смеялись некоторые.

Эти насмешки Леву отнюдь ничуть не смутили.

— Да, Бог мой защитник. Он мог, бы сделать так, чтобы я вообще сюда не попал, и если мне дали пять лет — это не без Его разрешения. Он усматривает лучшее.

– Ну и фанатик! Ну и фанатик! — возмущался какой-то отпетый безбожник... — Говорил я, что Бога нет, и остаюсь при своей убежденности. Молится Богу, водку не пьет, не курит. Бог, видите ли, его "защитил". Вот и дали на всю катушку...

Эти насмешки и доводы атеиста не были даже искушением в глазах Левы. Он снисходительно смотрел на этого духовно ослепленного человека, глубоко верил и нисколько не сомневался, что Бог ведет его, как отец ведет свое дитя за руку. Весь опыт его прежней жизни, жизни больших страданий, в его глазах служил подтверждением извечной истины Библии:

"Любящим Бога, призванным Его изволением, все содействует во благо".

Ожидались этапы. Куда, как? На пять лет. Может быть, на Север, а то и на Дальний Восток. Только пережившие приговор и ждущие этого этапа знают, как волнуется каждый, ожидая, как решится его судьба. Все знали, что попасть куда-либо на сельскохозяйственные работы, это — жить и остаться живым. А попасть в рудники, на каменоломни, на лесоповал — это значит — возможно, умереть, так и не увидя более ни родных, ни близких. Лева молился, говорил Отцу, говорил своему Лучшему Другу — Иисусу, и Дух Утешитель был с ним, и в этой скорби он чувствовал истинный покой, полное доверие Всевышнему. Куда повезут — знает Он, хотя жизнь и несется по разъяренным волнам, однако он не забыт в этой буре. Око Отца над ним, и этап пойдет туда, где для него будет самое лучшее.

Маруся пришла еще раз, принесла передачу, старалась поддержать здоровье Левы. Но Лева, как с ним бывало и раньше, всегда делился продуктами со всеми и был очень рад, что мог угостить других заключенных — голодных, как и все в те дни.

... Скоро, скоро этап. Последнее свидание. Маруся уезжает домой.

Она передала ему привет от Евладовых, где остановилась, и глубокое сочувствие их горю.

Неизвестное впереди, а Лева полон надежд. Может быть, Маруся — мечтал он — придет и будет работать врачом в той самой местности, где в лагере будет и он. Будет как ангел-хранитель и для него и для многих страдальцев. Ему вспомнился Достоевский, он, осужденный в далекое изгнание, мог иметь большую радость, зная, что любящее сердце последовало за ним.

Зима, холодная, морозная. Дует ветер, поднимая облака снежной пыли. Окруженный конвоем, под лай собак этап идет к станции. Поместили в жутко холодные "теплушки", и хотя набили битком, но все же холодно, страшно холодно. Мерзнут ноги у Левы. Все тело дрожит.

Тронулся состав. Куда? Заключенным об этом знать не полагается.

Поезд шел по направлению к горам Урала...

Глава 5. Девятый вал

"И продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению".

Деян. гл.27, 20

Они спали в теплушках, и хотя вагоны эти назывались "теплушками", но температура в них на этот раз явно не соответствовала их наименованию.

Несмотря на то что заключенные прилагали все усилия, чтобы разжечь железные печи и подложить больше каменного угля, из этого ничего не получалось. Было холодно, дымно. А поезд мчался и мчался. Хотя Лева и был одет по-зимнему, в подшитых валенках, зимнем пальто и на голове малахай, все же он чувствовал, что промерзнет насквозь. Другие ощущали то же самое. Вес делали непрерывные движения руками и ногами, чтобы как-нибудь согреться.

Наконец, глубокой ночью печурка разгорелась, стало относительно тепло. Можно было прилечь вплотную с другими да нары и кое-как вздремнуть.

— Господи! — молился Лева, — Помоги, помоги мне выдержать все испытания. Дай только быть Тебе верным до конца. Да будет воля Твоя...

Лева не просил у Бога облегчения своей участи. Его единственная мольба была — чтобы он нашел в себе силы остаться верным до конца. В его сердце жили слова Писания: "Не бойся ничего, что тебе надобно будет перетерпеть". И нужно отметить: когда он вместе с другими заключенными в эту морозную ночь мчался в поезде в неизвестность, ни единой мысли не возникло в его сознании, что он поступил ошибочно, что нужно было действовать иначе, тем самым избежать этой катастрофы, этих страданий.

Остановка. Их высаживают из поезда, который продолжает свой путь по главной сибирской магистрали, и они слышат, как конвой говорит, что они едут на Белорецк. Эти слова ничего не сказали Лева, но знающие Урал опытные заключенные только вздыхают и качают головой.

— О, я там бывал, — говорит один высокий, худой. — Там огромный металлургический завод, делают проволоку. А кругом горы и лесозаготовки.

— А для чего там лесозаготовки? — спрашивает молодой паренек.

— Как же, дрова готовят, пережигают их на уголь, и на этом угле в Белорецке держатся все заводы.

Всем стало ясно, что впереди их ждут тяжелые, тяжелые работы.

К утру прибыли. Было темно, крепчал мороз. Яркие, ослепляющие лучи прожекторов освещали станцию и прибывший поезд. Заключенных до утра держали в вагонах. Когда рассвело, повели в колонию. Там всех поместили в большой карантинный барак, дали горячую пищу. Эти постные щи в другое время показались бы невкусными, — если бы вы знали, с каким аппетитом и наслаждением ели их промерзшие заключенные! Аппетит у Левы развился просто волчий. После промерзания в пути очень хотелось есть, но ничего не было вволю, "от пуза": ни хлеба, ни шей. Некоторые, кто попал в тюрьму впервые, охали, вздыхали. Лева, однако, все это было так привычно. Уже третий раз на тюремном пайке, третий раз в жизни переносит холод и голод этапа и всякого неустройства. Невольно Лева вспоминались холод и голод, который он переживал некогда в сибирских лагерях. С тех пор прошли годы, а условия жизни для заключенных не изменились. Все то же.

В данный момент у всех был только один вопрос;

— Где будут отбывать срок?

Пробовали спрашивать у проходящих надзирателей, но те отвечали, что пока это неизвестно: начальство решает.

К вечеру всем было приказано одеться и выйти во двор колонии. Стали выкликать по формулярам и, проверив, направлять к вахте. Было ясно, что предстоит продолжать этап дальше. Наиболее пронырливые заключенные сумели вывести у надзирателей, что их направляют далеко от Белорецка, в леса на лесозаготовки. Куда, сколько километров предстояло идти, никто не говорил. Снова ввели в барак, произвели тщательный обыск, а потом вывели за зону колонии. Среди отправляемых были и совсем дряхлые старики. Лева с ужасом думал о них: как-то они доберутся?

Конвой принял этап, заключенные выстроились.

— Как с вещами? Как с вещами? — раздавались голоса.

— Подвод у нас почти нет, — отвечал начальник конвоя. — Несите сами.

Некоторые взвалили на себя мешки и чемоданы, но Лева чувствовал, что он не в состоянии нести свой узел, и поставил его в сторону. То же самое сделали и многие другие заключенные.

— Смотрите, пропадут! — раздалось предупреждение от конвоя. "Что будет, ~ подумал Лева. — Но нести я не в состоянии".

И снова надежда на Бога, вера в то, что без Его воли и волос с головы не пропадет. Эта уверенность вселяла в душу Левы внутренний покой.

Защелкали затворы винтовок, раздался голос начальника конвоя; заученная, наскучившая формула:

— Шаг вправо, шаг влево будет считаться за попытку к побегу. Приказываю конвою применять оружие без предупреждения.

Этап двинулся, залаяли, завыли сопровождающие собаки.

Вначале дорога была хорошая, укатанная, снежная, но чем дальше шли через лес, тем она становилась мягче, кочковатее, и идти стало труднее. И опять Лева услышал знакомое обращение, когда он много лет назад, девятнадцатилетним, шагал по этапу:

— Подтянись! Подтянись! Не отставай!..

Наконец начальник конвоя остановил этап и приказал самым слабым, кто отставал и шел плохо, идти впереди колонны. Стемнело, но благодаря снегу и ярко светящей луне было почти совсем светло, и каждый шаг идущего этапа можно было легко наблюдать.

Шли и шли. Сколько километров — никто не знал. Но было ясно, что прошли уже более десяти, а может быть, и двадцати километров.

Лева чувствовал страшную усталость. Болели ноги, но нужно было идти и идти. Некоторые, кто нес свои вещи, выбившись из сил, бросали свои чемоданы и мешки. Около Левы в ряду, тяжело дыша, шел высокий, очень худой старик. Иногда он с силой вбирал в себя воздух и, казалось, готов был остановиться, но все же шел и шел. Старик понимал, как и все это одинаково понимали, что остановиться, перестать идти — было равносильно смерти. Ходили слухи о том, что отстающих конвой бил прикладами, травил собаками, а потом их "списывали", как якобы сбежавших.

Было далеко за полночь. Впереди на фоне ночного лунного неба виднелись лесистые цепи гор, виднелись долины, покрытые снегом. Впереди — неизвестность. Сколько еще нужно идти, никто из этих измученных людей не знал. Некоторые старики совсем ослабли и едва передвигали ноги.

На счастье, начальник оказался гуманным человеком. Он распорядился посадить ослабших на подводы, на которых везли вещи вслед за этапом. Несмотря на то, что мороз крепчал, — это чувствовалось по особо звонкому хрусту снега под ногами, — от Левы и от других валил пар. От этого непрерывного шествия было жарко.

Наконец между гор показалась долина, на которой виднелись темные бревенчатые бараки, обнесенные колючей проволокой с типичными вышками для часовых. Все невольно ободрились. Еще немного, еще немного... Эти постройки находились вдали, и это "немного" измерялось не одним километром. А они все шли и шли...

Но вот и вахта. Этап встретили начальник колонии, начальник охраны, представители леспромхоза, которые по отношению к прибывшей рабочей силе являются работодателями. Когда вошли в барак, уже светало. Все были настолько истомлены, что не хотелось даже есть приготовленный горячий завтрак. Несмотря на это, прибывшие наскоро были разбиты по бригадам и отведены в столовую. В бараках горели огромные железные печи, в них трещали и полыхали сосновые и еловые дрова. Тепло! О, как драгоценно это тепло!.. И вот, теперь можно лечь на нары и, не раздеваясь, уснуть. Не беда, что нет матрасов, одеял. Лишь бы поспать, отдохнуть...

Лева повалился на доски нар. Единственное, что он был в состоянии вымолвить, это "Господи, благодарю, что Ты помог дойти!", и затем уснул как убитый.

Когда он проснулся, ноги и все тело страшно болело. Он понимал, что это от непосильной нагрузки, без предварительной тренировки.

После обеда бригады были вызваны в штаб, где комиссия под председательством начальника колонии стала распределять заключенных в зависимости от их специальности и состояния здоровья. В основном медицинское комиссование заключенных было проведено еще в Уфимской тюрьме. Тогда же на всех были выписаны формуляры, в них была определена трудоспособность каждого. Теперь при приеме заключенных*

присутствовал фельдшер колонии, тоже заключенный — огромный мужчина средних лет. Заглядывая в формуляры, он сообщал начальнику, какую трудоспособность имеет заключенный. Жалобы на состояние здоровья не принимались.

Стариков, больных, инвалидов назначали в так называемую "обслужу", а кто умеет портняжить и плести лапти — в отдельные бригады.

Дошла очередь до Левы.

— Какая специальность? — спросил начальник, не поднимая глаз на него. Он, видимо, устал от приема столь большого количества рабсилы и спешил скорее покончить с этим.

— Медицинский фельдшер, — сказал Лева. — Студент мединститута.

Начальник оживился и взглянул на Леву с недоверием:

— В самом деле?

— Да, он действительно фельдшер, — сказал помощник начальника, рассматривая формуляр, — И был студентом мединститута.

— Вот хорошо! — воскликнул фельдшер из заключенных. — Народу теперь прибавилось много, и по штату полагается уже два медработника. Он будет мне помогать.

— Да, это хорошо, хорошо, — сказал начальник. Да только скажи мне, Смирнский, за что ты сюда попал?

— Я баптист, — отвечал Лева спокойно и смело. — Хотел служить в армии по специальности фельдшера, не беря в руки оружия, а мне приписали уклонение от военной службы и дали пять лет.

— Баптист, баптист! — нахмурился начальник, и лицо его приняло сразу настороженное, враждебное выражение. — И ты от Бога не отказался, и в Евангелие свое веришь?

— Нет, не отказался, верю.

— Твердо веришь?

— Твердо, — ответил Лева.

— Так нечего с ним и разговаривать! Разведет еще баптизм здесь, в колонии. В лес его, и только в лес!

Возражать было нельзя. Лева повернулся и вышел.

Луч надежды, который вспыхнул, — работать фельдшером, отдавать свои знания для того, чтобы предупреждать заболевания и лечить их, быть в заключении действительно полезным, погас моментально. На душе Левы было темно, грустно и тяжело. Он знал из опыта первых своих заключений, что когда начальство относится к нему с презрением, хорошего ждать не приходится.

И невольно пришли на память Лева слова пожилого студента-партийца, сказанные им в общезитии, когда тот узнал, что Лева — верующий. "Лучше бы ты был бандитом, чем баптистом".

В самом деле, если бы Лева попал в лагерь за грабеж и убийство, несомненно, ему бы были открыты двери медицины: пожалуйста, работай в амбулатории и стационаре! Но он баптист. Какое страшное слово! Какие страшные люди, эти верующие, в глазах современного человека!

Прибывшие с этапом заключенные резко делились на две обособленные группы. Первая — это воры, всевозможные рецидивисты, которые уже побывали в лагерях раньше и имели свои законы, своих "паханов", которые управляли всем. Вторая группа — это "мужичье", как называл их преступный мир. Они попали в лагерь в первый раз, в большинстве случаев за растрату, мошенничество и всевозможные случайные преступления. Воров-рецидивистов поместили в отдельную бригаду, но на работу выходили все вместе и общались полностью. Воры бы, понятно, воровали, но воровать у вновь прибывших было, в сущности, нечего. Вещи свои заключенные сдали в так называемую "каптерку" и все получили одинаковое обмундирование: черные ватные

брюки, телогрейки, бушлат, валенки; все это было новое — за счет снабжения из леспромхоза.

Вблизи самой колонии леса были уже вырублены, и поэтому на работу конвой водил бригады в отдаленные лесные делянки. За хождение пешком на дальние расстояния леспромхоз несколько приплачивал.

... Вот Лева опять на лесозаготовке; опять зима, опять снега, морозы. Опять сосны, ели, березы. Он вспомнил лесозаготовки на станции "Тайга" в Сибири, где он едва не погиб после годовичного тюремного заключения. Теперь было значительно лучше. Раньше заключенным не разрешали разжигать костры, и приходилось замерзшую пайку хлеба грызть в течение рабочего дня. Теперь костры разрешены. Это потому, что по правилам лесозаготовок весь остающийся хворост надлежало сжигать, чтобы не засорять делянки.

Первые недели работы в лесу рассматривались как учебные. И хлеб и приварок в это время выдавались вне зависимости от того, сколько кубометров древесины заключенный заготовил. Раньше этого не было: сколько напилил, такую горбушку и получай.

Лева работал с усердием. Он знал, что от работы будут болеть руки, пока не привыкнешь. Но на этот раз они не заболели. Лева понял, что благодаря длинному, тяжелому переходу и физическому перенапряжению в организме произошла какая-то перестройка, и руки легче привыкали к работе.

Лева написал домой и теперь с нетерпением, ожидал письма. Что там? Как жена, мать, отец и все родные? Ни о ком из них давно ничего не было известно. И еще у Левы было сильное желание: ему так хотелось почитать дорогое Евангелие, но, увы, у него ничего не было.

Он только по обыкновению своему утром вспоминал тексты из Слова Божия и потом в течение дня размышлял о них. Работая в лесу, он из бересты сделал тонкие листочки, наподобие записной книжечки, и на каждый день в нее записывал запомнившиеся тексты.

Поздно вечером, окончив прием больных, фельдшер приходил к нему и жаловался, как трудно работать. "Урки" всячески требуют освобождения, устраивают искусственные флегмоны, практикуют прочие способы членовредительства.

— Я уже ходил к начальнику, говорил насчет вас, но он сказал, что баптиста никогда не допустит.

На лесозаготовках произошло несколько несчастных случаев — порубов и ушибов. Лева решил стать безвозмездным медработником. Сшил себе сумку с красным крестом, получил у фельдшера бинты, йод, вату. И если где происходил несчастный случай, конвой звал его в ту бригаду, чтобы он оказывал помощь. Это очень радовало Леву, но это несколько не снимало с него обязанности выполнять свою норму заготовки дров. Дрова готовились большие, длинные; сваленные лесины нужно было перепиливать, а затем с помощью кувалд и клиньев раскалывать на длинные поленья. Потом полагалось укладывать, сжигать хворост и к концу работы сдавать то, что успели заготовить.

С каждым днем силы Левы слабели. Теперь, когда его вызывали оказывать помощь, это его уже не радовало. Всякое лишнее усилие, лишнее движение было для него трудно. Он понимал, что страшное, неизбежное надвигается. Он знал: так именно слабнут люди на лесозаготовках. Плохо вырабатывают норму, плохо питаются, потом болеют и умирают.

— Господи, поддержи меня, дай силы, дай быть верным Тебе до конца!

Физические силы таяли, но духовные несколько не уменьшались. Он по-прежнему верил и несколько не сомневался, что стоит на верном пути, и молитва давала ему облегчение.

В колонии с "урками" творилось неладное. Они поняли, что на лесозаготовках им не выжить, и всячески бежали в болезнь от тяжести жизни. Искусственно заражали себя венерическими болезнями, путем различных угроз требовали освобождения от работы у фельдшера. Начальник же колонии дал ему строгое распоряжение — сокращать количество освобождаемых от работы по болезни. Фельдшер был между двух огней. Однажды, когда он отказал одному жулику в освобождении, тот схватил бутылку с

лекарством и бросил ее в фельдшера. К счастью, бутылка скользнула по голове, разбила очки, но не разбила голову. Теперь фельдшер принимал больных, вооружаясь огромной дубиной. В одной руке он держал дубину, а другой — протягивал больному рюмку с лекарством.

— Тяжело, ужасно тяжело. Не пойму, что и делать, — жаловался Лева.

На лесных заготовках Лева стал работать с одним истощенным, ослабшим казаком, который его принял в напарники. Оба они были слабые и с трудом напиливали небольшое количество дров. К вечеру, когда их укладывали, казах говорил Лева, вздыхая:

— Силу кончал, больше не могу; что хочешь начальник делай, а силу кончал...

... Это был морозный зимний день. Лева работал изо всех сил, но чувствовал, что и он "силу кончал".

Впереди и сзади — горы Урала. Нет ни надежды, ни просвета. Срок, определенный ему, только начался, а он уже "силу кончал".

К вечеру Лева совсем выбился из сил, с трудом передвигал ноги. А впереди — длинная дорога до колонии. Дойдешь ли? Он сел на пень и задумался:

— Вот, видно, и конец!

Он вспоминал, как гибли люди на лесозаготовках там, в Сибири. Подняв взор к небу, он тихо прошептал:

— Боже мой! Сжался надо мною. "С первых дней жизни я страшно борюсь. Больше бороться уж мне не под силу..."

Их выстроили и погнали. Темнело. Лева делал последние усилия, чтобы идти. Лишь бы добраться, лишь бы не упасть! А ведь завтра тоже надо идти на работу.

Никакой надежды!

Темно, беспросветно.

Он смотрел на небо, а небо молчало...

Глава 6. "И волны смолкнут..."

"...они воззвали к Господу в скорби своей, и Он вывел их из бедствия их".

Пс. 106:28

Утром, проснувшись, Лева почувствовал, что силы не восстановились. Поднялся на нарах, и ему показалось, что все шатается, движется, как на корабле.

— Господи, Ты видишь, Ты знаешь, больше сил нет.

Идти к лектому он не мог. Он знал, сколько людей стояло по утрам у избы, в которой была амбулатория, умоляя об освобождении. Возможно, фельдшер и дал бы ему освобождение, но фактически у него никакой болезни не было, кроме этой ужасной слабости.

И вот внезапно среди народа, снующего в бараче, Лева увидел леккома. Это был огромный здоровенный мужчина, одетый в серый бушлат. Он шел прямо к нему.

— Позавтракайте с бригадой и приходите прямо ко мне, в амбулаторию, — сказал он. — Я договорился с начальником. Беру вас к себе санитаром. Ждем комиссии из управления...

И вот Лева в амбулатории, надел серый халат санитаря, старается вытирать пыль, наводить порядок, но сил... сил нет. Вечером он помогает фельдшеру на приеме больных. Это был ужасный прием. После недавнего нападения, во время которого у леккома разбились очки, он производил прием, вооружившись огромной дубиной. В одной руке держал дубину, а другой протягивал больному рюмку с лекарством.

— На, пей от кашля. Освобождения нет, температура нормальная. Валяй, не задерживайся.

Рядовые урки уходили, понуря голову, но "паханы", бывалый народ, требуя освобождения, устраивали разные искусственные повреждения — "мостырки". Особенно

шумели сифилитики, и очень было трудно разобраться, то ли заключенный действительно болен сифилисом, то ли устроил себе искусственную язву.

Фельдшер жалел Леву и, подметив его знания в практической медицине и во всяких симуляциях (Лева годами работал фельдшером в заключении), стал относиться к нему с уважением. Он даже рано утром вставал и мыл за Леву пол в амбулатории. И хотя Лева уговаривал его не делать этого, он продолжал всячески помогать Леве в его санитарных делах.

Приехала комиссия. Проверяли организацию производства, быта, лечебной работы. Вызвали Леву:

– Так у вас имеется фельдшер с большими знаниями, — обратился приехавший начальник 3-й части к начальнику колонии. — Почему же вы его не используете?

– Он баптист.

– Баптист? Принесите его формуляр, а пока я с ним побеседую.

Задав Леве несколько вопросов, начальник показал присутствующим, что Лева хотя и баптист, но уже не такой страшный зверь и может работать по специальности. Конечно, под наблюдением. — И затем добавил: — С проведением мероприятий, направленных на его перевоспитание.

Лева благодарил Бога. Теперь он может свои знания направить на то, чтобы помогать людям. Но как это трудно! Лечить больных — это, одно, санитарно-профилактические мероприятия — это другое. Но надо еще уметь ладить с преступным миром. А они, как правило, всячески избегают работы, труда.

Организовали стационар. Ослабевших выделили в отдельные бригады: имея большой опыт работы с преступным миром, Лева нашел взаимопонимание с ведущими "паханами". Фельдшера, который был до него, куда-то отправили.

Стояла суровая уральская зима. Морозы, снега, долгие ночи. И среди этой жизни в заключении главной радостью было получение писем. Отрезанный от жизни колючей проволокой, заброшенный в далекие снежные горы Урала, Лева имел как бы маленькое окошечко в свободный мир, это — письма матери и жены. Иногда писал отец. Благодаря этим весточкам Лева знал, как и что происходит в семье, кто болен, какие радости и горести были у его близких. Общин верующих в то время не было, и лишь иногда родные сообщали о ком-нибудь из близких верующих. Все письма дышали бодростью, любовью, надеждой на лучшее будущее. Маруся обещала летом приехать к нему на свидание.

У Левы не было с собой Евангелия. Среди заключенных не было ни одного, с которым Лева мог бы поделиться своими духовными запросами. Но Друг жизни — Иисус был всегда рядом и утром рано, и поздно ночью. Лева, как бы он ни был занят, всегда выделял для общения с Ним хотя бы несколько минут. И тогда, когда ему было очень тяжело, на работе были неприятности, он внутренне обращался к Лучшему Другу и всегда находил у него поддержку или хороший совет.

Колония, в которой Лева находился, была расположена на территории леспромхоза "Капкалка" и представляла собою поселение из нескольких больших бревенчатых бараков в Уральских горах. В этих бараках из года в год содержались заключенные лесорубы, заготавливавшие лес для белорусских домен.

Поговаривали, что предстоит переселение на другой участок, где леса больше и есть речка для весеннего сплава.

Глава 7. Свидание

"Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находились в теле".

Евр. 13:3

Приближалась весна 1941 года. Где-то на юге повеяло теплом, а седой, заснеженный Урал еще спал глубоким зимним сном. Стояли морозы, были вьюги, весной еще не пахло.

Неожиданно в Капкалке все встревожилось, зашумело, заговорило. Заключение узнали, что предстоит большой этап. Работники охраны и начальство колонии держали все в секрете, но десятники и руководители леспромхоза, дружески относясь к людям, лишенным свободы, сообщили им, что большинству предстоит отправка. Этап, переезд для заключенных — каждый раз самое тяжелое. И не только потому, что можно попасть из огня да в полымя. Лесозаготовки — это, безусловно, тяжелая, трудоемкая работа, но есть еще тяжелее и потруднее. Это рудники, шахты. Да и сам этап, если он дальний, например, на Север, в Заполярный круг, может унести все здоровье.

Скоро, однако, все выяснилось, и заключенные облегченно вздохнули. Оказывается, их направляли, как это предполагалось и раньше, в один из соседних леспромхозов, где была сплавная река. В ту часть заключенных, которая отправлялась для формирования новой колонии, был включен и Лева

На душе у него было совершенно спокойно. Он знал и твердо верил, что без воли Отца Небесного и волос с головы не упадет. И Отец усмотрел для него нечто лучшее 'в этом суровом, тернистом пути заключения.

Людей выкликнули по формулярам, поместили в отдельный барак, произвели санобработку. Это была очередная баня со стрижкой всех волосистых мест на теле. Это делалось для того, чтобы предупредить вшивость и более легкого отыскания заключенного в случае побега. Произвели обыск каждого, вывели за зону, выстроили рядами, вещи сложили на подводы. Этап, окруженный охраной в черных полушубках, вооруженной винтовками, двинулся в путь.

Идти было очень тяжело. Дорога была узкая, полузанесенная снегом. Кругом высились сосновые, березовые леса, и конвой, опасаясь побегов, все время грозно покрикивал. Ноги в валенках вязли в снегу, заключенные потели, выбивались из сил, но шли, шли, шли...

"Вот сейчас, — думал Лева, — мои друзья студенты, студентки кончают второй семестр первого курса мединститута, сдают экзамены. А может быть, учеба в самом разгаре. А я вот отвержен, выброшен за борт жизни, разлучен с женой, с семьей, изолирован от общества, как якобы злостный преступник. И за что? За то, что, следуя учению Христа, не захотел учиться проливать человеческую кровь, произносить клятву. Не Христос ли сказал: "Не клянитесь вовсе".

О, когда же придет день, о котором предвозвестил пророк Исайя: "Перекуют мечи свои на орала, и копыя свои на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать..."

Но так же как в горах Урала не веяло весной, так и на земном шаре не веяло миром. Заключение через КВЧ получали газеты и знали, что творится на белом свете, Гитлер все более и более разжигал пламя войны, кровопролитие и смерть охватывали многие народы.

... Измученные, поздней ночью заключенные добрались до Куезов — это был леспромхоз, подготовленный к большому лесоповалу. Там были бараки для заключенных, как обычно огражденные проволокой; вблизи — бараки для охраны и работников леспромхоза.

Кругом на сотни километров стояли занесенные снегом деревья, девственные уральские леса.

Леве под медсанчасть выделили отдельный небольшой барак, В амбулатории была маленькая комнатка, отгороженная досками. В ней начальник колонии разрешил жить Леве.

Это было чудесно. Иметь свой уголок, после работы сидеть за столиком и заниматься у окна, выходящего во двор колонии. Лева благодарил Всемогущего Бога. Он сразу же написал письма домой — жене, матери — о перемене адреса и просил немедленно выслать посылку с медицинскими книгами, медицинским инструментарием, который был

у него дома. Оборудование медсанчасти было очень убого, Лева же горел желанием, чтобы у него были и инструменты и медикаменты. Помимо этого, он очень просил прислать ему два тома стихотворений Н.А. Некрасова.

Все это Лева вскоре получил.

В образовавшуюся новую колонию приехала начальница санчасти Белорецких лагерей, молодая, одетая по-военному, видимо фельдшер. Она быстрыми шагами вошла в амбулаторию и, обращаясь к Левае спросила:

— Где здесь фельдшер?

— Это я, — ответил Лева.

— Не шутите, — сказала начальница. — Тут должен быть какой-то старик.

— Нет, я фельдшер, — подтвердил Лева.

Начальница разделась, села и, недоуменно глядя на Леваа, сказала:

— Мне говорили, что здесь фельдшер какой-то верующий фанатик. Я и вообразила старика с большой бородой. А вы? Неужели же вы на самом деле верите в Бога?

— Да, верю, — спокойно сказал Лева и, улыбнувшись, добавил: — Верю в Христа Спасителя и учился в Уфимском мединституте и оттуда попал сюда.

— Да что вы, с ума сошли? Вот диво-то какое! Начальница отнеслась к Левае очень участливо и, слушая его историю, все качала головой, будучи уверенной, что он ни за что ни про что сгубил себя.

Бедная, она никак не могла представить, что есть Бог — Творец неба и земли, Отец всех людей, и что Евангелие и все то, что в нем сокрыто, — есть самые великие драгоценности, которые когда-либо знал человек. Все это казалось ей чрезвычайно странным, чем-то древним, давно отжившим, наподобие сказок о бабе-яге или лешем в лесу. Но она видела, что Лева жил своей верой, чем-то необыкновенным, и это поражало ее.

Начальница пробыла несколько дней, проверила работу медсанчасти, произвела отбор инвалидов, дала Левае целый ряд инструкций, форм отчетности и уехала.

С обувью — валенками — в колонии было плохо, и инвалидам поручили плести лапти. Благодаря лаптям инвалиды неплохо питались.

В целом питание в колонии было неплохое. Те, кто работал в лесу, а особенно те, кто выполнял норму, получали достаточно хлеба. Кроме того, нужно отметить, что начальство, создавая новую колонию, постаралось не брать в нее "урков" и воришек. Заключение, в основном, были трудящиеся, осужденные за бытовые преступления. Лева питался из пайка ИТР и был вполне сыт. Сахар он не любил и ежемесячный паек стал складывать в рюкзак, висевший в его комнате.

Маруся писала, что у них весна, тепло. С Урала же зима, казалось не хотела уходить. И Лева писал своей подруге:

"Еще вчера ласкало солнце, пели громко петухи и щебет птичек на березе был так приятен. Ты говорила: "Еще немного, придет весна, и на окно букет цветов поставлю я. Сегодня первое апреля, а небо черно, непроглядно, с утра метет, несет, взвизгивает... Все ударило в окно. Все сыплет, сыплет мертвый белый снег. Верь, бацилла Коха не тронет. Впереди — май. Ты ждешь весны, ты ждешь любви. Жди!"

Сердце Леваа всегда было наполнено великой надеждой, что как непогода в природе, так и непогода в сердце человека должна кончиться. Придут ясные дни...

Весна приходит на Урал неожиданно, быстро, бурно. Сразу потеплело, необыкновенно быстро стал таять снег, откуда-то прилетели птицы, набухли, распустились почки, забелела, заблагоухала черемуха, и на зеленом ковре под деревьями появилось много ярких всевозможных цветов.

Лева любил весну, но теперь она словно захватила его. Кругом все зеленело, пело. В окна стационара, амбулатории смотрел оживший лес. И в эти дни, в свободные минуты, он с восхищением учил наизусть чудные некрасовские строки о весне:

"Идет-гудет Зелёный Шум, весенний шум..." Зелёный Шум,

И еще:

"Я Оглушенный, Мать-природа! Со	наслушался Иду всегдашним	шума подавленный к желаньем	тебе моим	иного... им, снова —
Заглуши Чтоб И Насладиться твоей красотой".	эту душа прозревшее	око	музыку ощутила могло	злости! покой бы

И зимой приходилось Леве выходить на лесозаготовки, проверять технику безопасности. Теперь же, весной, прогулки под охраной конвоя на лесоразработки были для него наслаждением. О, как пахли травы! Какой аромат исходил от свежесрубленного леса! Вся природа жила и славилась своего Творца. Лишь только человек шел путем насилия и злобы...

Однажды к Леве в амбулаторию пришел молодой охранник:

— Слушай, доктор, я видел про вас какой-то странный сон.

Какой же?

— А вот приснилось мне, что захожу я в вашу комнату, и будто вы стоите на коленях и молитесь Богу.

— А когда вы этот сон видели? — спросил Лева.

— К утру приснилось мне, — ответил, улыбаясь, охранник.

— Значит, сон правильный, — сказал Лева. — Я и утром и вечером всегда молюсь Богу.

— Да неужели вы верующий?

— Да, и я удивляюсь, как могут люди искренно быть неверующими. Ведь когда зрячие говорят слепым, что есть свет, солнце, дивные краски цветов, то слепые, хотя и не видят этого, слушая зрячих, все же думают: наверное, все это есть, а не выдумка. Так и человек неверующий, хотя он и не видит то, что видит верующий, но искренно отрицать это не может.

В колонию приехал начальник всех белорецких лагерей. Это был высокий, плотный военный. От всех начальствующих, от всей охраны и от всех заключенных он отличался тем, что, как говорили о нем, никогда не матерились, не "лаялся". Все остальные — и охраняющие, и охраняемые — густо пересыпали свою даже совершенно спокойную речь сплошным матом.

Войдя в амбулаторию к Леве вместе с сопровождающими, начальник, как говорится, с места в карьер начал самым энергичным образом "перевоспитывать" его.

— Да что ты, в Бога веришь? Ведь это просто диву даешься! Сейчас-то и старики не верят...

Но, вступив в беседу с Левой, он заключил:

— Вот это верующий! Вот это настоящий верующий!

И впоследствии, когда он приезжал вместе с кем-либо из начальства, например с руководством Белорецкого металлургического комбината, он вел их прежде всего показать Леву и знакомил их с ним, рекомендуя как настоящего верующего. Большие люди удивлялись, задавали Леве вопросы, качали головой.

— А у вас не бывает сомнения, что вы не на правильном пути? — спрашивали иногда Леву.

— Нет, никогда! — бодро и уверенно, смотря в глаза собеседнику, отвечал Лева.

Вот пришло и лето! Маруся писала, что собирается приехать к нему на свидание. С нетерпением ждал этого дня Лева. Как-то они встретятся? Как дадут свидание? Лева старался об этом не думать, возлагая все заботы на Отца. Но мысли шли, ожидание нарастало. Лишь только тот, кто был в заключении, кто долгие месяцы, а возможно, и годы был в разлуке с близкими и родными, поймет, что означает для него слово "свидание".

Спаситель знал томление каждого сердца и знал, что переживает узник. И потому-то Он так высоко ставил заповедь: "Был в темнице, и вы посетили Меня".

Это была пора, когда общины, церкви были разбиты. Каждый верил в душе, но на подвиг — посетить заключенного — кто бы мог отважиться? И за всю многолетнюю тюремную жизнь в изгнании никто из верующих не посетил Леву, не взял свидания. Лишь только мать однажды и жена дважды посетили его.

И даже тогда, когда братство было восстановлено и новые бури неслись над головой Левы, никто не решился взять с ним свидания. И это вовсе не потому, что оно было невозможно — "кто ищет, тот всегда найдет", а потому, видимо, что, как это понимал и сам Лева, уровень любви Христовой в те дни в братстве не был на должной высоте.

Ожидая Марусю, Лева невольно вспоминал, как когда-то к нему на Беломорский канал приехала его мама на свидание. Даже самые черствые преступники глубоко переживают свидание с матерью, и в одной тюремной Песне поется:

"Не дождусь я того воскресенья,
Когда мать на свиданье придет
И своей материнской слезою
Арестантскую грудь обольет"

О, как рад был Лева тогда приезду мамы! Им тогда выделили на берегу реки Выг маленькое помещение при центральном насосе. И какие счастливые часы они имели там! Мать привезла Евангелие, приходили заключенные братья, и она была матерью всем им.

Это было несколько дней, но они записаны на небе.

...И вот, наконец, Маруся приехала. Охранник сообщил ему, что жена стоит у проходной. Он подошел, помахал ей, своей маленькой Марусе. Глаза ее сияли.

— Вот добралась до тебя! — крикнула она. — А дорога-то все лесом, лесом. Шла, шла...

Впоследствии Маруся описала весь свой путь в стихотворении, в виде дневника:

Да, ехать дальше труден путь,
Но надо, надо как-нибудь
Найти дорогу попрямей.
Мне ехать хочется скорей...
Спросила у людей. Ответ:
"Туда прямой дороги нет".
Здесь горы, здесь кругом леса
и вечно хмуры небеса.
Билет на поезд не дают:
Здесь по неделям люди ждут.
Километров-то много здесь?
Да двести или триста есть!
Пешком туда ведь не дойдешь,
Медведю в лапы попадешь...
И в руки карту я взяла.
По карте всякие пути

Проехать можно и пройти.
 Но все кругом далекий путь.
 Нельзя ли ближе как-нибудь?
 Скорее надо мне, скорей!
 И вот черта реки прямой.
 Что за дорога? — Самолет!
 Как не придумала вперед!
 Вот путь чрез горы и леса:
 Подняться надо в небеса
 и опуститься там, вблизи.
 Скорей лети, скорей вези!
 И замирает сердце вдруг,
 Но это вовсе не испуг,
 а нетерпенья трепет мой.
 Тебя увижу ль я, родной?
 С тобою вместе будем мы.
 Исчезнет горе власти тьмы.
 В душе моей рассвет и день;
 Падет покров и ночи тень...
 Я с вечера собралась в путь,
 Рассвета дождалась чуть-чуть.
 А ночью гром и дождь шумит.
 Вдруг самолет не полетит,
 Коль будут тучи и гроза?
 Сомкнуть я не могла глаза.
 Но утром ясен небосвод.
 В одиннадцать будет самолет,
 По телефону говорят.
 Я собираю свой "наряд":
 Галоши, плащ и сухари.
 Как не боишься ты? Смотри,
 ведь для полета труден путь.
 Не лучше ль будет отдохнуть,
 день, два иль три машину ждуть —
 Здесь славно можно погулять...
 А что вы говорите мне?
 Я полетела б и во тьме
 и поплыла бы в ураган;
 Ведь там родной мой "мальчуган".
 На аэродроме ждет машин
 Какой-то важный гражданин
 и девушка. Она спешит.
 Но как начальник разрешит?
 И ждали, ждали целый день...
 Сначала тучи, ветер, темь,
 затем — в машине перегруз...
 О, нет, я, верно, не дождусь!
 И так до вечера ждала,
 И снова день и до утра...
 Наутро ожиданье тож,
 А день сияющий погож.
 Но вот идут, меня зовут,

Мне вещи на поле несут.
И взмыли вверх. Лишь ветра свист.
Смотрю я из кабины вниз:
Леса, и горы, и поля...
Ух, далеко внизу земля!
Мы под горой идем, и вот
мне говорит вдруг пилот: —
Грозу передают сейчас.
Придется сесть в недобрый час
Не там, где надо. Как-нибудь,
куда-нибудь, Лишь дотянуть... —
И, сели... Ждали. Снова день.
То дождь, то ветер, тучи, темь.
Ведь самолет-то мой "У-2",
летает он едва-едва.
Но все же он меня доvez
скорей, чем черный паровоз.
До Белорецка добралась,
Пешком я дальше пробралась
Через леса, через поля...
Везде родная ведь земля!
Усталости не знала, нет.
Скорей бы донести привет
Тебе от мамы, от друзей
И увидаться поскорей!.."

К Леве относились все хорошо: и начальство и охрана. Начальник конвоя приютил жену Левы в своей семье. Лева подал заявление — разрешить свидание с женою. Ему разрешили — на три дня.

Свидания в этой лесной колонии еще не были организованы, не было и помещения для них. Поэтому начальство, посоветовавшись, определило, чтобы свидание происходило в проходной — той самой, через которую проходили конвой и бригады.

Свидание разрешалось только на пятнадцать минут. Это было меньше всего, что они ждали. В неудобной, грязной проходной, на скамейке у перегородки надлежало им встретиться.

Свидание состоялось в присутствии дежурного по охране. Эти объятия и поцелуи после долгой разлуки невозможно передать. Чистая, святая любовь освещала все. Убогая обстановка проходной как бы перестала существовать.

Едва переступив порог тюрьмы, среди всевозможных испытаний и волнений, Лева никогда не забывал своей маленькой Маруси. Среди тягот и тьмы последних лет она была лучом света, который пробивался во мраке. Ведь было так темно, так мрачно! Потускнела, потухла духовная жизнь в братстве, исчезли общины, и от молодежи, которая некогда шумно, горячо заявляла, что она идет за Христом, не осталось ничего, хотя бы слабо светящегося огонька. Неверие, грех торжествовали полную победу. И словно не было никакой надежды на просветление.

И в эту пору они пошли вместе, и в ней, которая жила среди общего мрака, заискрились лучи света. И это потому, что Лева старался разжечь этот свет. Это получилось само собой. Надежда, молитва все ярче разгорались. Для Левы его спутница была чудной и необыкновенной, дарованной, среди всех его горестей, свыше. И здесь, в Куезах, каждый вечер, кончая работу, он вспоминал их маленькую, очень короткую жизнь. И она казалась ему чудной, необыкновенной музыкой. И вот эта музыка сразу

остановилась, разбилась, остались одни воспоминания. А чувство любви горело, и дух, душа и тело жаждали совместной жизни, труда, больших радостей...

И когда пришла в Уральские горы, весна и появились первые признаки жизни, чудные белые подснежники на проталинах, Лева сравнивал свою Марусю с этими цветами. Он писал:

"Спали почки на березах. И рябина и осина не видали солнца. Лишь один ты, маленький беленький цветочек, увидел светило дня".

... И вот они встретились в этой проходной. Неприятно как-то говорить при совершенно чужом, равнодушном человеке. Маруся рассказала о пережитом, о чем уже писала: ее единственная родная сестра умерла от осложнения после родов, осталась маленькая девочка Юля, и теперь все ее любящее, заботливое сердце обратилось на сироту. Отец Юли оставил девочку на ее попечение, и уехал в другой город, к родителям.

Маруся с блестящими глазами рассказывала, какой чудный ребенок эта Юля, как бабушка и дедушка заботятся о ней. Расспрашивали о деле Левы, как его осудили и почему кассация не дает никаких результатов.

Ни единого упрека не высказала она Леве, ничем не дала понять, что, может быть, он поступил неправильно. Маруся знала, что он не покривил душой, а поступил по совести, и не осуждала его, хотя жизнь была разбита и учение Левы прекращено.

— Ваше время давно вышло, заканчивайте свиданку. — А им казалось, что свидание только что началось. Дежурный же утверждал, что время свидания давно истекло и пора расставаться.

И вот она стояла по одну сторону проволоки, он — по другую. И оба смотрели друг на друга.

— Я пойду за земляникой, — крикнула Маруся, — тут в лесах, говорят, ее много.

Она ушла быстрыми шагами по тропе, которая вела в соседний лесной массив.

Лева долго смотрел ей вслед, а на душе было горько и радостно. Радостно, что наконец-то все же они свиделись, и горько, что свидание было какое-то куцее, коротенькое, — не такое, как некогда было свидание с матерью на Беломорском канале.

На следующий день им опять дали пятнадцать минут, и Маруся передала Леве горшочек земляники. Лева высыпал землянику, а горшочек вернул жене. Придя к себе, Маруся обнаружила, что горшочек полон писем. Получаемые письма Лева никогда не уничтожал, а тщательно подшивал и хранил.

От мамы Маруся передала Леве домашние лепешки. Эти лепешки так ярко напомнили Леве дом и детство. Лепешки были завернуты в обрывки бумаги, на которые проверяющие не обратили никакого внимания, но для Левы это была драгоценность, так как мать выбирала лучшие статьи из духовных журналов "Радостная весть", рвала их на части и в них завертывала съестное. Таким путем Лева смог получать духовную пищу. Эти листочки Лева берег особенно тщательно, так что никакой общий "шмон" (обыск) не обнаруживал их.

В высшей степени приятен был чай с земляникой, и Лева, окончив амбулаторный прием, угощался им вместе со стариком-санитаром. Не забыл Лева угостить земляникой и тяжелых больных. Они все, как один, сорадовались Леве, что его посетила жена.

... Время за полночь, в колонии все спят. Бодрствуют лишь часовые на вышках. Начальник охраны в дежурке. Стук в окно комнаты Левы. Вскочил — видимо, кто-то заболел. Открыл дверь. Перед ним начальник охраны. Улыбаясь и подмигивая, торопит Леву скорее одеться.

Они вышли из проходной, вышли из колонии и направились к баракам охраны. Сердце начальника расположилось — дать Леве тайное свидание, лицом к лицу.

Они были вместе. Все было тихо, благополучно.

Так же под покровом ночи Лева вернулся в колонию.

На следующий день Маруся уехала. Сколько приветов, лучших пожеланий поручил передать ей Лева своим родным.

... Быстро, как нечто мгновенное, промелькнуло это свидание, и от него остались лишь воспоминания...

Глава 8. Ничего в волнах не видно... (1941 – 1942)

"А нечестивые, как море взволнованное, которое не может успокоиться? и которого воды выбрасывают ил и грязь".

Исайя 57, 20

"И будут смятение, глады и моры, и братская кровь потечет..."

Из старой народной песни

Жизнь в колонии шла своим чередом. Заключенные подсчитывали отбытые дни, и каждый ждал свободы.

Колония выполняла производственное задание по лесозаготовкам. Заключенные были сыты, одеты. Многие местные из Белорецка и окружающих сел получали хорошие посылки и питались достаточно. Они были здоровы и трудоспособны. И Леве работалось сравнительно легко. Люди не стремились во что бы то ни стало получать освобождение. Истощенных не было. Инвалиды, слабые были трудоустроены. Санитарное состояние колонии было на должной высоте.

И даже тогда, когда он окончил свой срок и прошло несколько лет свободы и он снова попал в тюрьму, эти листочки невидимыми путями и без всякой его воли снова пришли в его руки.

Вдруг что-то случилось. Произошло это летом 1941 года. И охрана и начальство — все как-то сразу отшатнулись от заключенных. Работники леспромхоза ничего не говорили, кроме того, что касалось вопросов выполнения плана. Письма прекратились, газет тоже не было. Приезжавших на свидание не допускали. На лицах всех людей была заметна какая-то особая, нарастающая тревога. Но — шило в мешке не утаишь. Слух проник и полз среди заключенных:

— С кем? Как? Германия! — Это была страна, которая еще недавно давала лучшие заверения в дружбе с нами...

Наконец однажды вечером начальство, получив указание свыше, собрало всех заключенных и объявило, что фашисты вероломно напали на нашу Родину и действуют на нашей территории. Соответственно были брошены призывы — работать лучше, давать больше леса, столь необходимого домам Белорецка. Ведь Белорецкие заводы вырабатывают металл для фронта.

Заключенные в полной мере единодушно выразили возмущение действиями фашистской Германии, развязавшей войну. Обещали трудиться лучше, давать высокие показатели. И трудились, и работали, выполняя и перевыполняя план.

Был объявлен сбор пожертвований из личных средств заключенных, находившихся на счетах у них. Один из заключенный зажег всех, подписав крупную сумму. Однако вскоре выяснилось, что у него на личном счете не было ни копейки. У Левы денег на личном счете также не было. Вскоре резко сократили план снабжения заключенных продуктами питания. Вслед за тем значительно повысили норму выработки на лесоповале. Получился явный разрыв между калорийностью питания и расходами энергии на работе. Люди истощались, слабели. Амбулаторные приемы росли, заболеваемость увеличивалась. Голод — страшный гость — пришел и стал властвовать над всеми. Появились лодыри, прогульщики, симулянты, "доходяги", копающиеся по помойкам, надеясь найти в них что-либо съестное — хотя бы селедочные головы, а потом варить их и пить.

Наступила зима 1941 года. Урал покрылся снегом. Настало время вьюг, морозов. Люди мерзли, обмораживались, грелись у костров. Участились случаи побегов. Но сыскные собаки настигали беглецов, их водворяли назад. Иногда бывало и так, что их убивала пуля стрелка.

Леве становилось работать все труднее. Бывший начальник лагерей ушел на фронт. На его место был назначен другой, по слухам — страшный матерщинник.

Шел декабрь, стояли страшные морозы. Была ночь перед Рождеством. Никогда не забыть Леве этой ужасной ночи.

Накануне приехал новый начальник колонии. Он страшно шумел, ругал заключенных и заодно местное начальство, что план не выполняется, что мало дров, что не принимаются меры воздействия на лодырей и симулянтов.

И вот, в эту ночь перед Рождеством рабочие бараки колонии были пусты. Люди, как обычно, еще до рассвета были выведены в лес, работали там весь день и затем оставлены в лесу на ночь, пока каждый не выполнит нормы.

Ночь перед Рождеством... Сияют на небе звезды, стоит не шелохнувшись лес. Снег скрипит под ногами. Только пройдешь немного — мороз пронизывает. О, эти муки Лева никогда не забудет. Муки за людей. Он знал, что многие истощены, нездоровы, и для них остаться в лесу на ночь — означает смерть.

Они с санитаром заготовили горячей воды. Он ждет, а время уже за полночь. И вот, наконец, везут. Везут из леса на санях замерзшие трупы, их везут и тащат к амбулатории.

"Нет, они не должны умереть, они должны жить!" — решает про себя Лева. Эти застывшие, заоченелые, с прижатыми к груди руками люди должны жить! Оттаивать, согревать, растирать, Зрачки расширены, пульса нет. Все больные в стационаре растирают замерзших. Лева мечется от одного к другому с огромной воронкой и желудочным зондом. Тот запас сахара, который висел в его комнате в рюкзаке, пущен в ход. Готовится крепкий, сладкий, горячий чай и через зонд, так как замерзшие не глотают и ни на что не реагируют, вливается в желудок. Желудок принимает на себя функцию грелки, расположенной у сердца. Сахар всасывается, и вот некоторые подают признаки жизни.

Вот Лева наклоняется над замерзшим, с помощью других раздевает его. Этот человек болен экземой, и как же он в это утро умолял Леву освободить его от работы! "Сил больше нет!" — говорил он. О том же умоляли и другие.

Лева освобождал многих, не считаясь с предписанными нормами. И вот теперь перед ним лежит замерзший. Ведь он, безусловно, нуждался в освобождении! Нуждались и многие другие, а Лева не освобождал. И вот теперь этот труп лежал перед ним, как ужасный укор.

"Кто я? — пронеслось в голове Левы. — Христианин? Какой ты христианин! Ты ужасный изверг, безвольный винтик в общей машине угнетения, в которой обезумевший, потерявший человеческий облик начальник уничтожает без сожаления других".

Но Лева дальше не углублялся в подобные мысли. Он весь отдался задаче — спасти человека. Он отогревал его застывшие руки и ноги и молил Бога, чтобы — что угодно, но чтобы этот человек не умер.

И этот человек не умер. Он вернулся к жизни. Вернулся с ясным сознанием.

У некоторых замерзших удавалось восстановить дыхание и сердечную деятельность, однако не деятельность коры головного мозга, и они быстро погибали.

Казалось бы, уроки этой рождественской ночи должны были что-то сказать начальнику, чему-то его научить. Но он действовал, как будто ничего не случилось: созвал совещание, дал указание, пригрозил и — уехал.

Старое руководство колонии, отчетливо понимая всю безрассудность распоряжений нового начальника, решило действовать по-своему. Их цель была — поддержать выработку и сохранить рабочую силу. Лева также прилагал все усилия, доказывая начальству — не с точки зрения гуманизма, об этом говорить было бесполезно и смешно, — а с точки зрения прямых интересов производства, что ослабевших нужно поддерживать и не бояться освобождения больных.

В течение зимы начальник из Белорецка приезжал не раз и всячески всех ругал. Однажды он придумал оригинальный выход из положения: "В целях поднятия производительности" собрал всю службу (поваров, банщиков, фельдшера и т.п.) и,

объявив себя бригадиром, повел их в лес для выполнения плана. Но, конечно, из этого мало что получилось: как ни старался Лева, как ни изловчался до последнего, но дров нарубил мало.

А война полыхала. Заключенные получали газеты и знали, сколько мук и страданий переносит народ. Кровь лилась, и казалось, не предвидится конца этому страшному кошмару. Человечество, словно сошедший с ума великан, резало, рвало себя на части, захлебывалось в крови.

Маруся аккуратно писала Лева письма. Спустя месяц, после начала войны ее мобилизовали в армию, она получила назначение в авиацию и оттуда на фронт. Она описывала своему любимому другу все тяготы и переживания фронтовой жизни. Письма заключенным проверял цензор. Но письма жены Левы были так интересны, что их читали в штабе охраны, и лишь потом они попадали к Лева. Некоторые над Лева подшучивали:

— Уж если твоя жена в авиации, махни на нее рукой. О верности и разговора быть не может.

А когда Лева утверждал, что он спокоен за свою жену, многие полагали, что он просто недопонимает и не учитывает обстановку войны.

И все же Лева был спокоен за Марусю, потому что он видел в ней как бы чудный подснежник, живой и растущий под солнцем Правды. Молитва, вера, надежда, любовь — вот что помогало сохранить свет во мраке.

Однажды, когда еще стояли морозы и дыхание весны не касалось Урала, начальник колонии приехал снова в Куезы из Белорецка. Он созвал руководителей производства, бригадиров, страшно кричал, грозил и в заключение предложил в корне перестроить производство, чтобы план был выполнен. На этом совещании Левы не было, он вел амбулаторный прием. Поздно вечером его вызвали в проходную. Там сидел разъяренный начальник. Он грозно взглянул на Леву и, пересыпая свою речь матом, начал:

— Вы знаете, что Родина в опасности, что лучшие сыны ее умирают на полях сражения, отстаивая каждую пядь родной земли. Умирают лучшие — поймите! А вы тут что наделали? Притаились и освобождаете больных. Больных нет, когда идет война. Все должны жертвовать собой за Родину. Пусть умирают под лесиной, как умирают лучшие сыны, не щадящие своей жизни на фронте. Вот я вам приказываю: завтра чтобы ни одного освобожденного не было, ни одного инвалида. А то — развели инвалидов!..

Лева пытался что-то возразить, но начальник вскочил, закричал:

— Молчать! Вот, нет у меня другого фельдшера заменить вас. А то бы снял вас с работы, сел бы верхом да погнал бы вприпрыжку в Белорецкую тюрьму. Там бы с вами, с притаившимся преступником, расправились...

И, обратившись к местному начальству, он добавил:

— Проследите, чтобы завтра ни одного инвалида, ни одного освобожденного по болезни не было!

Тяжкое чувство безысходности сдавило грудь Левы. Как быть? Ведь он, прежде всего, христианин и медработник...

Вернувшись к себе в амбулаторию, он позвал старика-санитара и взял в руки список освобожденных. Да, многие были по-настоящему больны.

Лева молился, и внезапно мысль мелькнула в голове: стационар не запрещен. Так всех действительно больных срочно в стационар!

Он дал санитару список и велел немедленно вызывать всех больных и класть в стационар.

— Так у нас же белья не хватит, — заметил старик.

— Клади в своем...

— Коек не хватит.

— Клади три человека на одну койку.

Наутро был развод. Всех инвалидов вызвали на лесоповал. Освобожденных не было. После развода приехавший начальник со всеми сопровождающими лицами сделал обход

колонии. Когда он вошел в стационар, он словно остолбенел. На каждой койке сидело по три человека больных. Начальник ничего не сказал. Ничего не сказали и прибывшие с ним. Вышли из амбулатории, сели. Начальник внимательно посмотрел на Леву и произнес:

— Так у вас, видно, материнское сердце...

Больше он ничего не добавил, встал, и все вышли. Может быть, случайно сказанные им слова явились для Левы как бы наградой. "Материнское сердце!"

...Что будет дальше? Все как бы притихло перед грозой. Не шелохнется, не дрогнет, но вот-вот грянет гром.

Лева спросил местного начальника:

— Как быть в будущем с освобожденными инвалидами?

Тот пожал плечами и сказал, что распоряжение свыше отменить не может. Ежедневно распределение рабочей силы проверяется высоким начальством.

"Как быть? Как быть?" — думал Лева. Ведь такие установки только увеличат смертность и ничего не дадут. И может ли он работать фельдшером в таких условиях?

На дворе было темно, был мороз.

— Как быть? — не переставал спрашивать себя Лева. — Христос не посчитался с собой, пожертвовал своей жизнью. Будь что будет, но я должен сделать все, чтобы медицинская справедливость восторжествовала.

Ведь были же и реальные инвалиды и освобожденные по болезни. И Лева написал в Уфу, в управление трудовых исправительных лагерей. В заявлении описывает создавшееся положение, доказывает всю вздорность распоряжения начальника, просит немедленно выслать комиссию и принять соответствующие меры.

Заявление написано. Но как его передать? Все просматривается, все контролируется. Один путь: передать его местному начальству для передачи в Белорецк, а через него переслать в Уфу.

Он положил заявление в пакет и отдал санитару для передачи начальнику. Санитар вернулся испуганный:

— Что вы наделали! Что вы наделали! Вы погубили себя! Мне приказано с вами не разговаривать и всячески быть от вас подальше. К вам будут приняты меры...

Каждый день пах грозой. Лева был готов ко всему. Он оставил знакомому бухгалтеру свой адрес к матери.

— Если что случится со мною, напиши ей, что отдал все за людей.

Ни начальник, ни прораб — никто не старался поддержать в Леве дух. Все глядели на него как на человека обреченного. Даже старик-санитар, которому, в сущности, и терять-то было нечего, был с Левой крайне сдержан и молчалив.

В любую минуту мог прибыть новый фельдшер, а как поступят с Левой, трудно было даже предположить. Где поддержка, у кого просить помощи и справедливости? Только Бог любви и милосердия, от которого отвернулось истекающее кровью человечество... Ему, Богу любви, поклонялся Лева с юности. Ему пытался он служить и по Его заветам жить. И теперь Лева молился Ему, прося сил перенести все, готовясь расстаться с жизнью.

Проходили недели, но ничего не менялось. Ничего не случилось и с Левой.

Вдруг приехал белорецкий начальник. Все забежали, готовясь к очередной буре. Начальник сразу подошел к Леве, зайдя в амбулаторию. Его сопровождала огромнейшая ученая собака.

— Ах, доктор, здорово. Ты мне нужен. Вот что-то собака занемогла, надо полечить.

Лева, понятно, не был специалистом по собачьим болезням. Но все-таки постарался дать добрый совет. Начальник разделся и вдруг, ни с того ни с сего, начал рассказывать Леве о своей жизни. Много тяжелого, горького видал он в детстве. А потом работа, военная служба...

Начальник расстался слевой в самых добрых отношениях. Вскоре все узнали, что этого начальника сняли с работы за всякие перегибы, в особенности в отношении женских бригад. Надо думать, он был отправлен на фронт.

...Голод, страшный голод терзал каждого. Новые пополнения заключенных приходили еще упитанными, сильными, но, проработав два-три месяца на лесоповале, они обессиливали и с трудом двигались. Начальство делало все усилия, чтобы как-то наладить питание. Кое-что удавалось достать через леспромхоз. Несколько заключенных расконвоировали, и они целыми днями ставили силки на зайцев. Зайцев варили в общем котле. Но все это было далеко не достаточно, чтобы дать необходимое количество калорий.

Лева голодал вместе с другими.

Стены своей комнаты осенью он увешал ветками рябины с красными гроздьями, и теперь этих гроздей становилось все меньше и меньше. Хотя ягоды были горьки, но он постоянно ел их.

Был обычай: ему, как фельдшеру, приносили пищу с кухни. От его оценки зависела работа кухни, ее санитарное состояние. Поскольку от Левы зависело, одобрить или не одобрить рацион, ему старались класть порции погуще и побольше. Но совесть у Левы заговорила, и он, отослав принесенный обед, заявил, чтобы ему принесли и положили, как всем. В столовой работники ИТР, посмеиваясь, внушали поварам:

— Смотрите, фельдшеру пожиже наливайте, а то отольет назад....

Приближалась весна 1942 года. Стали готовиться к лесосплаву. Организовали бригады возчиков, которые вывозили лес к реке. Это была самая ударная, напряженная, ответственная работа.

Для того чтобы поддержать силы людей, Лева убедил начальство, что необходимо варить дрожжи и поить ими работающих. Предложение Левы было принято, дрожжи варили, поили работающих, и по, наблюдениям Левы, производительность труда тех, кто был "на дрожжах", была выше.

Как всегда на Урале, стремительно пришла весна, начался сплав по реке Куязы. В лесу пели птицы и было по-прежнему много цветов. Лева любил ставить букеты цветов в амбулатории, отдельные цветы он засушивал, посылая их жене и матери.

Мать Левы нарочно писала ему бодрые письма, поддерживая Леву. Он мог только догадываться о том, какие тяготы и голод переносят его родные.

Большим лишением для Левы в эти дни было — отсутствие братского общения... Если в ранние сроки заключения, когда он был осужден на пять лет, он встречал братьев и в Сибирских лагерях, на Беломорском канале, и за Полярным кругом, на Кольском полуострове, и в тот раз, когда он более трех лет отбывал в Горной Шории, он всегда находил, хотя бы и не сразу, дорогих братьев, с которыми вместе молился, делил радости и горести. Теперь же он не встречал никого.

Он искал людей, интересующихся Богом, миром, любовью, человеколюбием, — и не находил их. Все забыли о Боге, никто не искал и не вспоминал Христа.

Голод, раздражение, бесконечная ругань. У каждого одна мысль: как бы остаться в живых, освободиться...

Состояние окружающих Леву людей было такое, как написано: "Нет праведного, нет ни одного; нет разумющего, никто не ищет Бога, все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их — открытый гроб, языком своим обманывают, яд аспидов на губах их, уста их полны злословия и горечи... нет страха Божия перед глазами их".

Какое-то озлобление, какая-то ненависть словно наполняли воздух. Казалось бы, охрана, начальство — они, огражденные рамками закона, дающие что положено и не допускающие ничего, что не положено, — казалось бы, они должны были быть проводниками какой-то справедливости и законности. Но дух зла проявлял себя в них.

Не забыть Лева этих избитых прикладами заключенных с переломанными ребрами и лопатками, которые, будучи истощены, не могли тащить ноги из леса после работы. А конвой, тоже голодный, усталый, "взбадривал", "подталкивал" их оружием, чтобы они "веселее" шли...

"Боже мой, Боже, сжался над ними! Где же людская любовь? — размышлял Лева. — И те и другие несчастные и пребывают в царстве мрака. Конвой в свое время был осужден за свои злодеяния. Но спасло ли их наказание? Открыло ли им путь к добру? У них тоже остались семьи, дети..."

Зло, черное, нелюдимое зло в те дни словно пропитало всю землю...

Глава 9. Перед рассветом (1942 – 1944)

"Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога..." "Унывает во мне душа моя; посему и вспоминаю о Тебе... Днем явит Господь милость Свою..."

Пс.41

Большим лишением для Левы было в те годы длительное отсутствие у него Слова Божия и Евангелия.

Если физический голод служит поводом для страданий, бессилия, болезней, то и духовный голод также дает свои горькие плоды. Недаром Достоевский сказал: "Горе народу без Слова Божия".

Лева брал книги в библиотеке КВЧ и там, в произведениях Л.Н.Толстого, находил цитаты из Библии, из Евангелия. Он выписывал их в записную книжку, как величайшую драгоценность, и перечитывал их.

Те листочки, которые присылала мать под видом оберточной бумаги в посылках, были также для Левы своеобразным источником питания. Там он читал и об Аврааме, и о подражании ап. Павлу, и об англичанине Торрее, который рассказывал об Эдуарде Спенсере, который сначала спасал утопающих, а потом начал спасать души. Это был другой мир.

Лева же фактически находился совершенно в другом мире — мире насилия и злобы.

Из Уфы, наконец, приехала комиссия. От санитарного отдела был представителем какой-то фельдшер. Лева показывал комиссии ослабших людей. Вдобавок к этому на дворе колонии умер человек, которого принесли к амбулатории.

Комиссия признала законным существование в колонии отряда инвалидов и законность освобождения от работы по болезни и необходимость трудоустройства ослабевших.

Начальство только руками разводило: трудоустроить ослабших на лесозаготовках было очень трудно.

При проверке лечебной работы и наличия медикаментов комиссия была удивлена: в огромном деревянном шкафу у Левы была целая аптека. Он аккуратно получал медикаменты не только через санчасть колонии, но и доставал их через леспромхоз за счет последнего. В шкафу у Левы были любые дефицитные лекарства, даже наркотики. И спирт-ректификат стоял целыми полулитрами.

— Он у нас куркуль, настоящий медицинский куркуль, — заметил местный начальник. — Что надо, все у него достанешь, только спирта не дает. Сам не пьет и другим не дает.

— Неужели после мороза рюмочку не пропустите? — спросил один из приезжих.

— Никогда! Я — абсолютный трезвенник.

От приезда комиссии особых улучшений не произошло. Питание по-прежнему было очень слабое и для лесорубов явно недостаточное.

Появилась в лесах трава — кислянка. Можно было различать побеги и листья лесной лилии — саранки. Для сбора этих растений были выделены расконвоированные заключенные. Они копали луковицы саранки, рвали кислянку и мешками приносили все

это на кухонную зону. Из кислянки варили зеленый-презеленый суп, а из клубней саранки — второе блюдо: клейкая, напоминающая картофельный кисель масса. Все это поедалось с огромным аппетитом.

Голод... Голод...

Война продолжалась. Наступление гитлеровцев было остановлено, но кровь все еще лилась и лилась. Страна переживала величайшие трудности. Многих работников леспромхоза взяли на фронт. Стали брать на фронт и "бойцов" из вооруженной охраны. Благодаря этому конвой стал относиться к заключенным много мягче. Основание для подобной перемены было одно:

— Освободят заключенных, попадешь с ними на фронт, а он тебе, припомнив все издевательства, в затылок пулю пустит.

Отношения многих из охраны стали несравненно дружелюбнее. Но голод, голод делал свое дело. И каждый чувствовал, что он приближается к краю могилы. Особенно тяжело было, когда случались перебои с хлебом. Паек сокращали, были случаи, что его совсем не выдавали. А ведь хлеб был источником жизни заключенных.

Лева голодал, но никогда он особенно не обращался к Богу с просьбой о хлебе насущном. Он терпел. Но однажды, встав утром, перед приемом больных, на молитву, он сказал своему Отцу:

— Ты видишь, Отец, я так хочу есть. Дай мне поесть... Только он помолился, не прошло и нескольких минут, как в дверь постучали. Вошел старик-инвалид лапотник. Он плел лапти для всей бригады.

— Доктор, вот возьмите... — И он протянул Лева мешочек. — Это я посылку получил, а я все время сыт, меня снабжают. Вот у меня и загорелось желание вас угостить. Берите.

— Не могу.

— Да берите, это ведь не взятка. Ведь я в своей работе от вас независим.

Лева пытался было отказаться, но старик оставил мешочек и ушел. В мешочке оказались куски сала и большие ржаные сухари.

В это утро Лева поел и поблагодарил Отца, что Он слышит и быстро отвечает. Ведь Бог есть любовь...

От Маруси пришло письмо. Она — в действующей армии, в авиационном полку, старшим врачом.

Самое тяжелое для Левы было — когда умирали люди, и он не мог им помочь. Особенно ужасно получалось, когда расконвоированные лесорубы нашли падших лошадей и пытались утолить голод их мясом. В результате — заболели кровавым поносом. Как ни лечил их Лева в стационаре, двое из них все же погибли.

Санитарное состояние колонии падало. Лева видел причину в руководстве, волновался. И когда приехало начальство из Белорецка, он во всем обвинил местное начальство. Местные руководители, в свою очередь, от прораба до начальника колонии, видели корень зла — в Лева, что он допускает смертность, что он не борется за улучшение санитарного состояния. В ответ на его требования они грозили отдать Лева под суд.

Условия работы становились невыносимыми. Наступила зима 1942 года, приближался 1943 год. Казалось, в жизни заключенных не было просвета, и черный призрак смерти витал над каждым. Но в это время произошли неожиданные перемены.

Видимо, неблагополучно было с заключенными не только в колонии, но и повсюду в лагерях. И руководство свыше дало, по-видимому, какие-то указания.

Начальника сменили. К Лева приехал новый начальник санчасти — эвакуированный работник Курской тюрьмы. Это был высокий пожилой фельдшер. Он имел определенные полномочия и стал ставить истощенных на отдых. От Левы он требовал немедленной сдачи наркотиков. По его словам, поступило распоряжение держать их только в центральной медсанчасти. Он часто приезжал в колонию и всячески помогал Лева в осуществлении лечебно-санитарных мероприятий. Лева чувствовал его теплое, доброе

отношение к нему, и это явилось большим облегчением в его работе. Лева ясно видел, что Отец Небесный не посылает испытания сверх сил, но дает облегчение.

Из Белорецка в колонию приехало новое начальство. Руководитель колонии, начальник производственно-технического отдела инженер О. и его жена, начальник культурно-воспитательной части, оба пришли к Лева в амбулаторию и стали знакомиться с ним. И тот и другая тут же пообещали "серьезно заняться Лева и перевоспитать его".

На это Лева ответил, что скорее они станут баптистами, нежели он — атеистом. Они рассмеялись, а начальник колонии, узнав, в чем суть дела Левы, посоветовал ему подать заявление, чтобы его освободили и отправили на фронт.

Лева охотно последовал этому совету, подал заявление, указывая в нем, что он фельдшер, имеющий определенный опыт, и, несомненно, может быть полезен в действующей армии по оказанию помощи раненым и больным. Он только добавил, что ни при каких условиях, как последователь Христа, он оружия в руки не возьмет, равно как и не произнесет клятвы.

На это заявление, которое Лева посылал дважды, он не получил никакого ответа.

Из дома Лева по-прежнему получал бодрые, утешительные письма. В них не было и намек на трудности и голод, которые его домашним, так же как и прочим гражданам, приходилось переносить. Маруся писала, что с октября 1942 года она на Сталинградском фронте. Ей много пришлось пережить, видеть и гибель детей и жителей городов и сел от ужасной бомбежки, а также переживать гибель своих товарищей-легчиков, останавливающих движение гитлеровских полчищ на Волге. Сама она осталась невредимой от пуль и осколков, но продолжительные дежурства зимой на аэродроме дали ревматизм и отразились на сердце.

Во время переброски авиаполка на другой фронт, в конце декабря 1942 года, Марусе был дан отпуск на 10 дней, благодаря которому она смогла побывать дома у тяжело больного престарелого отца. Все это и многое другое Маруся подробно описывала своему любимому спутнику жизни, и хотя их пути так далеко разошлись, но сердцами они были вместе, и та же вера, надежда, любовь поддерживали их. Из дома сообщили новость: у его младшей сестры — Лили родился сын Сережа 5.01.1943 г.

А трудности и недостатки росли всюду.

Освещение в колонии было керосиновое, но керосин доставляли неаккуратно и на лампы его не хватало. Лева стал изготавливать всевозможные ночники, используя стекла, отрезанные от пробирок. Но вот керосина совсем не стало. Лева стал гнать деготь из березовой коры, но, увы: налитый в керосиновую лампу, он не поднимался по фитилю и не горел. Тогда он придумал способ капания на фитиль, и деготь под стеклом лампы горел и давал освещение. Теперь можно было снова вести амбулаторный прием и обслуживать больных в стационаре. Но от амбулатории и стационара так несло дегтем, как будто здесь было дегтярное производство.

Не стало спичек. Вспомнив свои юношеские годы, увлечения химией, Лева стал изготавливать спички и химические зажигалки, которыми пользовалось и прибывающее начальство.

Не стало йода. Лева стал производить его из запасов йодоформа. Одним словом, приходилось всячески приспособляться, чтобы только выполнять свою работу и делать добро людям. Особенно Лева помог врачебно-хирургический инструмент, который он получил из дома. Не было зубных щипцов, но местный кузнец под руководством Левы искусно отковал и отточил их. Одними этими зубными щипцами Лева удачно приспособился выдерживать всякие зубы и корни.

До города было далеко, и из соседней деревни стали приходить люди, страдающие больными зубами. Лева уже пользовался репутацией "врача, хорошо удаляющего зубы". С разрешения начальства их допускали к нему.

Иногда Лева возили под конвоем в соседние деревни к тяжелобольным. Там он устанавливал диагноз и назначал лечение. Однажды он приехал к тяжелобольному, осмотрел его и, повернувшись к зеркалу, заметил за ним какую-то книгу.

Боже мой, это было Евангелие, Новый завет! Сколько лет Лева не видел его, не держал его в руках, тосковал по нем. Это была неожиданная встреча с самым дорогим, что он знал. Это была встреча более радостная, чем с самым дорогим другом.

Он открыл книгу, прочел несколько стихов. Да, это была святая, дорогая книга.

– Чья это книга? — спросил он.

– Книга нашей бабушки.

– Читает она ее?

– Да нет, не читает.

– Так, может быть, вы отдадите ее мне?

– Нет, отдать не можем. Она приказала, когда помрет, чтобы ее читали над ней.

С великим сожалением водворил Лева драгоценную книгу за зеркало. Люди имели истинный источник воды живой, источник спасения и не пользовались им, не знали его сути.

Несколько дней Лева ходил в особо приподнятом настроении — единственно по причине своей встречи с Евангелием. Он и матери описал в самых восторженных словах эту необыкновенную встречу. Однако это была только минутная встреча. Текли недели, месяцы, в которые Лева продолжал тосковать о Слове Божиим.

... Настала весна 1943 года. Все было по-прежнему. По-прежнему природа оживала после зимней спячки. Ей, природе, были непонятны те ужасы, которые потрясали человечество. Леса в чудной пахучей листве, казалось, славил Творца. По-прежнему всюду цвела черемуха, и цветов было также много.

Однажды в амбулаторию к Лева вошел охранник:

– Доктор, я вам привет принес.

– От кого? — удивился Лева.

– А вот я недавно был в отдаленной лесной деревушке, там и заночевал. Разговорились. Смотрю — они люди верующие. Стал я им про вас рассказывать. Они заинтересовались, спрашивают. А потом говорят: "Это наш брат, наш брат". И вот, просили меня передать вам самый что ни на есть сердечный привет. При мне они и Богу молились за вас.

– Спасибо, спасибо! — говорил растроганный Лева.

Охранник ушел. Лева вышел во двор колонии. Там, за проволокой, все зеленело, благоухало, от малых травинков до могучих пихт и сосен. Слышалось разноголосие птиц.

Лева смотрел и слушал, и из его глаз катились слезы.

— Боже! Боже! Так верующие люди есть. Есть те, для кого я брат. Не вымерла, не уничтожена вера в эту суровую пору страшных морозов неверия, насилия, греха и зла. В годы ужасной войны не удалось убить веру в людях. Так должна же прийти весна, когда зло смирит свою силу, когда потеплеет, и можно будет жить по совести, по любви, славя Бога. Еще воспрянет братство в людях, еще потекут среди народов потоки воды живой!..

Он верил...

Жизнь Левы разнообразилась тем, что начальник производства и его жена, начальник КВЧ, взявшись перевоспитывать его, приходили и проводили с ним длительные беседы. Нужно сказать, что беседы эти носили дружеский характер.

Поговорив о Боге и убедившись, что они общего языка тут не найдут, начали беседовать о науке, литературе, искусстве, и тут нашли много общего, интересного. Лева проявил себя большим знатоком и большим любителем Некрасова — певца горя народного. Сетовали, что теперь нет таких певцов, хотя чаша страданий народа была в это время переполнена через край. Лева на память читал некрасовские стихотворения — "Железная дорога", "Орина, мать солдатская". Декламируя, Лева сам глубоко чувствовал и переживал.

Взяв на себя миссию "перевоспитать" Леву, эти люди рассчитывали увидеть перед собою "слепого фанатика-сектанта". Однако в этом смысле их ждало разочарование: перед ними был не узкий, замкнутый в своих верованиях сектант, но — человек с чуткой душой, способный отзываться на все доброе, хорошее, красивое. Помимо этого, как они постоянно слышали от администрации колонии, Лева проявил себя изобретательным, инициативным работником, не раз выручавшим колонию из затруднительного положения в питании и медобслуживании.

В силу этого, под влиянием неопровержимых фактов, перевоспитывающие вскоре невольно изменили к нему отношение. Их отношение к Леве вскоре приобрело не враждебный, а дружеский характер. Оба "воспитателя" недавно поженились, она ждала ребенка, мечтала поступить в педагогический институт. Они советовались с Левой, как с врачом, по вопросам здоровья. То, что они были неверующие, а он — верующий, абсолютно не вносило в их отношения никакого разлада.

Убедившись, что в политическом смысле Лева вполне благонадежен и искренно не терпит "коричневую чуму" — фашизм, начальница КВЧ поручила ему выпустить в колонии стенную газету. Лева отказался, но его уговорили.

Никаких красок тогда в колонии не было, да и чернила доставали с перебоями. Временами Лева писал густым раствором колларгола. Тем не менее, для стенгазеты у Левы нашлись и краски: желтая — акрихин, синяя — метиленовая синь, зеленая — смесь этих двух веществ, красная — красный стрептоцид. Передовицу Лева составлял из газет, отражая в ней вопросы производства и быта. Пытался делать даже кое-что из рисунков.

... По-прежнему варили кислянку, луковицы саранки, а когда появились грибы, их стали заготавливать целыми мешками. "Грибы — растительное мясо", — вывесил Лева плакат. — Ешьте грибы!"

Однако изголодавшиеся лесорубы, собирая на делянках грибы, часто собирали и ядовитые, ели их и отравлялись. Леве пришлось приложить немалые усилия для спасения их жизней.

Когда пришла пора малины, а ее в лесах было очень много (на ней жировали медведи), была организована широкая заготовка малины впрок. Начальник КВЧ, начальник производства под свою ответственность брали Леву за малиной. Это были чудные прогулки, где совмещалось приятное с полезным: беседовали, наслаждались природой...

Это лето и осень Маруся писала с Брянского фронта. Как всегда ее письма были бодрыми, полными надежды, что Бог сохранит их обоих и после этой ужасной войны они снова встретятся. Лева заметил, что письма ее стали приходить реже; видимо, обстановка на фронте осложнялась.

... Однажды после приема к Леве пришел молодой парень — лесоруб. Он не прошел вперед, а сел у порога.

— Доктор, никого нет?

— Никого.

— Так я хочу с вами потолковать, душу отвести. Я православным считаю, и в церкви бывал. А вот Бога мы совсем забыли...

— А вы почему со мной о Боге заговорили? — осторожно спросил Лева.

— Да все говорят, что вы — верующий человек.

Лева стал беседовать с ним и вскоре убедился, что он ничего не знает, кроме некоторых обрядов. Но видно было, что душа этого парня начинает просыпаться среди этого мрака и холода и искать правды. Само собой понятно, что Лева не нашел в собеседнике братского понимания, но сердце его все же встрепенулось радостью, что люди, видимо, начинают пробуждаться, задумываться... Сначала это были робкие, одиночные пробуждения, но кто знает? Может быть, из искры возгорится пламя...

— О, Боже! — молился Лева. — Пробуди, пробуди народ, и в этом бушующем горе, море зла, страданий и греха дай видеть лучи Твоего спасения!

Но кругом было еще темно, и даже очень темно.

Иногда его вызывало начальство и дружески беседовало с ним:

– Нас просто удивляет, как вы можете оставаться верующим? У вас для этого нет никаких данных. Верующие вас не посещают и не поддерживают вас ни письмами, ни материально. Да и вообще мы должны вам сказать, что верующих на свободе почти совсем не осталось. Ну, может быть, остались только такие, как ваша мать. Священных книг вы никаких не имеете. Просто непонятно, на чем держится ваша вера?

– Есть положение, — отвечал Лева, — что бытие определяет сознание. И есть то Бытие, Которое определяет мое сознание.

– Что же это за бытие? Наше общественное бытие, в котором вы теперь живете, должно бы сделать вас безбожником.

– Это верно, — сказал Лева. — Но я соприкасаюсь с другим бытием, бытием Бога, творца любви. Он и есть тот самый Свет, что просвещает любую тьму.

– И это действительно?

– Факт. Поэтому я и верующий среди неверия.

– Интересно! Расскажите, как вы соприкасаетесь с бытием Бога. Все обнесено проволокой, стоят часовые. Как же он приходит к вам? В виде провидения, что ли?

– Есть то, что называется молитвой. Это очень глубокая тайна внутри каждого человека. Я обращаюсь к Нему в молитве, живо общаюсь с Ним, и Он отвечает, действует на душу и сердце. Передать это словами невозможно, но тем не менее это реально.

– Непонятно, какая-то мистика или внушение. А мы посоветовали бы вам по-доброму: ну, верьте вы в Бога, но напишите, что берете оружие. Вас, конечно, пошлют на фронт, но фельдшером. Скорее всего, вам и стрелять-то не придется. Зато вы сразу станете полноправным гражданином, свободным. Чего вам мучиться в заключении?

Но для Левы эти вопросы были давно ясны, и он не проявлял никакого колебания.

Наступила осень 1943 года. Из дома Лева получил неутешительное известие: его отца и некоторых верующих братьев взяли под стражу и осудили. С точки зрения имеющих власть это были "враги народа". Точка же зрения самих верующих, осужденных, была иная: "Только бы не пострадал никто из нас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое. А как если христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь".

Эти аресты, эти суды ясно показывали, что погода была все та же.

Когда же будет рассвет? И будет ли? Когда утихнет и эта страшная война, и эта страшная буря?..

Работа Левы была организована четко, и когда у него выдавалась свободная минута, он читал книги. Читал Л.Н.Толстого, Лескова. По-прежнему читал и перечитывал Некрасова.

Кроме того, он сам стал понемногу писать, пытаясь изображать отдельные картины природы. Некоторые из них имели глубокий аллегорический смысл и отражали переживания, чаяния и надежды Левы. Так, например, была написана маленькая вещь — "Елочка" после посещения им горелого леса. Также написал Лева санитарно-просветительскую брошюрку на тему борьбы с желудочно-кишечными заболеваниями. Написал Лева и рассказ "Поля, жена защитника Родины". Поводом к нему послужили переживания и труд жен охранников колонии, мужей которых отправили на фронт. Леча их, он близко знал все горести и радости, трудности и беды.

Написанное он показал начальнице КВЧ. Она со своим мужем с интересом читали, делали свои замечания и говорили:

— Кто знает, может быть, Лева, взгляды которого схожи со взглядами Льва Толстого, напишет нечто вроде "Войны и мира", где глубоко и широко изобразит Отечественную войну*.

... От недоедания и неполноценного питания среди заключенных появилась цинга. Лева яростно боролся за противцинготные пайки. На этот раз и начальство превратилось

в его союзника. В амбулатории во время приема больных на столе стоял большой мешок сушеной малины, которую он раздавал заболевшим авитаминозникам.

Однажды, когда Лева уже заканчивал прием, один худой, среднего роста больной задержался:

– Доктор, помогите мне, поддержите меня.

– Я и так, по мере возможности, поддерживаю вас, — возразил Лева.

– Согрешил я, священник я. Когда стали церкви закрывать, разгонять прихожан, я отрекся, снял сан. А вот теперь, слышать, с войной церкви вновь открылись, я и обещал Богу, что если жив выйду из заключения, то буду служить священником. Поддержите меня...

Лева сказал, что надо уповать на Бога, и попытался заговорить о духовных вопросах. Но, к сожалению, священника это мало интересовало, и они не нашли взаимопонимания.

Поддерживать его, так же как и любого другого больного и слабого, Лева всегда был готов. Но, к сожалению, его возможности в этом отношении были весьма ограничены.

В октябре 1943 года неожиданно пришло предписание: — Отправить фельдшера Смирнского в колонию на станции Запрудовка.

Они не поняли, что впереди Леву ждал путь тернистый и исполненный лишений. Для творчества были отрезаны все возможности.

— Почему, как, зачем? — недоумевал Лева.

Когда он приехал туда под конвоем, все выяснилось.

Оказывается, прораб, который, будучи заключенным, долгое время работал вместе с Левой в Куязах, освободившись, устроился уже по вольному найму в колонии на ст. Запрудовка. Высоко ценя Леву как работника, он выхлопотал его к себе, в Запрудовку.

Вскоре было созвано совещание бригадиров и хозобслуги с руководством колонии, на котором прораб представил нового фельдшера и заверил, что он в состоянии навести порядок и ликвидировать антисанитарию, вшивость и прочее.

Колония была большая, половина мужчин, половина женщин. Работы бригад были тяжелые: погрузка и разгрузка вагонов на станции Запрудовка. Большинство заключенных были истощены.

Когда туда приехал Лева, зима уже вступила в свои права, а надо ли говорить, что зима — самый тяжелый период в жизни лишенных свободы?

Лева не ограничивал свои приемы, принимал и рано утром, и поздно вечером. Чтобы выявить ослабевших и резко истощенных, он обязывал всех раздеваться по пояс. В ведении Левы был также стационар с палатами отдельно для мужчин и для женщин.

Уравновесить как-то голод, истощение и выход на работу, обеспечив в то же время нормальную освобождаемость в амбулатории по болезни — все это было чрезвычайно трудно. По утрам на разводе Леву обступало множество мужчин и женщин, и все молили об освобождении от работы. Ввиду этого начальник обычно гнал Леву подальше от проходной, где происходил развод. Но Лева сознавал, что его обязанностью было — быть именно там, при разводе, чтобы в зимнее время не выходили на работу недостаточно одетые, плохо обутые и больные. И все-таки всех больных и ослабших невозможно было освободить. Да и где тот критерий, что один человек уже не может идти на работу по истощению, а другой — еще может?

Этот вопрос поднимал в душе Левы целую бурю; он переживал страшные муки.

Однажды, отвернувшись от наступающей на него толпы, он взглянул на белый снег, и кого же он увидел? Там, на снегу, он ясно увидел никогда незабываемый им облик Христа в терновом венце. Губы Христа шевелились. Он что-то шептал. Глаза и все обезображенное лицо выражали нечеловеческие муки и страдания.

Сначала Лева как бы застыл на месте, а потом бросился бежать. Сердце его разрывалось на части от рыданий. Кто он? Что он подносит к устам Спасителя? И что ему делать? Объявить всех желающих получить освобождение от работы нетрудоспособными? Идти к начальнику, просить улучшить питание людей? Снизить

нормы выработки? И то, и другое, и третье было одинаково нереально. Оставить медицинскую работу? Но вряд ли кто другой сможет на его месте сделать лучше и больше...

И он мучился. Страшно мучился, наблюдая все и сознавая себя каким-то ничтожным винтиком в этой машине, которая так же, как и все, из последних сил работала на фронт.

Как-то в конторе, просматривая начисление хлеба, Лева заметил, что свои рапорты бригадиры писали на старых листах славянского Евангелия. Как известно, с бумагой в те дни было особенно трудно, и из Белорезька, кто только мог, привозили старые книги и на них писали отчеты, рапорты о выработке бригад и прочее. Поиски обнаружили, что случайно попавшее сюда славянское Евангелие было уже полностью израсходовано, и хотя рапорты все же являлись документами, которые хранились и подшивались, Лева все же по договоренности с бухгалтерией взял часть их, и хотя они были разграфлены и исписаны, а сам он плохо знал славянский язык, но все же с большим наслаждением читал об отдельных событиях из жизни Спасителя. Эти листочки, как драгоценность, он хранил долгие годы.

С фронта поступила разбитая фашистская техника. Она шла в домны на переплавку. Однажды, обходя, под конвоем, производство, Лева забрался в фашистский танк и там раскрыл коробку с радиоаппаратурой. В этом деле Лева был совершенно несведущ, однако всевозможные катушки все же забрал с собой.

Вскоре он нашел магнит, надел одну катушку, а против магнита прикрепил сделанную из жести клистирную кружку, соединил с радиотрансляционной сетью, и у него в амбулатории получился прекрасный громкоговоритель. Теперь Лева каждый день включал его и слушал, что происходит на фронтах. Маруся по-прежнему писала ему. В начале 1944 года она была на Белорусском фронте. В одном из своих писем она прислала Лева известное стихотворение К.Симонова "Жди меня, и я вернусь, только очень жди". И Лева ждал, молился и верил, что Господь сохранит ему его маленькую Марусю.

...Война продолжалась, и люди гибли. В колонию доставляли целые тюки обмундирования, снятого с солдат. Белье было в крови, изодрано. Это белье клали в чаны, там оно отмачивалось, стиралось, затем чинилось и его вновь использовали для обмундирования заключенных.

Подспорьем в питании заключенных стал яичный порошок и консервы, которыми снабжали нашу страну союзники из-за океана. Но все это, однако, было далеко не выход из положения. Лева отдавал работе все время и чувствовал себя очень слабым. Иногда у него появлялось нечто вроде сознания или чувства удовлетворения своей работой, иногда же он приходил в отчаяние.

Однажды утром, перед приемом, он помолился, чтобы Сам Христос присутствовал на его приеме. Прием шел отлично. Вот он отпустил одного, назначив ему капли, дал добрый совет. К слову сказать, Лева всегда старался обходиться с больными чутко, вежливо. Никого он не называл симулянтом. Вот больной, измученный, серый, выходит из дверей приемной. И вдруг, словно голос спросил Леву:

— А если бы это был твой родной брат Веня, ты бы так же к нему отнесся?

Леве стало ясно, что он относится к своим больным далеко не так, как следовало бы — далеко не по-братски.

Вот вошла пожилая, седая женщина. Она жаловалась на боли в пояснице, говорила, что не в силах перебирать картофель в овощехранилище. Лева смазал ей поясницу йодом, рекомендовал тепло, но от работы все же не освободил. Она выходила, а голос спросил его:

— А что бы ты сделал, если бы эта заключенная была твоя родная мать?

Вошел изможденный рабочий, стал показывать свои разбитые руки, жаловаться на общую слабость, головокружение. Лева смазал руки на трещинах, дал выпить рыбьего жира и пообещал, при случае, зачислить в команду слабосильных. Рабочий ушел, а голос спрашивал Леву:

— Это заходил Я САМ, изможденный, истомленный в виду наименьшего, ничего не значащего человека. А как ты отнесся ко Мне?

И Леве стало ясно, что он ужасно плохой христианин, что он совсем не тот, каким должен быть по Евангелию. И он страдал, страдал и мучился в душе своей. Но изменить что-либо был не в силах.

Лева получал медикаменты не только через санчасть колонии, но и по договоренности с начальником железнодорожной станции Запрудовка, получал медикаменты из городской аптеки. Ходил он туда в сопровождении конвоира, державшего винтовку на изготове. В аптеке к Леве относились внимательно, дружелюбно и что можно давали. Направляясь в аптеку, пользуясь благорасположением конвоира, заходил в городскую библиотеку и записался в число ее читателей. Там можно было достать многие книги, каких не было в библиотеке КВЧ. Некоторые книги не полагалось выдавать "на руки", но Лева тут же в душе обращался к Отцу Небесному, и библиотекарьша смягчалась и выдавала ему желаемое. Так Лева прочел "Избранные места из переписки с друзьями".

А голод давал себя знать. Часть бригад работала на выгрузке пшеницы. Уходили они на работу худыми, а возвращались полными. Под кальсоны, брюки они набивали зерно. Обыскивающие смотрели на это сквозь пальцы. Придя в барак, рабочие высыпали зерно, жарили его на раскаленных плитах печей или же варили превкусную кашу. Это зерно — пшеничное, поджаренное, было очень вкусным, и бригады, которые поправлялись на нем, угощали и других. Угощали и Леву, но он совестился брать. Как-никак, а зерно это было фактически "ворованное".

Иногда прибывали вагоны с рыбой. Огромные вагоны, и все рыба. Их нужно было срочно разгрузить. Мобилизовали всю хозобслужу. На выгрузке рыбы работал и Лева. О, что это за рыба была! Конвой, с помощью заключенных, запасал ее целыми мешками. Заключенные тоже, заканчивая выгрузку, толстели, пряча рыбу под бушлаты. Лева же уходил, не взяв ни одной рыбешки. Но так или иначе, друзья на кухне угощали его рыбой, убеждая, что "это так положено", что "везде и всюду воруют".

— Это-де, в сущности, вовсе не воровство, — говорили они. — Работает человек, полагается ему и поесть.

Однажды привезли картофель. Снова на разгрузку двинули всю хозобслужу. Тут же варили, парили всевозможными способами. Когда закончили, приемщик заявил, что много картофеля не хватает. Но начальник охраны категорически сказал:

— Нельзя людям ходить по воде и не замочиться.

... Иногда Лева водил сложных больных в город на рентген, на консультацию. Там врач-рентгенолог, еврейка, узнав, что он верующий, очень сочувствовала ему, и Лева немало беседовал с ней о Боге, Христе. Ее муж служил в действующей армии.

Однажды, когда Лева обходил стационар, его срочно вызвал надзиратель:

— Пишите заявление на свидание. К вам пришли.

Лева ответил, что это какое-то недоразумение и писать заявление он не будет.

— Да что вы? Пишите, — уверял его надзиратель. — К вам на свидание пришел фронтовой офицер.

И вот Лева получает свидание с совершенно незнакомым ему человеком. Тот приветливо улыбается и пожимает Леве руку. Надзиратель, из уважения к офицеру, уходит, оставляя их одних.

— Вы сейчас все поймете, — говорит незнакомец. — Я муж того врача-рентгенолога, с которым вы знакомы. Она мне все рассказала о вас. Вы верующий по-настоящему, я — еврей и тоже верующий в закон Моисея и в веру наших прадедов.

Леве было очень приятно беседовать с этим человеком. Тот рассказал ему об отступлении еврейского народа от веры. И то, что евреи терпят от Гитлера, это, по его мнению, все наказания за нечестие.

— И знаете что?

– Что? — спросил Лева.

– Мы начали молиться Богу, мы любим ближнего. Нигде, ни в каком народе, человек так не поддерживает человека, как еврей поддерживает еврея. И Бог это видит, и Он помилует нас.

– Да, это так, — согласился Лева. — В отношении поддержки. Меня во многих местах принимали за еврея и поддерживали, пока я не доказал, что я русский.

– Слушайте, — сказал офицер. — Я хочу вам помочь. И это будет полезно и для моей жены. Дело в том, что сейчас посылки разрешены только в места заключения. Можно посылать и с фронта. Вам жена не присылала?

– Нет, — сказал Лева. — Я никогда ничего не прошу.

– Так вот, — сказал офицер. — Я уже договорился на почте. Я буду присылать продуктовые посылки на ваше имя; там будет немного и для вас. А остальное для моей семьи. Жена будет получать эти посылки и угощать вас. Согласны?

– Согласен, — сказал Лева.

Действительно, впоследствии врач-рентгенолог угощала Леву из посылок, получаемых от мужа:

Когда прибывали пополнения, новые этапы в колонию, Лева проводил медицинские комиссии для установления трудоспособности, и те вновь прибывшие, которые были с дефектами конечностей, а также тяжелые сердечники и имеющие другие заболевания, использовались на более легких работах.

Однажды он комиссовал прибывший этап. К нему подошел человек с анкилозом локтевого сустава. Лева записал его и сказал:

– Следующий!

– Вы меня не узнаете? — спросил новоприбывший.

– Нет, не узнаю. Кто вы?

– Николай Морозов. Вместе в Уфе на медицинском факультете учились, в одной комнате в общежитии жили.

– Да, вот не узнал! — воскликнул Лева, вскакивая. — Помню, вместе в литературном кружке были. Ты писал стихи.

После комиссии бывшие друзья разговорились. Морозов сказал, что он оставил мединститут и окончил педагогический.

– А как же ты сюда попал?

– А вот как. Заведовал школой, детским домом. Обнаружилось крупное мошенничество. И хотя я тут ни при чем, все же меня обвинили, дали три года. Привезли вот сюда...

– Согласен работать со мной в стационаре санитаром?

– Очень даже согласен. Все-таки медицине учился.

В стационаре у Левы работала медсестра из преступного мира. Она относилась к работе очень небрежно, и Лева не раз говорил начальнику, что ее нужно сменить. Но замены не находилось. В ближайшие дни после прибытия этапа Лева пошел к начальнику и, помолвившись, войдя в его кабинет, заявил, что прибывший инвалид по руке Николай Морозов, учившийся с ним в мединституте, будет подходящим братом-санитаром.

— Да что вы, что вы! — возмутился начальник. — Будь у нас одни мужчины — пожалуйста. А ведь у нас и женщины, целая палата. И вдруг мужчина будет ухаживать за больными женщинами, выносить судна, мыть полы. Это не пойдет. Идите!

Лева пошел, но, не доходя до двери, остановился и крепко помолился:

— Господи, дай, чтобы начальник согласился! "Телеграмма" была послана, и началось ее действие.

А все-таки, начальник, давайте попробуем. Морозова я лично знаю, он парень хороший. Но если возникнет недовольство со стороны женщин, сразу уберем его.

– Ну, пусть пишет мне заявление, — сказал начальник, неожиданно смягчась.

Морозов стал работать санитаром. Нелегко было. Хотя Лева и старый знакомый, но в своих требованиях он нигде не допускал послабления. Чистота, порядок — прежде всего. И он без конца делал Морозову замечания и требовал лучшей работы. Лишь после вечернего приема, когда они вместе ужинали, Лева говорил с Николаем по-дружески и просил не обижаться на него.

— Жизнь моя тюремная, но в годы юности я работал с лучшими старыми врачами. Вот доктор Крих — это человек порядка. На столике и в баракке, где лежат больные, у него каждая бумажка на месте. Никогда не забуду: принес санитар дров и вывалил их у железной печки. Пришел доктор Крих, взволнованно обратился ко мне:

— В нашей жизни так мало порядка, так мало. Вот эти дрова. Разве так можно?

И старик принялся укладывать ровненько, аккуратно дрова. И Лева любил чистоту, аккуратность. Так до конца жизни переживал, часто не видя их.

Однажды вечером Морозов спросил его:

— Я помню вас еще с общежития и тогда удивлялся на вас. Какой-то вы особенный человек, не такой, как все.

— По-моему, русский и как все, — ответил Лева.

— Нет, нет, не скажите, кто вы?

— Такой же, как все, но я верующий.

— Верующий? Как так? И вы молитесь?

— Да, молюсь.

— А я никогда в церквах не бывал и не видел, как люди молятся. Николай помолчал, а потом сказал:

— Не могли бы вы помолиться, чтобы я посмотрел?

— Хорошо, — сказал Лева.

Он закрыл дверь на крючок и опустился на колени. Николай стоял в стороне. Простыми словами обратился Лева к Отцу Небесному, благодарил Его за любовь к людям, что Он послал Иисуса Христа спасти грешников, и Христос умер на кресте, взяв на себя все грехи, чтобы прощать тех, кто просит у Него прощения.

Лева встал с колен, Николай ничего не сказал.

На следующий день вечером, когда они кончили работать, Николай снова попросил, чтобы Лева помолился.

"Вот какой ты любопытный!" подумал Лева. Но опять запер дверь на крючок, опустился на колени. Николай стоял в стороне. Лева молился, благодарил Христа, умершего за грешников на кресте, умершего и за него. Благодарил, что и его Христос простил и помиловал, когда он обратился к Нему.

Лева встал с молитвы. Николай молчал. Они не беседовали между собой.

Утром следующего дня Лева увидел, что Николай был необыкновенно радостный.

— Что с тобой случилось? Или ты именинник? — спросил Лева.

— О, если бы вы знали! Ночью, когда я был на дежурстве и больные в палате все уснули, я вышел в коридор, опустился на колени и стал молиться, обращаться к Богу, ко Христу. Я представил Его распятого и как бы припадал к Его ногам, просил о прощении. И вот мне стало так легко и радостно. И курить совсем не тянет.

Николай стал новым человеком. Работа шла по-прежнему. По-прежнему Лева был строг и требователен, но в лечении стационарных больных произошли большие перемены. Через два месяца Лева ясно увидел, что смертность в стационаре резко уменьшилась. Он поделился своим наблюдением с Николаем, и тот сказал:

— Когда вы говорите, что человек в опасности и безнадежный, я начинаю молиться о нем, и кормлю его сам, и прошу, чтобы Бог сохранил его жизнь.

Все стало ясно Леве. Сам он мало молился о больных, а тут Николай в полноте первой любви сам помолился, сам выхаживал, и Бог благословил.

— О, как бы я хотел увидеть Евангелие, святую книгу! — сказал Николай.

— Я тоже хотел бы, очень хотел бы увидеть ее, — сказал Лева, — да нет, не достанешь ее...

Лева задумался.

— Слушай, Николай, не ради меня, — я читал святую книгу часто, — а ради тебя, давай просить Бога, чтобы Он дал нам Евангелие, Новый завет.

Они молились...

К Лева в амбулаторию пришла надзирательница. Молодая, белокурая, страшная матерщинница, готовая хватать всех, кто не выходит на работу, и выталкивать их за шиворот.

— Слушай, доктор, мне надо с тобой поговорить.

Они остались вдвоем. Лева подумал, что она чем-нибудь заболела, хочет лечиться.

— Я знаю, доктор, что ты верующий. Я была тут в одной деревне, а там старик верующий. Сколько у него божественных книг! Хочешь, одну принесу?

— О, принеси! Такая по-русски называется "Новый завет".

— Принесу, принесу....

И спустя несколько дней, под овчинным полушубком, у груди, она принесла ему Новый завет. Это была достаточно большого формата очень старая книга. Многих листов в ней не хватало. Кто был этот старичок, какого он вероисповедания, осталось неизвестным, но во всяком случае ясно было одно, что Бог расположил его сердце доверить надзирательнице эту книгу.

Прежде чем взять ее в руки, Николай пошел к рукомойнику — вымыть руки.

— Это святая книга, — сказал он. — Ее нужно брать только чистыми руками.

И Лева и Николай стали читать страницы Евангелия. На ночь они ее поделили: основную книгу Лева отдал Николаю, а себе взял часть страниц, выпавших из переплета.

Как человек, давно не вкушавший хлеба и алчущий хотя бы кусочек его, голодный, изнемогающий, получает наконец ароматный кусок свежего хлеба, — подобно тому, Лева ел этот духовный хлеб с большим аппетитом. Кстати сказать, нечто подобное испытывали все, по-настоящему пережившие голод.

Так и Лева: держа страницы Святого Писания, он читал их стих за стихом и наслаждался чудными Божьими обетованиями, великими истинами, которые ведут в жизнь вечную. Ему казалось, что когда он был дома, он не так наслаждался Библией, не уделял ей первое место. Это, впрочем, так бывает, когда человек имеет в избытке хлеб. Он пересыщается, не чувствует его вкуса и аромата, не ценит хлеб, без которого не может жить.

Николай читал страницу за страницей, все подряд. Он не задавал Лева вопросов о непонятных местах, а поглощал все то, что открывалось его духовному взору, как величайшее, драгоценное и близкое сердцу. Ведь Нагорная проповедь Спасителя, Его жизнь, любовь к людям, поучения, крестная смерть и воскресение открывались перед ним впервые. Он никогда об этом не слышал, и теперь с благоговением читал и перечитывал чудное повествование.

А что же такое за книга Библия? — спросил он Леву.

Это собрание священных книг, которые показывают сотворение мира, человека, грехопадения, уход от Бога, терзание и мрак тысячелетиями людей, отступивших от Бога. Бог дает человеку закон, наставляет на верный путь и спасает через Иисуса Христа, как говорится во второй книге Библии — Новом завете.

— Как только выйду на свободу, буду искать Библию, — сказал Николай.

Проходили недели, месяцы тяжелой, голодной жизни в заключении. Война все продолжалась, но обессиленный, разбитый немецкий фашизм вынужден был отступить, оставляя сожженные и разоренные города и села.

Маруся продолжала писать все также бодрые письма. Из дома мать посылала аккуратно добрые весточки, полные любви и надежды. Срок Левы давно перевалил за вторую половину и приближался к концу.

Однажды, когда они с Николаем заканчивали обход, Николая срочно вызвали в УРЧ — учетно-распределительную часть, — а потом к начальнику. Он вернулся сияющий.

— Лева, Лева, сегодня я еду домой! Дело пересмотрено Верховным судом, и я признан совершенно невиновным. Мне ясно, что Бог привел меня сюда только для того, чтобы я уверовал. Как я счастлив!

Лева поздравил друга с освобождением. Ему было очень грустно расставаться с ним. Ведь никого верующего в Бога не было вокруг.

Николай был первой ласточкой, вещающей о наступлении весны. Да, весна придет! Будет великое пробуждение народа русского. И кто знает, может быть, оно уже начинается. Может быть, там и тут холодные, мертвые люди уже пробуждаются, оживают, начинают молиться Богу.

Николай только искренно помолился Всевышнему, поискал правду, и глаза его открылись. И не нужно никаких споров, не осталось места для сомнений. О, если бы люди начали от души искать Бога, молиться Ему!

Быстро бы наступила весна, стали бы таять зло, ненависть, грех. И люди увидели бы друг в друге сестер и братьев, осознали бы себя детьми любящего Небесного Отца!..

Глава 10. Голод

"...и будут глады..."

Мтф. 24, 7

...Голод. Человек ест самого себя. Вначале он худеет, исчезает подкожно-жировой слой, уменьшаются мышцы, внутренние органы, истощается нервная ткань.

Сухо и кратко отмечают врачи в своих протоколах: алиментарная дистрофия 1-й, 2-й, 3-й степени. Авитаминоз, цинга, пеллагра. Изможденные, истощенные лежат дистрофики на койках.

Кто они? Заключенные.

— А вот ты едал борщ-то, да со ржаным хлебом? — спрашивает один больной другого.

— Едал — отвечает спрошенный и тоскливо смотрит куда-то в угол. — Как не есть, едал...

Третий поднимается и, словно оживившись, начинает рассказывать сон — что ночью сегодня он ел хлеб, такой вкусный хлеб, такой душистый, да с луком...

Все больные с жадностью слушают его рассказ и как бы ощущают запах этого хлеба, свежего, душистого.

— Да, я едал тоже... — говорит один, напрасно пытаюсь приподняться на койке. Он поворачивается, вытягивается и остается неподвижным.

—А, кажись, он помер... — замечает один. — Позовите доктора.

Входит Лева. У него бледное, худое лицо. Он подходит к койке, на которой лежит больной, открывает зрачки, смотрит. Ниже опускает голову, щупает пульс на сонной артерии и уходит.

Умер человек. Умер "преступник". Смерть сюда заглядывает часто, но мириться с ней трудно.

Больные притихли. Но вот сосед умершего, крадучись, приподнимается, открывает тумбочку умершего и жадно ест оставшиеся после него крохи. С завистью смотрит на него другой.

Голод, страшный голод. Люди с трудом ходят на работу. Люди должны работать, отдавать все силы. Война... Все для фронта, все должно быть направлено к тому, чтобы дать больше продукции, перевыполнить план.

На ответственности Левы здоровье этой колонии заключенных, в которой он сам отбывает наказание. Когда Лева приходит на кухню, он проверяет не только чистоту, не

только качество изготовленной пищи, но — проверяет каждый угол и всюду, где только можно, ищет запрятанные, украденные продукты.

Голод, и люди пытаются воровать, доставать через поваров крупу, рыбу, получить лишнюю тарелку супа, лишь бы насытиться.

Вот во время осмотра кухни он нашел искусно спрятанную в тряпках большую рыбу. Вызывает старшего повара. Лева дрожит, он бледен. Он не может сдержать себя и громко, на всю кухню, кричит:

— Что это такое? Опять тащите! Сколько раз я вам говорил. Ведь люди не получают того, что им причитается.

Старшая повариха, высокая седая женщина, стоит, опустив голову. Она молчит, молчат и другие повара.

Да и что они могут сказать?

А там, за столом, сидят и обедают ИТР — инженерно-технический персонал. Они смеются над возмущенным Левой, они знают, что все это бесполезно и кто, как не они, получают с кухни лучшие куски.

Лева ушел. Наливают обед и несут доктору. Хохочет бухгалтер:

— А вы ему пожиже налейте, пожиже, а то вернет назад. Всем известно, что, когда Лева приносят густой суп и много больше "второго", чем полагается, он возвращает все это назад и требует себе такую же порцию, какую получают рабочие, рядовые "работяги". Он мог бы питаться очень сытно, но он не может. Ведь все это — за счет других...

Он ведет прием. Под конец к нему зашла старшая повариха.

— Плохо мне, доктор, — говорит она. — Что-то спать стала неважно...

На глазах слезы. Лева внимательно осматривает ее и убеждается: полное истощение нервной системы.

— Спокойнее нужно быть, — говорит он.

— Все ругают, — замечает повариха. — Вот и вы на нас кричите. А что поделаешь? Ничего не поделаешь! Все тащат, а не дашь — зарежут.

Лева внимательно смотрит на нее: что тут поделаешь, чем поможешь? Он назначил ей бром, валерьянку, но душа говорит ему: "Хватит молчать, говори!" И Лева тихо спрашивает повариху:

— Скажите, вы верующая, вы верите в Бога?

— Да, — отвечает женщина, — я — староверка.

— Так вы знаете: грех воровать.

— Да, я знаю, — говорит повариха, на глазах ее блещут слезы.

— Так давайте молиться! — сказал Лева и встал. Встала и повариха и, крестясь, начала что-то тихо шептать.

— Господи! — сказал Лева. — Такой голод... Не дай верующему в Тебя грешить, воровать пищу у тех, кому она полагается...

На следующий день после приема в амбулатории к Леве снова пришла старшая повариха, — и на этот раз не одна, а со своей помощницей.

— Мы хотим слышать о Боге, — сказали они.

Он говорил им о Христе, о Его любви, а на следующие дни вечером после работы к нему пришли еще несколько человек, мужчин и женщин. Все хотели слышать о Боге. Пришла и руководительница КВЧ — культурно-воспитательной части. Она тоже хотела слышать о Христе.

После рассказов о Боге все молились. Каждый по-своему. Староверы как староверы, православные как православные, крестились, кланялись. И среди них молился и Лева. Молился, как умел, взывал к Богу, Которого он знал как Спасителя, как Вождя жизни, ради Которого он и находился здесь.

Невозможное стало возможным. То, что не удавалось Леве сделать на кухне, что не могло сделать там начальство — административными мерами устранить воровство, — было устранено. Повара, работники кухни стали честными людьми.

Вот к Леве прибегает одна из поварих, и в ее глазах светится какая-то особенная радость.

— Вы знаете, что произошло? — спрашивает она. — Приходит ко мне один из этих бандитов и говорит: "Давай мясо". Я ему раньше всегда давала, ничего не поделаешь. А тут говорю ему смело: "Не могу дать. Получил свою порцию, и все. Больше на тебя не выписано". А он вскипел, как зверь, выхватил нож и прошипел: "Зарежу!" Все тут остолбенели кругом. Я испугалась, а потом как закричу: "Господи, защити!" Он повернулся и ушел. А мне на сердце стало легко и совсем не страшно...

Боролись с голодом всячески, но он продолжал свое дело. Люди требовали пищи, слабели. Лева делал все, что мог, чтобы поддержать их через лечебное учреждение, команды выздоравливающих и т. п.

Когда появилась трава, целыми мешками собирали кислицу, варили зеленый суп, собирали грибы, копали корни, и все это казалось так вкусно...

...Ничего не бывает тайного, чтобы не стало явным. Скоро начальство прознало, что после работы к Леве ходят люди молиться. Его ценили как работника, им дорожили, поэтому и не сняли его с работы. Но к вечеру, когда заканчивался прием, к амбулатории выставлялся часовой, который до отбоя не допускал к Леве никого. Встретаться приходилось украдкой. Как быть? Люди жаждали духовной пищи, они знали, как знал Лева, что "Не хлебом единым жив человек, но всяческим словом, исходящим из уст Божиих". И Лева нашел выход, как кормить духовной пищей.

Вечером он передавал на следующий день текст из Слова Божия для размышления. Текст этот записывали и передавали друг другу все желающие знать истину Евангелия.

Однажды он передал слова Христа:

"Кто жаждет, иди ко мне и пей!"

Кончился прием, был уже отбой, ушел часовой от здания амбулатории, глухая ночь, мертвая тишина. Но вот раздался стук в его дверь.

— Кто там? Что случилось? — спросил Лева.

— Жаждущие! — послышалось за дверью.

Он открыл. Перед ним стояли верующие, ищущие Бога.

— Мы пришли помолиться.

И они молились. Преклонив колени, зывали к Богу. Редко кто крестился. Большинство простыми словами изливали свои моления и прошения Всемогущему.

Глава 11. Победа

"Не будь побежден злом, но побеждай зло добром".

Рим. 12, 21

По утрам в колонии происходило то, что называлось разводом. Люди, рано позавтракав, строились бригадами в приемной, где их принимал конвой, чтобы вести на работу. Лева вставал рано, до этого развода, проверял качество приготовленной пищи и устраивал амбулаторный прием для тех, кто ночью мог заболеть и не в состоянии идти на работу. Когда раздавался звук железа о подвешенные старые буфера от вагонов, он кончал прием и шел на развод, где мимо него проходили бригады. Начальство не очень любило, когда он стоял там, как выразился начальник колонии, вокруг него начиналась "свадьба". Истощенные, ослабевшие подходили и умоляли об освобождении...

Что он мог поделать? Не мог он освободить тех, которые еще могли работать, еще могли идти.

Это было мучительно — отказывать людям. Некоторые пытались симулировать всякие болезни, падать. Когда он смотрел на все это, сердце его временами разрывалось.

Кончился развод, началась поверка. Надзиратели вместе с прорабом обходили бараки, выстраивали оставшихся там по спискам, проверяли освобожденных от работ

больных. Многие, не будучи освобожденными, прятались, скрывались за печками, на чердаках. Их вылавливали, тащили на работу отдельной бригадой. Обходил бараки и Лева. Он следил, чтобы дневальные начинали работу, проверяли чистоту, правильно ли заправлены постели.

Однажды, проходя, он увидел такую картину. Здоровый прораб — такой же заключенный, как и все, нашел не вышедшего на работу "работягу", который пытался от него скрыться, и, поймав его, страшно избивал. Лева много слышал о жестокости этого прораба. Не раз он видел синяки, кровоподтеки, по поводу которых обращались к нему заключенные, заявляя, что их избил прораб.

Все закипело в Лева. Он не мог перенести этой картины, когда один человек, сильный, избивает слабого. Но это и по закону не полагалось, вернее — по тем искусственным правилам, которые привычно выдавались за "закон".

Вернувшись в амбулаторию, Лева позвонил санитару и велел ему немедленно сходить узнать, в кабинете ли начальник колонии.

"Хватит, — думал Лева. — Нужно будет привлечь к ответственности этого прораба. Нужно положить конец этим избиениям. Я ему покажу, извергу, у меня записаны в карточке все его побои."

Но вдруг в его сознании, среди тьмы, раздражения и недоброжелательности, блеснул луч. Это были слова Писания: "Побеждай зло добром".

Лева понимал, что начать борьбу с прорабом не легко. Конечно, начальство по закону примет меры и привлечет его за побои к ответственности, но станет ли прораб от этого добрее? Не будет ли он видеть в Лева только лютого врага, которому нужно всячески отомстить? Какой же может быть выход?

Вдруг что-то осенило Лева. В это время вернулся санитар и сообщил, что начальника в кабинете нет. Это обрадовало Лева. Теперь у него были совсем другие мысли:

— Иди скорей к прорабу и скажи, чтобы он пришел в амбулаторию.

Вскоре санитар вернулся и сообщил, что прораба он нашел и передал ему то, что было поручено. Но тот ответил, что не пойдет, а если вам что нужно, пусть вы сами к нему пришли бы.

Этот ответ несколько раздражил Лева:

— Пойди к нему опять, — сказал он санитару, — и скажи, что я вызываю его для того, чтобы проверить состояние его здоровья.

Прораб пришел хмурый, злой и тяжело опустился на стул.

— Вы давно не были у меня, — мягко сказал Лева. — Я думаю, что вы нездоровы, что вам нужно полечиться.

Прораб взглянул на Лева и в этом взгляде прочел большое сострадание.

— Да, — сказал прораб, раздеваясь по пояс. — Я изнашиваюсь. Просто нервы не выдерживают. Ведь требуют выполнения плана, чтобы все выходило на работу, а ничего не получается. Просто срываюсь. Вот, знаете, сейчас побил человека...

Он тяжело вздохнул и опустил голову.

Лева внимательно послушал его, проверил рефлексy, назначил ему соответствующее лечение и пообещал даже поговорить с начальником, чтобы ему дали некоторый отдых. Потом еще говорили о человеческом отношении, и прораб все это знал и соглашался, что нехорошо бить людей, обещал лечиться и сдерживать себя.

Расстались они друзьями.

— Если вам что нужно, может быть, писчая бумага, — сказал, уходя, прораб, — обращайтесь ко мне, все для вас сделаю.

С бумагой тогда было очень трудно.

Прораб лечился, поведение его изменилось, уже не слышно было, чтобы он избивал людей. К Лева он относился с уважением и в разрешении всех бытовых и санитарных вопросов колонии стал значительно помогать ему.

"О, как хорошо побеждать зло добром!" — думал Лева.

И вдруг он вспомнил, как он сам кричал на кухне, стараясь этим путем навести порядок.

И ему стало стыдно за это.

Глава 12. Верный подход

"Будьте друг ко другу добры, сострадательны".

Еф. 4, 32

Как-то академик И. П. Павлов назвал истерию — бегством в болезнь от тяжести жизни. Чтобы защитить себя от условий, с которыми человек не может справиться, он цепляется за свою болезнь. "Отсюда, — писал Павлов, — и бегство, воля к болезни, как характернейшая черта истерии"

В трудных условиях пребывания в лагерной обстановке, в условиях хронического недоедания и непосильной работы, человек проявляет это бегство в болезнь не только при истерии в собственном смысле этого слова, но и при любом другом случае заболевания, который кажется ему подходящим. Ведь, как это нередко бывало в описываемые годы, заключенный сплошь и рядом не видит за собой никакой вины, а в числе прочих, вызывающих "бегство в болезнь" причин, страдает и от "разгрома убеждений и верований" (выражение И. П. Павлова).

При всяческой возможности заключенный пытается агgravировать свое заболевание, или иначе — обмануть врача, чтобы только получить желанный отдых.

И вот — в условиях работы с заключенными у некоторых медработников вырабатывается своеобразное состояние ("условный рефлекс"), когда они во всем видят только агgravацию болезни, симуляцию, становятся грубы, дерзки с больными и во многих случаях на этой, почве просматривают действительно тяжелобольных.

Лева больше всего опасался впасть в подобное состояние. Он стремился понять каждого больного, старался выяснить состояние человека с точки зрения нарушения его психики и болезни нервной системы. Это давало ему возможность разрешить самые трудные вопросы. В основу своей врачебной деятельности он положил гуманное, чуткое отношение к каждому человеку. Но откуда и как приобрел он это качество, из какого источника? Не оттуда ли, где чуть не на каждой странице говорится о доброте и сострадании, — из Евангелия, стихами которого он руководствовался каждый день.

Проснувшись, он с утра мысленно вспомнил Библию и тот текст, который загорался в его сердце, он записывал и брал на размышление день. Это охраняло его от многого плохого как в жизни, так и, в практике работы.

Был тихий, солнечный день, лучи света ярко светили, освещая палату, в которой Лева делал обход. Но вдруг будто померкло все перед ним.

В палату, прямо с работы, внесли молодую женщину. Она была окровавлена, тяжело дышала.

— Что случилось? — наклонившись над больной, спросил Лева.

— Побил бригадир, — был ответ.

Не успел еще Лева закончить перевязку пострадавшей, как в палату вошел начальник колонии.

— Доктор, — обратился он к Лева, — немедленно дайте справку о побоях, мы этого бригадира привлечем к судебной ответственности, она получит новый срок.

Фактически Лева был только фельдшер, но как начальство, так и заключенные всегда его "величали" доктором.

Лева был глубоко возмущен этим избиением и с легким сердцем дал справку о побоях. Эту бригадиршу, Валю, он знал: высокая, сильная девушка, способная в борьбе одолеть и мужчину.

И на амбулаторном приеме и после него все время перед Левого стоял один и тот же вопрос:

"Почему эта бригадирша избилла работницу? Что это за проявление злобы, ненависти? Откуда оно?"

Из рассказов пострадавшей он узнал, что Валя набросилась на нее за то, что она не выполнила ее распоряжение. Но почему все-таки избилла, а не уговорила ее?

На следующий день, когда бригадирша Валя была уже в изоляторе или в карцере, Лева обратился к начальнику с просьбой доставить ее в город для консультации с психиатром. Начальник согласился. Выделили специальный конвой и подводу, и Лева с бригадиршей отправились в город. Дорогой Валя говорила мало, была озлоблена и угрюма. В городе они попали на прием к опытному психиатру. Это была эвакуированная из Ленинграда пожилая женщина с очень симпатичным лицом. Она долго беседовала с Валею и выдала справку, что описанный случай (избиение Валею работницы) произошел на почве "нарушения психики".

Попутно она наметила план лечения Валею. Прощаясь с ней, она сказала:

— Когда неприятность, рассердишься, озлобишься, — отойди в сторону, постарайся поплакать и тогда не будешь никогда драться.

Валя глубоко переживала свой поступок. Ее временно перевели в прачечную, где она стирала белье, и отстранили от руководства людьми.

Валя приходила к избитой ею работнице, просила у нее прощения, ухаживала за нею.

Лева был рад, что не тюрьмой, не новым сроком закончилось это дело, что все было объяснено с точки зрения "срыва нервной деятельности", психики, и в то же время пострадавшая простила виновнице ее преступления.

Чем больше Лева смотрел на окружающее, на различные ненормальности в поведении людей, тем более ему становилось ясным, что каждый нарушитель, преступник нуждается, прежде всего, в доброте, в сострадании и в какой-то мудрой форме лечения, которое могло бы не погубить, а спасти больного. И, когда Лева вспоминал и размышлял о великом Иисусе Христе, Который пришел в мир для того, чтобы спасти погибшее, ему становилось совершенно ясно, что только путем Христа, путем доброты и сострадания, прощения обид и вознаграждения человека возвращением его к новой жизни можно спасти человечество, которое гибнет, избавить его ото всех ужасов, которыми окружено оно вплотную.

Принесенный Христом в мир закон Ненасилия, закон любви и всепрощения — это единственное реальное средство избавления людей от обрушившихся на них бед и несчастий.

Глава 13. Освобождение

"Отпустить измученных на свободу".

Луки, 4, 18

Тот, кто был в тюрьме, кто знает неволю, решетку, колючую проволоку и штыки, — только тот может осознать, как дорого то, что называется свободой. Когда страшный преступник, бандит или вор хочет убедить своих собеседников, что он говорит правду, он подтверждает свои слова своеобразной клятвой:

— Вот, свободы мне не видать!..

Не видать свободы для заключенного, это значит — быть похороненным заживо, это значит — впереди только могила. Поэтому когда заключенные бывают вместе и говорят, то самая любимая тема — о свободе. Ее они видят во сне, о ней мечтают. И тогда, когда до конца срока остается меньше года, большинство переживает это очень мучительно: считает не только месяцы, но и дни, часы, когда, наконец, откроются ворота тюрьмы и

они могут стать свободными, выйдут, никто уже не будет кричать: "Повернись направо!", "Подтянись!"

Они могут пойти, куда хочешь и делать то, что хотят.

Приближались дни освобождения и Левы. Не первый раз случалось так, что его освобождали из тюрьмы, поэтому никаких особенных переживаний ожидания свободы у него не было.

Он жил другой свободой — свободой, которую дает Христос. И нужно прямо сказать, что эта неволя тяготила его, как других заключенных: он знал, что если он даже заболит (а физически он был очень слаб от недоедания, от переутомления) и если умрет здесь, в заключении, то это не несчастье. Вся жизнь, вся свобода остается там, впереди, там, за гробом, и эта высшая свобода вдохновляла его.

Начальство относилось к нему внимательно, даже добавили к его пайку сто граммов хлеба, что, кстати, разрешалось делать только особо хорошим работникам из так называемой "хозобслуги" и технического персонала.

Санитарное начальство сменилось, и новый начальник санитарной службы был особенно внимателен к нему. Как-то раз, обходя с Левой бараки, начальник сказал:

— Вы скоро кончаете срок. Я хлопотал о том, чтобы вас оставили вольнонаемным, но, знаете, не разрешили. Говорят, вы какой-то особенный человек, вера у вас какая-то вредная.

— Вера у меня не вредная, — возразил, улыбаясь, Лева. — Полагаю, самая лучшая.

— Ну, я в верах не разбираюсь, — развел руками начальник, — но должен вам сказать: она вас губит, крепко губит... Но вот что я должен вам сказать, — добавил начальник. — Вы очень худой. Я сегодня дал распоряжение на кухне, чтобы вам готовили особо. Будет жареная рыба и кое-что еще.

— Это из каких ресурсов? — спросил Лева.

— Да без ресурсов, — добродушно добавил начальник. — Просто из общей пищи вам будут готовить, и все...

— Нет, я так не могу, — ответил Лева. — Очень благодарен за вашу заботу, но пищу эту брать не буду.

— Тут ничего плохого нет, — возразил начальник. — Ведь фактически это ничтожная крошка от каждого. А вы нужный работник и вас следует поддержать.

— Нет, я не могу, — твердо заявил Лева. Внутри его не было никаких колебаний, и он не был внутренне искушен этим лестным для него предложением.

— Так что же, вам ваша совесть, вера не позволяет? — с любопытством спросил начальник, глядя на него.

— Да, вера, совесть не позволяет, — подтвердил Лева.

Шли дни. И вот, наконец, настал день освобождения, конец срока. Лева собирался на свободу. Но, увы, его не вызвали для того, чтобы оформить документы на освобождение, но пришел начальник санчасти и сообщил:

— Не расстраивайтесь. Вы понимаете, какое у нас положение: вас заменить некому. Запросили центр, чтобы выслали врача или фельдшера, — ответили, что замены пока нет. Оставить такое количество людей без медицинской помощи мы не можем. Хотели вас освободить и оставить жить вблизи колонии, чтобы вы могли обслуживать больных и продолжать работать здесь, но, оказывается: вы — опасный человек, можете там организовать такие волнения, что всем за вас влетит. Поэтому решили, что вы будете продолжать находиться в заключении, пока не найдут врача, который вас заменит.

Это известие несколько не огорчило Леву. Он отлично понимал, что оставить здесь, в стационаре, многих больных, также всю колонию без медицинской помощи — нельзя.

Он понимал также, что его бояться, как верующего христианина, и спокойно ответил начальнику:

— Возражать не могу, если так сложились обстоятельства, буду честно работать, пока не подыщите заместителя...

Не первый уже раз получалось так, что Лева ни за что ни про что пересиживал свой срок. Когда в эпоху "ежовщины" он окончил свой срок "наказания", его тоже освободили не сразу, и ему пришлось пересидеть несколько месяцев, пока не пришло из Москвы разрешение освободить его.

Конечно, он устал, он измучился, видя вокруг страдания и за все пять лет не встретив ни одного брата, ни одного, с кем бы он мог глубоко поделиться мыслями об Иисусе, вместе помолиться. Большой радостью для него было только то, что здесь, в заключении, нашлись такие, кто породнился с ним по крови Иисуса.

Наконец настал день, когда приехал вольнонаемный фельдшер: это была молодая девушка, недавно окончившая фельдшерскую школу. Лева подробно рассказал ей о характере работы, познакомил ее со всеми трудностями, пожелал успеха. Девушка страшно боялась новой работы, боялась наделать ошибок, погубить здоровье людей. Лева всячески ее ободрял, рекомендовал почаще заглядывать в учебники, в справочники, а главное, говорил он, будьте чутки, внимательны, наблюдательны. Доброта и сострадание не помешают лечению больных.

По этапу его переправили в центральную колонию, в город. Белорецк.

Белорецк, где был большой металлургический завод, требовал много дров, угля, материалов для своей работы; продукция его была нужна и фронту и тылу.

И разбросанные здесь и там колонии заключенных, в одной из которых отбывал свой срок Лева, были заняты на лесозаготовках в лесистых горах Урала и на работах по переброске грузов.

Его привезли в контору, где надзиратели поздравили его с освобождением, вручили документы и скромную сумму денег, которая давалась на пропитание и на покупку железнодорожного билета.

А не хочешь ли взять свою фотокарточку на память? — спросил надзиратель, отрывая фотокарточку от личного дела Левы.

С удовольствием, спасибо, — сказал Лева.

На фотокарточке он увидел себя — типичного "уголовника, преступника" со стриженной головой, с доской на груди, на которой значился номер его личного дела.

Да, прошли годы — больше пяти лет. За эти годы он мог бы многое сделать. Ведь взяли его со скамьи института, теперь бы он был дипломированный врач, возможно, занимался бы научной работой... Но вот его бросили в тюрьму. За то, что он хотел жить, жить по учению Христа, исполнять Его завет.

Но ни огорчения, ни злобы на этих людей, что так жестоко поступили с ним, у него не было. Он мог искренно сказать вместе с Христом:

"Боже, прости им, ибо не знают, что делают".

Он твердо знал и верил, что Вождем его жизни является Христос. И Он Сам предусмотрит, что и когда будет лучше. Но то, что в эти долгие годы заключения он мог быть полезным и оказывать добро в лечении больных, в сохранении и восстановлении здоровья — одно это было уже хорошо...

Отворились железные двери, он вышел. Перед ним расстился незнакомый город. Есть ли тут дети Божий? "Господи, Ты Сам устрой мой путь дальше, веди меня!" — тихо внутренне молился он.

Кто-то дотронулся до его руки. Он остановился.

— Я нашла ваших братьев и сестер, они ждут вас! — услышал он.

Перед ним стояла девушка, жительница Белорецка. Будучи в заключении, она когда-то работала медсестрой. Лева не скрывал от нее, что он христианин, и рассказывал о таких же, как он, братьях и сестрах, которые живут по Евангелию — баптистах.

Девушку эту перевели в другую колонию, но, окончив срок и оказавшись на свободе, она не забыла о Левае, разыскала его единомышленников — верующих людей, познакомилась с ними, узнала день освобождения Левы и пришла для того, чтобы проводить его к верующим.

Так сделал Господь...

Издательство "Благовестник", Москва, 1993 г.